КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XC.

1905 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 11 августа 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 90-го:

Іюль-августъ, сентябрь, 1905 г.

Книга первая и вторая — Іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья — сентябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Изъ исторіи образованія на Украинѣ.

I.

Нѣсколько данныхъ объ украинской семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в.

До сихъ поръ въ печать проникло немного свѣдѣній о состояніи украинской духовной семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в. [1]). Тѣмъ цѣннѣе должны быть тѣ данныя, которыя мы находимъ въ архивѣ св. синода (дѣло 1737 г. № 380, въ 5 томахъ) объ этой семинаріи. Тамъ найдено нами 8 донесеній переяславскаго епархіальнаго начальства, нѣсколько обрисовывающихъ состояніе семинаріи въ первые годы ея существованія (1738—1745 г.г.).

Во исполненіе синодскаго указа, послѣдовавшаго по волѣ императрицы Анны въ 1737 г., епископъ переяславскій Арсеній Берло 20 іюня 1738 г. представилъ первое донесеніе въ синодъ о своей семинаріи, тогда только еще основывавшейся. Въ своемъ донесеніи Арсеній пишетъ, что, прибывъ на Пере-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1888 г., т. 20; 1889 г., февр.; 1899 г., янв.; брош. А. Берло—„Арсеній Берло, еп. Переясл.“, Кіевъ, 1904 г.; въ брошюрѣ игумена Поліевкта „Свѣдѣн. о Полт.—Переясл. епарх. и ея архипастыряхъ“, Полтава 1868 г.; въ Полт. Епарх. Вѣдом. за 1891 г. №№ 10—11, 17—18, 22 и др.

яславскую каѳедру 9 ноября 1733 года, онъ «такъ училищъ, яко учителей, и никакихъ учениковъ не засталъ, и прежде не бивало»; теперь-же, въ 1738 году, «школи устроени», «въ которыхъ нинѣ священническіе дѣти по состоянію новосооруженнихъ училищъ на россійскомъ язике грамоти и латинскимъ початкомъ писать и елементаровъ начали обучаться, а протчіи Алваровъ [1]) заправляються, и школи инфиміи и грамматики слушаютъ»; высшимъ же наукамъ дѣти священниковъ Переяславской епархіи обучались тогда въ Кіевской академіи и Черниговскомъ коллегіумѣ, гдѣ проходилы школы—поэтику, риторику, философію и богословіе. Къ своему донесенію Арсеній приложилъ и вѣдомость объ ученикахъ «школы славено-латинской», которыхъ (все—священническія дѣти) показано 47 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 9 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ 12 человѣкъ «обучаются писать на россійскомъ и латинскомъ діалектѣ» съ 1738 г., 11—«елементари учатъ» тоже съ 1738 года, 11—«обучаеться Алвара» съ 1737 г., 8—«обучаеться школи инфими» съ 1736 г. и, наконецъ, 5 человѣкъ «обучаеться школи грамматики». Объ учителяхъ нѣтъ ни слова, нѣтъ и ихъ подписей въ вѣдомости. Думаемъ, что данное донесеніе и вѣдомость кое-чего не договариваютъ, именно того, что все это только—проектъ, близкій къ осуществленію, а не самая дѣйствительность. Извѣстно уже, что открытіе семинаріи послѣдовало осенью 1738 г.,—слѣдовательно, 20 іюня, когда писалось это донесеніе, ея еще не было. Зданіе для училища тогда только еще достраивалось, ученики еще собирались съ епархіи, учителей не было. Указаніе на то, что ученики обучаются съ 1737, 1736 и даже 1735 г.г., не слѣдуетъ принимать въ смыслѣ утвержденія основанія семинаріи раньше 1738 г.; это, думается, просто означаетъ то, что дѣти священниковъ Переяславской епархіи, учившіяся раньше въ Кіевѣ и Черниговѣ съ указанныхъ годовъ, въ 1738 г. намѣчены были къ переводу въ соотвѣтствующіе классы Переяславской семинаріи.

---

[1]) Разумѣется тогдашняя учебная книга Альвара по лат. яз.

Слѣдующее донесеніе Арсенія, отъ 5 іюля 1739 г., болѣе интересно, такъ какъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ учебномъ годѣ Переяславской семинаріи.—«За неимѣніемъ при домѣ архіерейскомъ Переяславскомъ»,—пишетъ въ донесеніи Арсеній,—«учителнихъ монаховъ, также и свѣтскихъ людей, принужденъ опредѣлить во учители мирскихъ трохъ священныковъ честнихъ, изучившихъся богословіи, которіе, на особливомъ моемъ трактаментѣ будучи содержаны и консоляціею удоволены, с охотою должность свою учителскую исполняють». Къ донесенію приложена вѣдомость, изъ которой видно, что въ первомъ учебномъ году въ Переяславской семинаріи были школы или классы: фара (30 уч.), инфима (27 учит.), грамматика (11 учит.), синтаксима (24 уч.), поэтика (6 уч.) и риторика (12 уч.), въ нихъ всего обучалось 110 человѣкъ. Достойно вниманія, что въ этой семинаріи, въ первый-же годъ ея существованія, при 65 священническихъ дѣтяхъ, обучалось 45 дѣтей «разночинцовъ». Въ числѣ разночинцевъ, приславшихъ въ переяславскую семинарію своихъ дѣтей въ первый годъ ея существованія, встрѣчаются слѣдующія званія: есаулы («асаулы»), сотники, старосты, 2 компанійскихъ полковника, компанійскіе козаки, 1 факторъ полковой и—больше всего—мѣщане и «люди посполитые». Какъ оказывается, въ переяславскую семинарію присылали и изъ такихъ мѣстъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ переяславской епархіи, какъ Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Сумы, Конотопъ, Гадячъ, Глуховъ, Любечъ и т. п. Такимъ образомъ, переяславская семинарія сразу-же получила значеніе крупнаго просвѣтительнаго центра въ Украйнѣ.

Большинство учениковъ опредѣлено было въ семинарію 12 сентября 1738 г., но были и поступившіе позже—въ октябрѣ и ноябрѣ и даже 9 января 1739 г. Первыми учителями переяславской семинаріи, какъ видно изъ подписей къ вѣдомости, были священники: въ фарѣ и инфимѣ—Іоаннъ Лисіевичъ, въ грамматикѣ и синтаксимѣ—Стефанъ Древецкій[1]), въ поэтикѣ и рито-

[1]) Вѣроятно, это то же лицо, которое въ слѣдующемъ донесеніи имѣетъ фамилію Деревецкій.

рикѣ Іоаннъ Журовскій. Неизвѣстно, имѣлъ-ли изъ нихъ кто-нибудь званіе «префекта»—начальника семинаріи.

Въ донесеніи отъ 12 іюля 1740 г. еп. Арсеній указываетъ уже другихъ преподавателей семинаріи (за исключеніемъ, кажется, одного); въ риторикѣ и поэтикѣ священника Стефана Деревецкаго, въ синтаксимѣ и грамматикѣ—«ѳеолога Козму Богдановича», въ инфимѣ и фарѣ—Симеона Прокопова. Изъ нихъ два послѣднихъ отнесены къ числу «студентовъ». Подобно тому, какъ въ предыдущемъ донесеніи, объ учителяхъ замѣчено, что они, «на особливомъ препитаніи будучи содержаны и награжденіемъ пристойнимъ удоволены, по надлежащему должность свою учителскую исполняли». Священникъ Стефанъ Деревецкій именуется «коллегіума переяславскаго префектомъ». Въ 1739—40 уч. году учащихся въ семинаріи было 123, въ томъ числѣ дѣтей разночинцевъ 44.

Въ донесеніи 23 іюля 1741 г. указываются слѣдующіе учителя семинаріи: священникъ Троицкой церкви мѣстечка Баришевки Михаилъ Исаевичъ («Ісаевичъ»), «философіи изучившійся» (т. е. окончившій въ Кіевѣ или Черниговѣ классъ философіи) и преподававшій въ 1740—41 уч. году въ Переяславской семинаріи риторику и поэтику; затѣмъ «мирскіи студенты, философіи изучившіеся»—Семенъ Прокоповичъ, учитель грамматики и синтаксимы, и Трофимъ Горлянскій, учитель фары и инфимы. Званіе префекта имѣлъ священникъ Михаилъ Исаевичъ. Учащихся было 124 человѣка, изъ нихъ дѣтей разночинцевъ—49.

Донесеніе отъ 3 іюля 1742 года даетъ указаніе, что съ 1741—42 учебнаго года въ Переяславской семинаріи введено было обученіе польскому языку и уничтожена была самая низшая школа—фара, вѣроятно, оказавшаяся лишней—въ виду существованія приходскихъ школъ. Въ этомъ году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ переяславскихъ» и учителемъ риторики былъ священникъ Іоаннъ Лиссіевичъ, въ синтаксимѣ и поэтикѣ учительствовалъ «Алексей Малѣновскій»—лицо свѣтское, въ инфимѣ и грамматикѣ—священникъ Филиппъ Стефановъ. Изъ 120 воспитанниковъ, бывшихъ на лицо въ этомъ году въ семинаріи, 49—дѣти разночинцевъ, остальные—духовнаго званія.

Судя по послѣднему донесенію епископа Арсенія Берла отъ 26 іюня 1743 г., въ 1742—43 уч. году въ Переяславской семинаріи преподавали: префектъ «коллегіума» и учитель риторики Алексѣй Малиновскій, учитель поэтики и синтаксимы священникъ Филиппъ Гошкевичъ и учитель грамматики и инфимы Филиппъ Покорскій. Всѣхъ учащихся на лицо было 136, изъ нихъ 62—дѣти разночинцевъ.

Въ 1743—44 уч. году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ, при домѣ преосвященнѣйшого архіерея переяславскаго имѣющихъся», былъ учитель риторики Василій Лаврентіевъ Зеленскій; въ поэтикѣ и синтаксимѣ преподавалъ Григорій Павловъ Гиновскій, въ грамматикѣ и инфимѣ—Іаковъ Павловъ Фаворскій. Учащихся было—61 духовныхъ и 48—свѣтскихъ.

Въ слѣдующемъ 1744—1745 учебномъ году въ семинаріи оставался тотъ-же преподавательскій персоналъ, что и въ предыдущемъ году, учащихся-же было: 66—дѣтей духовенства и 45—свѣтскихъ.

Но мирное теченіе жизни переяславской семинаріи скоро было, какъ узнаемъ изъ другого дѣла синодскаго архива (1748 г. 12 сентября, № 232), нарушено: 18 іюля 1748 г., при епископѣ Никодимѣ Сребницкомъ (1745—1751 г.г.), сильный пожаръ уничтожилъ «училищные школы» вмѣстѣ со многими постройками переяславскаго каѳедральнаго Вознесенскаго монастыря. Вслѣдствіе этого Никодиму пришлось до постройки новаго зданія перенести семинарію въ смежный съ каѳедральнымъ монастыремъ пустовавшій домъ Семена Мировича, раньше принадлежавшій умершей генеральшѣ Кантакузиной. Домъ оказался подходящимъ для того, чтобы въ немъ «для ученія собиратись безъ утѣсненій», но его пришлось нѣсколько ремонтировать и дворъ его заборомъ оградить. Синодъ и сенатъ одобрили это дѣйствіе Никодима, давъ ему заднимъ числомъ на это разрѣшеніе.

Новое зданіе для семинаріи выстроено было уже преемникомъ Никодима, Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.), который проявлялъ особую заботливость о переяславской семинаріи. Такими-же заботливыми попечителями ея были и послѣдующіе

епископы Переяславскіе и Бориспольскіе: Гервасій Линцевскій (1757—69 г.г.), Іовъ Базилевичъ (1771—1776 г.г.), устроившій въ семинаріи философскій классъ въ 1774 г., и Иларіонъ Кондратковскій (1776—1785 г.г.), открывшій заключительный классъ—богословскій.

Дѣло синодскаго архива 1781 года № 501 содержитъ въ себѣ подлинное донесеніе епископа переяславскаго и бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго объ открытіи имъ съ 1781—82 учебнаго года въ Переяславской семинаріи богословскаго класса.

Въ этомъ своемъ донесеніи епископъ Иларіонъ, между прочимъ, пишетъ, что въ Переяславской семинаріи, учрежденной въ силу указа 1737 г., «до 1773 года преподаваемо было ученіе точію по риторику; а того года антецессоромъ моимъ Іовомъ (Базилевичемъ) учреждена и философія; нынѣ же усматривая обстоятельства нужные для учениковъ сея семинаріи и ползу, къ лучшему для епархіи благосостоянію, учредилъ быть богословскому ученію, къ преподаванію коего опредѣлилъ префекта семинаріи, философіи учителя заграничного Мошногорскаго монастыря игумена Варлаама Шишацкаго, вѣдая доволно по разуму его къ тому благонадежна и способна».

Это доношеніе епископа Иларіона отъ 13 сентября 1781 г. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что открытіе богословскаго класса въ Переяславской семинаріи послѣдовало послѣ лѣтнихъ каникулъ 1781 года.

Еще одно дѣло архива св. синода (1782 г. № 377) сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи Переяславской семинаріи—уже въ началѣ 80 годовъ того-же 18 вѣка. Изъ содержащагося здѣсь донесенія въ синодъ послѣдняго епископа Переяславскаго и Бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго, отъ 7 ноября 1782 г., видно, что этимъ архіереемъ въ Переяславской семинаріи «богословское ученіе зъ прошлого 781 года учреждено» (т. е. богословскій классъ въ этой семинаріи открытъ и устроенъ былъ *въ 1781 г.*, а не въ 1778 г., какъ доселѣ думали). Изъ этого-же

донесенія получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о семинарскихъ зданіяхъ того времени: низшіе классы помѣщались въ каменномъ зданіи, «въ одинъ атажъ подъ древянную кришу выстроенномъ» еще епископомъ Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.); философскій классъ помѣщался въ «братской трапезной келліи» каѳедральнаго монастыря; кромѣ того, при семинаріи числился еще «особливой древяной домъ въ городѣ (т. е. внѣ монастырскихъ стѣнъ, въ которыхъ помѣщалась самая семинарія) выстроенной, називаемой *бурса*, въ коемъ болшею частію осиротѣліе, а между тѣми и прямо убогіе священно и церковнослужителскіе дѣти содержуются для продолженія ученія». Зданіе «бурсы» и живущіе въ ней ученики содержались на «окладѣ, собираемомъ въ сылу Духовнаго Регламента зъ епархіи»; вслѣдствіе «скудости» переяславской епархіи, въ годъ собиралось на «бурсу» всего «зъ денегъ до 80 рублей, да хлѣба разнаго до 50 четвертей»,—почему «прокормленіе» «бурсаковъ» производилось «со всякою умѣренностію». На содержаніе самой семинаріи давалось пособіе изъ экономіи каѳедральнаго монастыря; что-же касается семинарскихъ преподавателей, то они, по словамъ донесенія, «никакова оклада и доходовъ не имѣя, содержатся на монастырскомъ [1]) и архіерейскомъ иждивеніи».

Еп. Иларіонъ испросилъ разрѣшеніе у св синода взять изъ денегъ, собранныхъ въ переяславской епархіи на «заграничные монастыри и церкви», 600 рублей на пристройку къ семинарскому зданію «одной каменной школы», т. е. помѣщенія для одного класса (вѣроятно, новооткрытаго-богословскаго), и на покрытіе всего семинарскаго зданія «листовимъ желѣзомъ», да еще 400 рублей на постройку новаго деревяннаго зданія для «бурсы» вмѣсто стараго, «въ давнѣхъ годѣхъ выстроеннаго» и пришедшаго уже въ «крайнѣйшую ветхость». Получивъ разрѣшеніе си-

---

[1]) Сколько шло изъ монастырей переясл. еп. на семинарію въ 60 г.г. 18 в., объ этомъ см. въ нашей статьѣ „Гервасій Линцевскій“ въ дек. кн. „Кіевск. Стар.“ за 1904 г.

нода на производство этихъ построекъ, Иларіонъ въ ноябрѣ 1783 г. закончилъ ихъ, о чемъ и донесъ синоду 18 декабря того-же 1783 г.

II.

Нѣсколько данныхъ объ украинскомъ Черниговскомъ коллегіумѣ въ 18 в.

Украинскій черниговскій коллегіумъ, основанный въ 1700 г. знаменитымъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, въ 1730-хъ годахъ состоялъ изъ 6 школъ или классовъ—аналогіи или фары, инфимы, грамматики, синтаксимы, поэтики и риторики. Въ это время коллегіумъ наполнялся учащимися не только изъ дѣтей духовенства, но и свѣтскихъ разнаго званія; количество послѣднихъ даже значительно превосходило количество первыхъ. Такъ въ 1736 г. [1]) учащихся духовнаго званія было въ коллегіумѣ всего 78 человѣкъ изъ 253 «студентовъ всѣхъ» коллегіума. Остальныя сословія были представлены такъ: 76 дѣтей козаковъ бунчуковыхъ, значковыхъ и рядовыхъ, 30—сыновья мѣщанъ и купцовъ; изъ людей посполитыхъ—69. Въ 1737 г. учащихся въ черниговскомъ коллегіумѣ было меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году, всего 210, которые такъ распредѣлялись между сословіями: духовнаго—74, козацкаго—62, мѣщанскаго и купеческаго—31 и посполитыхъ—43. Въ 1738 г. въ коллегіумѣ обучалось 188 человѣкъ, въ томъ числѣ дѣтей духовенства—60, козачьихъ—56, мѣщанъ и посполитыхъ—72.

---

[1]) См. въ дѣлѣ архива св. синода 1737 г. № 380 (въ томахъ—1 и 2) донесенія архіепископа черниговскаго Иларіона Рогалевскаго (1735—38 г.г.) отъ 28 апрѣля 1737 г. и 16 мая 1738 г.; донесенія эти существенно дополняютъ свѣдѣнія о черниговскомъ коллегіумѣ, сообщаемыя покойнымъ архіеп. черниговскимъ Филаретомъ Гумилевскимъ во 2 т. его «Историко-статист. описанія черниг. еп.», Черниговъ, 1873 г.

Далеко не одна черниговщина посылала сюда своихъ уроженцевъ для полученія образованія, и не одна только лѣвобережная Украина; было тутъ не мало и пришедшихъ «з Полщи» какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; показанъ даже одинъ «венгерской націи», бывшій въ классѣ риторики въ 1737—38 учебномъ году. Такимъ образомъ, черниговскій коллегіумъ въ 1730-хъ годахъ, какъ и вообще въ 18 вѣкѣ, игралъ большую роль въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія на Украинѣ, давая въ своихъ стѣнахъ среднее образованіе для представителей населенія разныхъ сословій со всей Украйны—и лѣвобережной, и правобережной.

Учащіеся въ черниговскомъ коллегіумѣ въ данное время жили: 1) или на отдѣльныхъ квартирахъ «на кошту отческомъ»—это дѣти состоятельныхъ родителей; 2) или «на інспекторіахъ»—на содержаніи родителей учениковъ, репетиторами которыхъ они были,—это бѣдные и болѣе способные ученики изъ старшихъ классовъ—поэтики и риторики (главнымъ образомъ послѣдней); 3) или «на хлѣбѣ епархіалномъ» и «на хлѣбѣ монастырскомъ» «в бурсацкихъ домѣхъ»—это «нищіе и прокормленіе себѣ получать откуда неимущіе». Въ 1736 г. «на кошту отческомъ» въ черниговскомъ коллегіумѣ было 116 учениковъ, «на інспекторіахъ»—33 (изъ нихъ 29 изъ класса риторики и только 4 изъ поэтики), «на хлѣбѣ епархіалномъ»—104. Въ 1737 г. «на кошту отческомъ» состояло 99, «на інспекторіахъ» 26, «на хлѣбѣ монастырскомъ в бурсацкихъ домѣхъ»—85. Для жилья бѣдныхъ семинаристовъ при черниговскомъ коллегіумѣ въ 1720-хъ и 30-хъ годахъ существовало «два жилніе домы», иначе называвшіеся «*бурсацкими* домами». Содержались эти дома, въ силу распоряженія, сдѣланнаго при вступленіи въ управленіе черниговской епархіей архіепископомъ Иродіономъ Жураковскимъ (1722—1733 г.г., † 1736 г.), на особые взносы монастырей и церквей епархіи. Практиковалось такъ: одинъ годъ взносили на «бурсу» монастыри деньгами и «харчами», другой годъ приходскія церкви—одними только деньгами. Въ 1723, 25, 27, 29, 31, 33, 35 и 37 г.г. взносъ дѣлали церкви, каждый годъ равномѣрно—по 54 рубля 27 коп. На эти 54 рубля 27 копеекъ и содержались

круглый годъ человѣкъ 80--110 «бурсаковъ», Въ 1722, 24, 26, 28, 30, 32, 34 и 36 г.г. взносы дѣлались монастырями черниговской епархіи. Монастыри взносили на содержаніе «бурсы» въ годъ—24 рубля деньгами, 24 четверти ржаной муки, 1 четверть пшеничной муки, 6 четвертей «гречаной» муки, 7 четвертей крупъ, 100 «квартъ олѣи» и 9 пудовъ сала. Отпускалось неопредѣленное количество «харчевого викту» и отъ дома архіерейскаго—«по возможности».

Обученіе въ коллегіумѣ велось на 3 языкахъ—славянскомъ, польскомъ и латинскомъ.

Въ 1736 и 1737 г.г. префектомъ коллегіума и учителемъ риторики былъ іеромонахъ Іоасафъ Григоріевъ Липяцкій (или Лѣпяцкій), 37 лѣтъ отъ роду, происходившій изъ г. Полтавы, сынъ священника. Въ то же время въ другихъ классахъ преподавали: въ поэтикѣ—монахъ Софроній Ивановъ Зѣмѣнскій (послѣ былъ тутъ-же префектомъ), 32 лѣтъ, сынъ священника, уроженецъ «заграничного полского мѣстечка Зѣлочова»; въ синтаксимѣ и грамматикѣ—іеромонахъ Пафнутій Захаріевъ Захаржевскій, 40 лѣтъ, «мѣщанскій сынъ з заграничного города Лвова»; въ аналогіи (фарѣ) и инфимѣ—іеродіаконъ Варнава Ивановъ Корогодскій, 29 лѣтъ, сынъ священника изъ Чернигова.

Учителя коллегіума получали также содержаніе: изъ черниговскаго каѳедральнаго монастыря «истного и питного викту»: имъ отпускалось «ежеденно» «удвое» больше прочихъ монаховъ этого монастыря; кромѣ того, ежемѣсячно имъ на всю «компанію» изъ дому архіерейскаго отпускалось нѣкоторое количество ржи, соли, хлѣба, крупъ и муки; принимали они также участіе въ братской монастырской кружкѣ; одѣяніе получали «з келіи архіерейской и с казни» архіерейскаго дома. Былъ еще одинъ источникъ доходовъ для учителей коллегіума: родители «знатного чина», отдававшіе для обученія въ коллегіумъ дѣтей своихъ, «за честь тѣхъ знатного чина учениковъ», давали учителямъ «полѣтическое приношеніе» 4 раза въ годъ—передъ каникулами, послѣ каникулъ и къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи. По-

слѣдній источникъ содержанія учителей коллегіума считался вполнѣ естественнымъ,—о немъ, какъ обычномъ явленіи, архіерей, между прочимъ, доноситъ синоду.

Не смотря на то, что, при совокупности всѣхъ указанныхъ доходовъ, учители коллегіума «безъ нуждно доволствовались», должность учительская не считалась интересною: архіепископъ Иларіонъ доноситъ въ синодъ, что свѣтскіе учителя не могли-бы выдержать положеннаго трехгодичнаго срока прохожденія учительской должности, только монаховъ и можно было удерживать на преподавательскомъ мѣстѣ три года.

По окончаніи семинаристами коллегіума,—доносилъ синоду архіепископъ Иларіонъ,—ихъ, вслѣдствіе «малороссійской свободы», нельзя было удерживать въ духовномъ званіи: очень многіе — иные по окончаніи коллегіума, а другіе «и школъ латинскихъ совершенно ученіе не прошедши»,—уходили на свѣтскую службу, занимали разныя должности въ козацкихъ полкахъ или канцеляріяхъ, иные-же уѣзжали довершать свое образованіе въ другихъ коллегіяхъ.

Еще нѣсколько цифръ за послѣдующіе годы.

Въ 1738—39 учебномъ году въ черниговскомъ коллегіумѣ, въ 6 школахъ его обучалось 67 сыновей духовенства и 135—свѣтскихъ, въ томъ числѣ 12—дѣти бунчуковыхъ козаковъ, 27—значковыхъ и 24—рядовыхъ козаковъ, 37—дѣти мѣщанъ, 11—«поселянскихъ» и кромѣ того «виходцовъ с Полщи»—разныхъ чиновъ и званій—24.

Въ слѣдующемъ учебномъ году учащихся здѣсь было нѣсколько больше—213, изъ нихъ—90 духовныхъ, изъ козаковъ—бунчуковыхъ—23, значковыхъ—22, рядовыхъ—12, изъ мѣщанъ—32, «поселянскихъ»—12, вышедшихъ изъ Польши—22 (кромѣ дѣтей духовенства).

Въ 1739 г. на содержаніе «нищихъ студентовъ» коллегіума, т. е. «бурсаковъ», поступило съ церквей черниговской епархіи 54 рубля 27 копеекъ, изъ которыхъ израсходовано было 51 р. 62 коп.

Въ 1740—41 учебномъ году число учащихся сильно возросло—ихъ было 254 человѣка. Лицъ духовнаго званія въ этомъ году обучалось въ коллегіумѣ 85 (т. е. около $^1/_3$ всего количества учащихся), остальныя двѣ трети состава воспитанниковъ коллегіума распредѣлялись между другими сословіями такимъ образомъ: козаковъ—бунчуковыхъ 30, значковыхъ 19, рядовыхъ 26, мѣщанъ 40, поселянъ 14, выходцевъ изъ Польши (не—духовнаго происхожденія) 40.

На содержаніе «бурсы» въ 1740 г. взнесено было отъ монастырей черниговской епархіи 6 четвертей и 1 четверикъ ржаной муки, 2 четверти крупы, 4 пуда и 19 фунтовъ сала и 22 рубля денегъ. Израсходовано было въ теченіе года все, кромѣ $93^1/_2$ копеекъ.

Въ 41—42 учебн. году количество учащихся значительно понизилось—до 202 человѣкъ. Кромѣ 85 духовныхъ (въ томъ числѣ 4 выходца польскихъ), обучалось 27 дѣтей бунчуковыхъ козаковъ и старшинъ, 17—значковыхъ, 15—рядовыхъ козаковъ, 23—мѣщанъ, 15—поселянъ, 29—свѣтскихъ выходцевъ изъ Польши. Въ слѣдующемъ учебномъ году училось 89 духовныхъ (въ томъ числѣ 7 вышедшихъ изъ Польши) и 124 свѣтскихъ,—въ числѣ послѣднихъ—дѣтей старшинъ и бунчуковыхъ козаковъ—25, значковыхъ козаковъ—11, рядовыхъ—26, мѣщанъ—28, поселянъ—12, польскихъ выходцевъ—22.

Въ 1743—44 учебномъ году изъ 267 учащихся духовныхъ было 105, сыновей старшинскихъ и бунчуковыхъ козаковъ—38, значковыхъ козаковъ—12, рядовыхъ козаковъ—37, мѣщанъ—19, поселянъ—27, вышедшихъ изъ Польши свѣтскихъ—29. Въ числѣ 105 дѣтей лицъ духовныхъ въ этомъ году было 7 вышедшихъ изъ предѣловъ польскаго королевства; дѣти заграничнаго духовенства обычно значатся обучающимися только въ старшихъ классахъ, начиная съ класса синтаксимы.

На содержаніе «бурсы» при черниговскомъ коллегіумѣ израсходовано было: въ 1741 г.—37 рублей 71 коп. (изъ поступившихъ 54 руб. 29 коп.); въ 1742 г. — 14 четвертей ржаной

муки, 7 четвертей «гречаной», 4 четверти крупы, 6 пудовъ сала и 16 рублей денегъ; въ 1743 г. — показано израсходованныхъ только 16 рублей (изъ 53 рублей 24 коп., собранныхъ съ церквей епархіи).

Въ данное время (вторая четверть 18 в.) въ черниговскомъ коллегіумѣ было всегда 6 школъ, начиная съ фары или аналогіи и кончая риторикой. Упраздненія класса фары (какъ то случилось въ переяславской семинаріи въ 1741 г.) здѣсь не было.

Вл. П—ко.

НІОБА.[1]

(Новеля).

ГЛАВА XV.

Зонынъ дневныкъ.

Стара бабуня чытае своему двадцятылитнёму слипому внукови дневныкъ своеи доньки Зони, видъ уступу до уступу, обълвляючы пры тимъ (забувшы цилковыто на его прысутнисть) свои думкы и розмирковування, такъ що дневныкъ зъ іи замиткамы мае характеръ якогось музычного duo.

—

(Зоня): «Чытайте мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытайте мій дневныкъ! Уперше въ жыттю потребую я сповидныка. Але не такого, котрый подавъ бы мени религійну розраду, чы тамъ потишення, а такого, котрый носывъ черезъ циле свое жыття тяжкый хрестъ.

Я бувала завсигды въ соби замкнена, уныкала (хоча зъ прыроды доволи покирлыва) всякого хочъ бы и найменьшого упокорення — а остаточно... потребую сповидныка! Вы дорога, далека маты! Вы, зъ вашою горемъ пригнобленою душею, та

---

[1]) См. К. Ст. 1905 г. № 7 —

глыбоко зарысованною линіею болю коло добрыхъ устъ,—будьте *вы* моимъ сповидныкомъ, що прынявъ бы мою сповидь, потишывъ бы мене, а остаточно простывъ мени, бо чіёгось прощення я потребую!

Вы, моя далека мамо, зъ хрестомъ, що ёго наложылы на васъ ваши диты, а котрого вы сами неслы, будьте вы, мамо, моимъ сповидныкомъ!

(Бабуня, чытаючы, хытае смутно билою головою и говорыть пивголосомъ):

— «Такъ, такъ, моя сумовыта доню! я вже видчуваю, чому тоби сповидныка потрибно. Ты потребуешъ мого благословенства до твоихъ терпинь, и не дурно звернулася ты до твоеи матери!..

—

(Зоня). Вы знаете, мамо, яке выховання я отрымала, и зъ якою любовію и стараннямъ обдавалы мене тётя и вуйко,—якъ мене описля выпровадылы въ товарыство и, хотяй того николы не говорылы устамы,—леліялы въ своимъ серцю бажання выдаваты мене замижъ за якогось чесного и образованного чоловика, найрадше за пытомця.

Тёти и стрійкови, особлывожъ тёти, здавалось, що це мусыло бы для мене найлипше буты, бо звычайно воны зналы станъ духовенства, якъ и ёго добри и недогидни стороны.

Въ своимъ вильнимъ часи виддавався вуйко (о скилько це ёму було можлыво) де-якымъ студіямъ, особлывожъ выучуванню чужыхъ мовъ, якъ тако-жъ литературы и поэзыи. И не дыво, мамо, що я, чымъ ставала старшою и поважнійшою, стала ёго ученыцею. Особлыво-жъ де-яки чужи мовы прысвоювала я соби, за ёго порадою и помочею, радо и охотно, що уможлывляло мени описля пизнаваты чужу литературу. Це знову справляло мени завсигды таку [illegible] и вдоволення, що я, хоча мы жылы [illegible] спокійно [illegible] для себе, не зазнавала николы нудьгы [illegible] самоты, якъ де-яки зъ моихъ ровесныць и иншыхъ знаёмыхъ [illegible]. Я любыла самоту, мамо.

Въ ній працювалося и роздумувалося такъ свобидно и легко, а наколы вона видъ часу ожывлялася мылымы и товарыськымы знаёмымы, все выривнювалося въ гармонію и корысть.

—

Мени соромно, мамо, сказаты вамъ:

Я доволи завчасу зачувала, що моя врода сымпатычна, та що я можу вважатысь «доброю партіею»; зразу не робыло це на мене ніякого враження, хыба що справляло на хвылыну прыемнисть. Пизнійше ставало це мени прыкро и якогось рода тягаромъ, а часомъ просто и разыло, и ображало. Я зрозумила, що у всимъ тимъ булы замиры и натякы на вуйковый маетокъ; а я, що мала въ такыхъ справахъ свои власни погляды, була въ тимъ напрями незвычайно вражлыва и горда.

Найбильше гнивалы и ображалы мене сами женщыны. Николы не смила я буты дотепнійшою цее або тое розумиты липше, якъ де хто иншый зъ знаёмыхъ жинокъ нашого товарыства, або моихъ «товарышокъ», щобъ не видограла заразъ «спадщына» по вуйкови якусь свою ролю.

Остаточно довелы до того, що я стала видъ ныхъ стороныты, стала непрывитна, замкнена и зблыжувалася радше до мужчынъ, довиряючы имъ скорійше, нижъ жинкамъ и дивчатамъ.

Але и мужчыны не говорылы правду, мамо!..

Брехалы иноди навить дуже ганебно... але, що найменше, не булы бодай таки вузкоглядни и завыстни и прызнавалы хочъ те, що въ мене бровы, барва устъ и зубы не булы пидроблювани. Бо проты тамъ-тыхъ я не була навить и зъ того погляду безпечна.

Наколыбъ я хотила вамъ розповисты, мамо, якъ поплыло мое дотеперишне жыття въ цилости, моглабъ я хыба сказаты,— що до полудня була я титчынымъ завидателемъ въ господарстви, себъ-то коморы, хаты и т. и., а по обиди—вуйковою ученыцею (вуйко взагали мало господаркою займався), товарышкою и «камраткою студій». Це булы мои наймыльши хвыли, доты покы не насталы инши, мени ще мылійши и пожаданійши...

Я начытала и навчылася багато зъ вуйкомъ разомъ; це змиркувала и зрозумила я ажъ тоди, колы стала старшою и мала нагоды пизнаваты дивчатъ и женщынъ зъ иншыхъ попивськыхъ родынъ. (Хоча—нема де правды дити, мамо,—доньки нашого «духовенства» выховуются теперъ гарно и тонко, ихъ выховання трактуется далеко поважнійше, якъ утрымують, прым., родыны «урядныкивъ», що мають себе все за щось лучшого и интелигентнійшого).

«Учыся и чытай и це и те, а пры тимъ и господарства не занедбуй, упомынавъ иноди вуйко,—колы мы въ бесиди сходылы прыпадкомъ на тему выховання жинокъ, ихъ становыська въ суспильстви, родыни, та проты селянського люду. Щобъ (мовлявъ), якъ станешъ колысь жинкою священныка, и, якъ Господь дасть, матерію, знала свои диты инакше выховуваты, якъ наши чесни бабкы и прабабкы, та мала инши поняття для видносынъ мижъ народомъ и интеллигенціею, нижъ ихъ мае велыка часть нашои интеллигенціи, що—або вже надто «per-distance» держытся видъ нёго, або, якъ не то, то вже до такои степени интимна, що хиба лышъ за шыю обнимайся та цилуйся. *Перше—ёму корысти не прыспособлюе, а друге—розуму и хлиба не дае.* Винъ мене добре вчывъ, мамо, и мудро. Прыспособлявъ до жыття, але зъ другои стороны хтивъ, щобъ я и штуку *розумила*. Винъ дуже бье на те, щобъ наше жиноцтво було «хоча дрибочку» артыстычно выховане. Жинка (мовлявъ) безъ тончыхъ почувань—то якъ арфа безъ струнъ. А почуття, говорывъ, ушляхетняется не лыше самою наукою и знаннямъ, але и артызмомъ (себъ то штукою) и красою. Взагали прыпысувавъ вплывови штукы и литературы велыку и благородну сылу на выховання людства, особлыво жъ на жиночу вдачу. И завше, мамо, якъ винъ оттакъ въ тимъ напрями говорывъ, ставало мени чомусь такъ добре и любо на души, и въ товарыстви ёго мыло, я була саме така (я це видчувала), *якою була дійсно зъ прыроды: гармонійна*, мамо, и себе певна.

Я ёму багато завдячую, мамо, дуже багато. Своею интелигенціею и розумомъ выховувавъ мене, якъ знавъ, простувавъ зо мною до найлипшого и найтоншого.

Лышъ одного, мамо, я не годна була николы затаиты, або хочъ бы и лыцемирыты, а це въ тимъ, що я простый народъ не любыла николы, якъ це мене вуйко навчавъ, переповившы и ёго кровію пидплывшу исторію, котрои часткы я ще и теперъ дорослою въ жыттю бачу и розумію... Не могла и не можу, якъ слидъ любыты, хочъ належу до нёго...

Одначе, мамо, выслухайте мене.

Не тому не люблю я ёго, що винъ поставленый въ суспильстви нызше, нижъ интелигенція, лыше я *жахаюся передъ тымъ, що ще йе неестетычне въ нызшимъ народи*, и не можу перемогты себе, щобъ зъ нымъ брататыся, якъ це чыныть багато нашыхъ интелигентныхъ жинокъ и мужчынъ. Черезъ тое мае вуйко до мене иноди жаль, и буває це точка огирчень и суперечокъ межы намы.

Я, мамо, не можу соби порадыты, но и не вмію вси тіи «идеи» и почування, котрымы, прым., наша «молодижъ», а зъ нею и багато нашыхъ поважныхъ и умныхъ людей переймаются,—ставыть на прапоръ борбы,—не вмію, кажу, *переводыты въ практычне.* Мени здается, мамо, що до того треба маты окремый даръ и хыстъ, а передовсимъ змогу перемогты себе.

И теперъ, колы я вамъ отце оповидаю, видчуваю я, що справляю тымъ не лыше вуйкови прыкристь, котрый йе дійсно щырымъ народолюбцемъ и прыхыльныкомъ ёго, покладае стилько на мене, прыгадуючы и переконуючы мене за едно, що жинка мусыть также прыкладаты рукы до розвою просвиты народа,—але видчуваю я, що и вамъ справляю тымъ прыкристь.

Але що я тому вынна, мамо?..

Що се йе за вына?..

Це не йе зарозумилисть зъ моеи стороны, мамо, о Боже мій добрый, певно що ни! бо сотню разивъ ставлю я соби пытання: а щожъ таке есы властыво ты?.. Но въ слидуючій хвыли насувается мени ще и ось яке пытання: «Для чого есы ты саме такою, а не *такою*, чи такою, якымы суть инши?..

О, моя далека, горемъ похылена маты! Якъ бы вы знaлы, колы я оттакъ про багато де-чого зъ життя роздумую та розбираю, якъ глыбоко переймае мене чуття покоры! Я покирна, мамо, вже черезъ мое религiйне выховання и що сама моя интелигентнисть сылуе мене до скромности,—а по други, я добре видчуваю, що—наколыбъ я хтила вже себе навить вважаты женщыною «стылю».—я все таки ще не йе довершенымъ тыпомъ, и ще ничого въ жыттю значнiйшого не сповныла.

Та про те, мамо, я йе ще и иншою.

Що я по вашiй думци за тыпъ, мамо?

Мамо! чы не було бъ воно липше зробыты зъ мене вже зъ дытынства яку «ремиснычку» и выслаты въ народъ, щобъ я попросту зъ моимы спрацёванымы рукамы прыучувала видъ хаты до хаты селянськи жинкы до якого небудь ремесла?

Кому я можу, оттакою якою есть, корысть прынесты? Жыття не вымагае ничого иншого, якъ саму практычнисть, саму одну практычнисть, зъ котрои выплывають дальше, неначе ланцюгъ, знову корысни результаты. А помымо того, дорога мамо, суть люде, що прыходять, глядять тыхо зъ подывомъ на мене, прыслухуются такъ само мовчкы сёму або тому, колы я розговорюся,—и въ кинци кажуть: яка-жъ вона прегарна!»

Мамо! я турбуюся сама собою.

Якъ бы вы знaлы, вы, що черезъ циле свое жыття не знaлы ничого окримъ журбы и грызоты и праци, а передъ ничимъ не жахалыся, хиба передъ правдывымъ зломъ, — якъ бы вы знaлы, якъ журюся я собою... а черезъ себе и за васъ...

(Бабуня). Я не знаю, моя доню, що тоби видповисты; я йе лыше проста жинка, що у своимъ жыттю не побырала багато, (ба навить жаднои наукы), и котрiй выстарчало святе пысьмо одно. Та я лышъ видчуваю, що ты не поступаешъ въ слидъ твоеи матери. А себе за щось незвычайного, неначе за яку тропычну рослыну уважаты—я остерегаю тебе, щобъ колысь черезъ власну выну (себъ-то уяву) не прыдбала соби за-багато розчаро-

вання. Наколыбъ твій образованный батько бувъ жывъ и ты твою сповидь зложыла въ ёго душу, винъ бувъ бы тоби безъ сумниву ось якъ видповивъ:

— «Пиды межы люде, мое гарне, нижне дытя, помирь твои сылы и умыслови здатности на другыхъ—и *ты виднайдешъ себе.* Виднайдешъ и змиркуешъ, якою повыннна ты буты. Тоби збудылася туга за твоимъ власнымъ багатымъ «я», и вона мучыть тебе и ты будешъ тратыты дорогый часъ твоеи молодости на сами мріи та фантастычни пытання. Але вважай! Найкращи мріи и найглыбша туга не прычыняются ни на волосокъ *до зросту и розвою людсъкого духу».*

Лыше чесна есы ты и покирна, якъ и прыстоить правдывій христіянській женщыни, и це вспокоюе мене, и нехай тебе Господь удержуе такою и надали. А що ты пидъ тыпомъ руськои жинкы «стылю» думаешъ—я не розберу. Але держыся *простоты,* моя доню. *Поедынчои и чыстои простоты,* а колы заховаешъ гарне и чысте серце, то стыль выбьется на тоби самъ собою...

А народъ шануй! Гляды-бо! колы йдешъ въ лисъ, ты не застанешъ тутъ такого ладу, якъ въ гарно выплеканимъ и зъ розвагою заложенимъ саду,—та за те стринешъ ты въ лиси таку сылу и потугу, стильки несвидомои поэзіи и красы зъ першои рукы, о якій въ гарно выплеканимъ саду иноди и не снять, а тоби иноди зъ подыву серце замовкне, и ты-бъ чымъ разъ глыбше и глыбше въ лисъ заходыла... Це—той нашъ народъ, моя доню!

Нашъ дыкый, некультурный, такъ часто погорджуваный и зневажуваный народъ.

Народъ шануй!!!

—

(Зоня). Мамо!

Колы мы любымо, а видтакъ предметъ свого боготворення не можемо бильше любыты, то це такъ само сумно, неначе бъ мы и николы не любылы,—такъ здается мени.

Той мужчына,—и я можу сказаты значный, пожаданый и взагали шанованый мужчына,—котрого вуйко и титка вы-

бралы зъ моихъ поклонныкивъ для мене за мужа и котрому я вже слово дала,—якъ и бувъ винъ мени ще до-недавна все и всимъ,—винъ мени чомусь вже *теперъ* непаче не той ставъ.

Ни, мамо! винъ бувъ бы мени тымъ ще и теперъ, наколыбъ якесь заважаюче щось не стануло межы насъ. Уперше черезъ ёго завысть,. що пидмулюе за-едно ёго довирья до мене, а видтакъ черезъ ёго вже надто крытычни вымогы до моеи особы. И все той страшенно практычный змыслъ, котрого той чоловикъ всимъ объявляе. Винъ прыводыть до розпукы!.. И *це* я повынна, и *то* я повынна. И *такою* я есть, а такою *не* есть; но Господь Богъ знае, якъ тутъ дійты до кинця! И пры тимъ запевняе мене (Олексою люблю я ёго называты), що любыть мене до «безумства» и готовъ мене на рукахъ носыты, щобъ я лыше була вдоволена и счаслыва.

Мамо!

Становысько, яке винъ незадовго займе, оставляе мене доволи байдужою, хотяй то становысько моёго померлого батька и вуйка.

Винъ, покинчывшы впередъ философычни студіи, кинчае саме богословіе.

Але не объ тимъ хтила я говорыты..О це мени тутъ не розходытся, лышъ о нимъ, яко чоловику, чы радше яко особыстости.

Гляньте, мамо! винъ мудрый и чесный и те, що мы звыклы назваты въ жыттю «порядный» и высшого образовання, якъ ни одынъ зъ ёго товарышивъ зъ нашого лишшого товарыства, або и ёго ровесныкивъ. Винъ працюе надъ собою, такъ що просто змушуе другого шануваты ёго. Лышъ що мене на нимъ, а опроче и на другыхъ багатыхъ нашыхъ «молодыхъ», немыло вражае, це те (мени о нёго, а не о ныхъ розходытся)— що винъ показуе надто «киньське копыто прозы». И якъ-разъ тоди, де я буваю найвражлывиша. Наколы бъ винъ хтивъ хоть крыхитку зъ моею вдачею погодыться, хтивъ зрозумиты мене, не сылувавъ тилько до своихъ «принципивъ», не прыстосовувавъ на сылу,—о скильки меньше тиней ставало бы межы насъ!

Я жъ, мамо, добра и слухаю охотно, и я ёго шаную, и винъ подобается мени (мій золотоволосый); ба навить бувають, мамо, иноди хвыли, въ котрыхъ хтила бъ сама не знаю що, нижъ ёго втратыты! Въ тимъ чоловикови йе щось, що мене сылуе ёго шануваты и цинyты и въ де чимъ ёго вчынкы наслидуваты. Я навить кажу, мамо, що мени не годенъ нихто ёго заступыты. Лыше бида въ тимъ, що своею вдачею разыть мене иноди до глыбыны души, и завсигды якъ-разъ въ хвыли, колы моя душа видчынена прыйматы саме щось найтонше и найкрасше.

Оттакъ любымося и мучымося мы вже бильше якъ два рокы, тыхо и потайно, мамо. Бо обое хтилы мы, щобъ свитъ знавъ объ тимъ, що мы заручени; и зъ насъ мае выйты пара.

Наколы въ мене йе яке бажання, нехай бы воно соби и яке тамъ було дрибненьке й неважне, а сповнення ёго для мене саме значыть «счастя», винъ не сповныть ёго николы (хоча бы и мигъ), тоди колы мени на тимъ залежыть,—докы не мыне впередъ кильки тыжднивъ и я зъ тугы за тымъ не перемучуся и не поблиднію (це дрибный зъ прымиривъ «тактычного» ёго поступовання зо мною).

А колы вже мыне часъ мукы, зъявляется винъ, сповищаючы, що ось-то мое бажання сповнено, и глядыть, чы я радуюся; мамо, и ще «якъ» радуюся! Голосна и бурлыва мае буты та втиха, котру бъ винъ узнававъ за щыру, якъ іи вымагае (такъ винъ запевняе) «шырока украинська натура»

А я вже не годна радуватыся.

Вся моя энергія увійшла ще зъ-початку въ тугу за сповненнямъ того бажання, такъ що я годна ледви всмихнутыся. Тоди винъ ображается, каже, що жадна жинка на свити не знае точно, чого и колы вона хоче;—вмовкае, а якъ ни, то зачне о такыхъ поверховныхъ и буденныхъ ричахъ говорыты, що я, ій-Богу, не можу инакше, якъ въ такыхъ для мене невыносымыхъ хвыляхъ за все те ненавыдиты ёго.

Часомъ мени здается, що въ ёго натури крыется своёго рода деспотызмъ, котрый не хоче узнаваты вражлывійши вдачи и тому видчувае видъ часу до часу потребу—тую вдачу перемагаты, або бодай доводыты до мукы, що ёму очевыдно справляе вдоволення.

О скильки я пидъ тымъ терплю, я не годна вамъ, мамо, сказаты, и колы-бъ не булы зъ другого боку ёго гарни и цинни душевни прыкметы и ёго несказанно сымпатычна для мене особыстисть, мижъ намы було-бъ уже давно до «сценъ» прыйшло.

Але я пиддаюся тому, мамо, пиддаюся, щобъ не турбоваты вуйка и титку. Бо проты ныхъ зъ якою скаргою на Олексу выступаты—значыло-бъ зъ моеи стороны те саме, що найбильше проступство. Бороны Боже! Винъ то вже есть такою досконалостію зъ кождого погляду и такъ зовсимъ довершенный, що на нимъ нема ничого ни на волосочокъ схыбленого. До того прылучылыбыся и ёго патріотычни здибносты и дила пидъ «розвагу», и я бъ вже тутъ напевно проты ныхъ всихъ троихъ програла!

Яки мали и никчемни булы вси мои «вчынкы» проты ёго патріотычнои праци! Яка маловажна и незначна моя будучнисть, зъ полемъ праци, проты ёго будучности и дилъ!..

И це йе правда, мамо.

Я це соби и сама кажу, бо вуйко и титка надто мене люблять, щобъ мени те все явно говорыты.

Це йе сотню разивъ правдою, але що я можу вдіяты, мамо? Що я можу вдіяты, що межы отцимъ гарнымъ чоловикомъ и мною йе щось, що мене видъ нёго помымо всёго въ де-якыхъ хвыляхъ видпыхае!..

Наколы-бъ вы моглы чуты и бачыты, якъ винъ провадыть себе межы народомъ, мамо! Вы бъ, хоть и яки стари, а напевно прыйшлы бъ до ентузіязму.

Просто на рукахъ ёго носять,—такъ знае винъ до ныхъ промовляты и соби зъеднуваты людей. Колы часомъ лучается, що винъ правыть богослуженіе вмисто вуйка, а видтакъ по службы

зачепыть цёго або того господаря на розмову, якъ заразъ юрбою сходятся до нёго люде, неначе бъ тутъ котрый зъ св. апостоливъ зъявывся и мавъ для кожного пораду и науку,—для кожного, неначе зъ-окрема до ёго потребъ и жыття, осибни слова.

И ёго поведення не йе пидроблене, мамо, ни. Воно правдыве, гарне и щыре, винъ самъ походыть зъ-пидъ сильськои стрихы, и тому въ нимъ нема зъ того погляду ничого фальшывого. А однакожъ, я не можу такъ видчуваты, якъ винъ,—хоча я добре бачу, що воно (якъ каже вуйко) йе знаменыте и на будучнисть «хосенне». (Вуйко пророчыть ёму колысь посольство до рады державнои). Я стою оподаликъ видъ всёго ёго патріотычного дила, прыдывляюся тыхо—и, нема де правды диты, я радуюся нымъ. Я жъ бачу чоловика, котрого я люблю,—винъ здатный, шанованый... винъ значный, одначе... одначе, що це за несчастя, мамо, жые въ мени и моему пожыттю зъ тымъ чоловикомъ загрожуе? По сценахъ въ народи (иноди буваю я свидкомъ), прыходыть винъ до мене — глядыть мени поважно въ очи, гладыть по лыцю, якъ малу дытыну, и пытае: «Якъ выдается тоби те все? Чы було добре?.. Чому ты не пишла межы люде, щобъ ихъ думку почуты? Ты можешъ це прецинь зробыты; ты-жъ тутъ въ себе дома и зъ людьмы знакома. Имъ мыло, якъ проты ныхъ буваеться добрымъ и займается ихъ горемъ и втихою. Ты мусышъ завсигды такъ поступаты, щобъ познаёмытыся на-скризь зъ клопотамы сильськыхъ людей. Це навить по-часты и твій обовьязокъ. Не треба все такъ видсторонь держатыся и поводытыся холодно и вздержлыво. Мени це мыло. Яка буде разъ зъ тебе «попадя»? Поважъ сама! Ты мусышъ бильше до народа зблыжытыся! (и зновъ гладыть по щокахъ).—И я вже чымсь то немыло вражена и чымсь то видъ нёго *видопхана.*

— «Я це такъ не розумію, якъ ты, Олексо!»—звыняюся я; «я зроблю це або надто вызначно, що люде ледве чы схотять по правди говорыты, або и зовсимъ не вчыню».

«Це не мудро»,—видказуе винъ роздражнено,—«ты показуешъ себе такою, якъ мійськи поверховни панны. Шкода лыше,

що называешся попивською дытыною, и то ще дочкою значного священныка, якымъ бувъ твій батько. Якъ образовани жинкы и чоловикы не внесуть свитла и культуры въ темный народъ, то само зъ себе воно мижъ нёго не ввійде. Я не розумію, на що може прыдатыся тоби на сели все твое образовання и очытання, якъ не на те, щобъ зъ нёго и други корыстувалы.

Иды! ты не подобаешся мени ныни зъ твоимы «зворушеннямы» арыстократызму. Не знавшы твою чесноту и чыстоту твоеи души, що не вміе лыцемирыты, я-бъ иноди бравъ твое штывне поведення мижъ людомъ за афектацію,—такъ немыло вражае воно мене въ тоби мижъ нашымъ людомъ».

Пры тимъ вхопыть мене такъ сыльно за руку, що я зъ болю зойкну, оставляе на мисци и йде зновъ въ село, - неначе направыты на людяхъ те, що я мовчаннямъ и своимъ пассывнымъ захованнямъ наброила.

Я остаюся засоромлена сама, хотяй по правди не маю прычыны соромытыся, бо я сказала ёму правду, не затаюючы ничого, и видчуваю выразно, що то, що мене споводувало поступаты саме такъ, а не инакше, було не менше сыльне и правдыве, якъ прычыны до ёго поводиння.

Иноди здается мени, що колы-бъ те, що я зву въ нёго «кинськимъ копытомъ прозы», взяло надъ нымъ верхъ проты мене, винъ бувъ бы въ стани, помымо своеи доброты, чесносты и справедлывосты, розпалывшыся, пидняты и руку на мене.

Таки уявлення, мамо, наводять на мене иноди безсонни ночи,—такъ дуже вражлывою буваю я иноди на ёго поведення. Винъ, розуміеся, немае и поняття о тимъ всимъ.

А зновъ *ёго* роздражнюе якесь «щось» въ мени, въ тій самій мири, якъ мене въ нёго «кинське копыто прозы».

Такъ бувае деякымы часамы.

А иншымы зновъ люблю ёго, мамо, такъ, що якый винъ соби и велыкый та мицный, я-бъ ёго просто «проковтнула» въ свою душу. Такый сымпатычный мени та потрибный для души,

а наколы-бъ, хороны Боже, прыйшло мижъ намы до розлукы, я бъ була въ стани поступыты, якъ Лидія.

Чы це не любовъ, мамо?..

Це любовъ, бо винъ подобается мени, а його врода мени, якъ кажу, несказанно сымпатычна, бо—гарный. (Винъ трохы похожый на Ёсыпа, мамо, лышъ трохы выщый).

Наша любовъ, мамо, то щось такого якъ казка. Барвна, повна надій и тревогы, повна суперечокъ, а може потрохы и штучна.

Тётя радуется намы обома, неначе зъ нашымъ одружиннямъ отворытся и для неи якыйсь тамъ «рай». Такъ дуже цинысть и шануе вона того чоловика, и такъ само и вуйко. Липшого обезпечення (мовляють) не могла мени доля выробыты. Чесный мужчына, интелигентный, тіеи самои народности, що и я, значыть и шанованый,—варункы прымовляють вси за счастямъ. И я сама це бачу. Одно зъ насъ йе доброю партіею, мамо: винъ, або я. Одно зъ насъ обохъ йе тымъ певно,—але *котре*, я не знаю вамъ сказаты.

Я склонюю лыше свою голову нызько передъ вамы и прызнаюся до якоись то выны проты мого чоловика.

Лыше вына тяжыть въ мени якоюсь *ще мени самій незнаёмою тайною*...

Стильки кажу вамъ мамо.

Олекса и гарный, и добрый, и значный, и я його «люблю». Але, мамо,—моя далека, горемъ похылена мамо,—прыйдить мени на помичъ!

Колы Андрушу, пьяного, на-пивъ мертвого, його кони до-дому волочуть, винъ не такый безпомичный, якъ ваша гарна, боготворенна донька въ де-якыхъ хвыляхъ своего такъ часто и такъ дуже завыдуваного жыття...

(Бабуня): Я чую, моя дорога дытыно, що ты терпышъ; твое лыце чымъ разъ то блидне й блидне, а очи твои, тіи мои

прекрасни оченята, дывлются чымъ разъ сумнише впередъ себе.

Але въ жинокъ бувають иноди настрои, що ихъ такъ легко словамы не розвіещъ. Я вже стара и горемъ похылена, можу тебе хыба до серця прыгорнуты, поблагословыты и виддаты опеци Господній. «Виддай Господу Богу твою жыттёву дорогу», кажу я, а дали: «Зносы терплыво отце твое «*ныни*» за-для *будучыны* твоеи.

Мужчына, о котримъ розповидаешъ.. винъ... (я бачу) мудрый и чесный, саме для жыття способный. Ёго чеснота и розумъ не стерплять, щобъ ты мала въ жыттю терпиты и плакаты.

Те, що ты называешъ въ нёго и другыхъ «киньськымъ копытомъ прозы», це зъ твоеи стороны лыше пуста уява и химеры, а по правди нищо инше, *якъ твердый свитоглядъ, котрый тоби бракуе*. Ты надто вже въ добри и безжурности выховувалася и выростала, щобъ на жыттю розумитыся. Наколы бъ якый выхоръ жыттёвый надъ тобою звіявся, ты-бъ або зламалася, або згынула зъ журбы. Та отцю несчасну вражлывисть мусышъ ты старатыся въ соби гартуваты и прытупляты. Вона тоби,—особлыво жъ въ пожыттю зъ простымъ людомъ,—не выйде на добре и въ корысть. Якъ хочешъ ты, прымиромъ, зъ такою вражлывистю и тонкистю видбыраты видъ людей для прыходства даткы, котрыхъ и такъ тверезымъ чуттямъ... тяжко выдобуты. А ты будешъ мусыла це робыты, моя донцю; жыття, ба и досвидъ, прысылують тебе до того. Чы тётя поступае, може, инакше? А други, а и я—чынылы мы инакше?

Ни, моя дивчыно, ты поступыла твоимъ почуваннямъ и думкамы на якыйсь... доси нетыканый намы шляхъ: ни я такъ не думала, ни старши сестры твои; жадне зъ моихъ дитей не було таке, якъ ты!

Держыся лыше того чоловика, якого тоби Господь надиславъ въ тимъ добримъ и чеснимъ молодци. Зрозумившы ёго зъ твоихъ оповидань на свій ладъ, я дякую Господу, що винъ звивъ васъ разомъ.

И не забувай, що винъ здобувъ те все, чымъ вже доси йе, власнымы сыламы. Твій обовьязокъ твердо по ёго сторони

стояты. А передовсимъ будь добра, моя дытынко, будь доброю! Ты ще не знаешъ, яку вагу мае доброта и смыреннисть въ домашнимъ пожыттю. Правда, воно вже давно, якъ була я молодою и пареченою, але николы не було въ мене иншого бажання, якъ бажання въ твого батька.

Стережыся, моя доню! гляды на твою будучыну и твое счастя тверезымы очима. Бо яка тоби остаточно корысть, якъ мовыть слушно Олекса, зъ всёго твого образовання и очытання? На що воно, якъ остаточно не на те, щобъ зъ нёго набуты въ жыттю хисна? Яко будуча жинка священныка, маешъ ты передъ собою шыроке и гарне поле до праци, и ты мусышъ працюваты. Ты будешъ и диты маты, а воны прыведуть зъ собою для тебе горе и клопоты, бо зъ ихъ прыбуттямъ на свитъ рукы и ногы не спочывають бильше.

Ты турбуешъ твою матиръ, моя прекрасна дытыно, такъ, якъ (я це замичаю мижъ твоимы словамы) турбуешъ и роздражнюешъ твого судженого. Слухай ёго и йды въ слидъ за нымъ, мовъ за учытелемъ твоимъ! Ёго воля нехай буде и твоя воля. А народъ шануй и любы, бо интелигенцыя не йе ничымъ иншимъ, якъ лышъ ёго выцвитомъ,—а ты сама ничымъ иншымъ, якъ дрибна квитка зъ іи осередку.

(Слипый внукъ): Бабуню, бабуню! не говорить до неи такъ строго. Чы вы не видчуваете іи потайный смутокъ? Подумайте и про іи душу! (По хвыли задумы): опышить мени іи вроду. Якъ вона выглядае, колы іи вже вси находять такою гарною? Яки въ неи очи? Я ще не втратывъ змыслу до барвъ.

(Бабуня): Вона, мій сынку, высока и нижнои тонкости въ постати, и очи іи немовъ зъ небеснои блакити выкроени и чорнымы віямы отинени, велыки и таки прегарни, выразомъ тугы и мягкости, що проты ныхъ не мигъ бы хочъ бы й хто холоднымъ устоятыся. И чорне въ неи волоссячко, що прылягае пестлыво до іи жывчыкивъ и чола.

Лыше вона и моя дрибненька квиточка, що мени іи Господь дытыною забравъ, булы соби таки подибни и гарни. Але колы

тá була бъ (колыбъ жыла) переминыла хату видъ стинъ до горы,—ступае *отця* тыхо своею дорогою и справляе мовчкы всимъ найлипшымъ, що іи люблять, смутокъ!..

(Зоня): Мамо! Отце мала я не-абы-яку суперечку зъ Олексою.

Винъ указувавъ мени на килькохъ дивчатъ зъ попивськыхъ родынъ, що видзначалыся своею працею и спивудиломъ въ народнихъ справахъ и выклыкалы послиднимы своимы диламы, мижъ иншымъ агитаціямы и видчытамы, пóдывъ и похвалу цилои нашои околыцы.

— «Чому оповидаешъ ты мени це зъ такымъ сыльнымъ прытыскомъ?«—спытала я ёго, видгадуючы вже и безъ того прычыну ёго меморій.

— Тому, моя мыла, бо мене гниває твоя пасивнисть проты такои потрибнои въ насъ діяльности. Чы ты соромышся тіеи народности, до котрои належышъ, що держышъ себе одсторонь видъ всякого національного и патріотычного руху, та взагали видъ народнихъ справъ?

Ёго слова збунтувалы мене.—

— «Я не маю до того найменшои прычыны, Олексо. Въ мене нема лыше натхнення щось въ тимъ напрями робыты. А щось удавáты—до того немаю правдывого дару и почування (чы радше охоты), мени протывно. Я не маю здибности до голосної, неспокійнои праци, що буває иноди переповнена и рижнымы ривножъ голоснымы сценамы. Ты жъ це прецинь знаешъ, а помымо того лучышъ мене однаковымы зáкыдамы. Оставъ то, Олексо,—зъ того погляду не буде воно иначе. Бачышъ, помымо того, що мене одушевлення и энтузіазмъ, якъ и взагали щыри й тепли порывання нашои патріотычнои молодижи, часто до подыву порывають, то що до мене—я себе не можу перемогты, щобъ ни зъ цёго ни зъ того выступаты зъ себе и свою душу выставляты на оглядання.

— «Такъ?»—клыкнувъ винъ,—то це значыть въ тебе «ни зъ цёго ни зъ того», якъ яка учытелька йде въ народъ, якъ агы-

таторка, выставляючыся на небезпеченьства утратыты свою посаду, або, якъ то въ насъ бувае, буты (хоча часто и цилкомъ невынно) замкненою за «бунтивныцтво» народа и т. и.? Я справди цикавый, що мае властыво въ тебе значиння и выклыкуе по́дывъ, колы въ тебе все безъ вартости и ты дерешъ носа. Попивська дытына—и така безгранычна зарозумилисть. Фу! Зоню!

Охъ... (додавъ зъ ненавистю) якъ я це въ тоби не терплю! якъ воно завсигды неначе вмысне мусыть мене роздражныты и найлипшый настрій попустыты. Ни, Зоню, це не дасть доброго звуку мижъ намы, колы ты таке не покынешъ!

На таке я добре зворохобылася.

— «Вы вси хочете заразъ одушевлення»,—почала я боронытыся,—заразъ «музыку, спивъ и тосты», чы то дило йде вже справди про щось поважне й далекосягле, чы тамъ про мизерный выборъ якого, часто въ дійсности незначного, чоловика на посольство,—вамъ все одно! и выстарчае, щобъ выступаты зъ себе и одно й друге оклыкаты, якъ велыкый здобутокъ на будучнисть!»

— «Я не знаю, Олексо», додала я запановуючы надъ собою, завважывшы, що ёго очи заблестилы злистно,—«я соби не можу порадыты, але мени не здаются наши дила, праця и здобуткы доволи велыкымы и далекосяглымы, и вже такымы незвычайно культурнымы, щобъ могла зъ энтузіязму зъ себе ажъ «выступаты». Хоча, зъ другого боку, посидае нашъ народъ прыкметы й характерыстычни черты, що своею красою й сылою подибныхъ соби не мають.

— «Скажы мени, прымиромъ, Олексо», говорыла я,—«чы тебе не зворушувалы николы велыка щыристь, наклинъ жертвуваты себе для другыхъ и даръ прыстосування до всёго, хоча-бъ и найтяжшого, у нашого народа? Не зворушувавъ ёго непереможный наклинъ до поэзіи, мягкости й чутлывости, ёго препышна музыкальнисть, котра и на смертельній постели не хоче выпускаты лиру зъ рукы?

Мене це все въ нашого народа страшно зворушуе и прывязуе до нёго.

Бачъ: одного разу...—це мы ще тоди не зналыся—перебувала я зъ титкою далеко, далеко на чужыни. Въ чужыни, котрои народъ зъ старыннои культуры кышивъ, а зъ богацтва и просвиты неначе духъ запыравъ.

Колы мени, пры огляди на те багацтво и культуру, станувъ мій народъ, въ своимъ невымовнимъ убожестви, утыску и занедбанню передъ душею, колы я згадала его злыдни и нужду, що сылувала соткы ёго покыдаты свій шматокъ земли, управлюваный столиттямы его кровію, та йты за-для липшыхъ днивъ въ чужыну черезъ море,—тоди, вирь мени, Олексо, мала я таке почуття, неначебъ мени прычувався десь надъ моею головою жалькый спивъ видлитаючыхъ журавливъ, и я мымоволи мусила держатыся, щобъ не опынытыся на мисци, не пидняты и не просыты видлитаючыхъ остатыся на своій ридній земли!

Вирь мени, Олексо! неразъ була-бъ я роспростерла рамена, и благала тамъ въ далекій тій чужыни:

«Прыходьте вы вси, велыки и потужни, вы, освичени й насычени, подайте отцимъ нуждарямъ помичну руку, станьте имъ до помочи—выдобутыся зъ багна, въ котримъ мучатся соткамы литъ, до людського гидного жыття. Воны носять, ривно вамъ, въ своихъ грудяхъ скарбы, глыбокі й гарни и такі правдыви, що колы-бъ вы пизналы ихъ глыбше, подалы-бъ радо помични рукы та сталы хоронытелямы тыхъ прыныженыхъ и покрывдженыхъ въ своихъ людськыхъ правахъ.

Такъ, Олексо, видчувала я и видчуваю й теперъ, и колы тоби це не выстарчае и не йе доказомъ, що я до свого народу прыхыльна и мени на ёго добри залежыть, то це не споводуе мене крывыты свою душу и вдачу, и щось удаваты, до чого не почуваю себе здибною и чымъ я не йе. И це не могло бъ и тоби буты пожадане, вже черезъ те саме, що було-бъ перемишане зъ лыцемирствомъ.

Попередне, що я замитыла (про энтузіязмъ и т. и.), видношу я до молодижи и говорыла я це не разъ и до свого серця. Пра-

цюйте,—кажу я, Олексо,—умыслово, «ризьбить» надъ собою, не тратьте ваши сылы й засобы на чужыхъ, багныстыхъ мисцяхъ велыкыхъ мистъ. Вы корыстуйте свои сылы въ себе дома. Перепроваджуйте ваши студіи, де-бъ вы ихъ и не побиралы—въ риднимъ краю, чы заграныцею. Збагачуйте свого духа наукамы, штукою и досвидамы велыкыхъ умивъ. Ушляхетнюйте ваше поведення тонкымы звычаямы, лышъ все те не майте лышъ для того, щобъ (якъ колысь осядетеся вже въ себе дома, на ридній земли) пустыты въ блаженне забуття, заколысуючы себе тымы нибы гарнымы «спомынамы» до тупого жыття, мовъ до сну,—а майте вси свои культурни здобуткы для того, щобъ обернуты дома все въ практычне.

Але мы чымъ небудь задоволени и бида наша въ тимъ, що намъ бракуе вытрывалости, пыльности.

Не тои пыльности, Олексо, видъ ныни до завтра, лыше тои, що встоюется невсыпущо *литами*, бувае завсигды однакова и гармонійна и сама одна творыть велыке й трывале.

Ни, Олексо, не украшуймо себе самыхъ, бо це не выходыть намъ все на добре. Мы мусымо те, що въ насъ йе мызерне й погныле, зъ себе скынуты. Власный нашъ энтузіязмъ и захватъ надъ власнымы нашымы диламы и працею не дасть намъ культуры и липшои будучности, не допровадыть до идеалу.

Ще одно. Не выносимъ такъ легко и охочо нашу даровытисть и духови здибности въ таборъ протывныкивъ, бо зъ часомъ могло-бъ лучытыся, що не зможемо и нашу власну барву назадъ выдобуты.

Въ насъ йе гарни чоловикы, Олексо, и «гарни жинкы»—додала я. Лыше однымъ и другымъ бракуе рукы артысты, щобъ ихъ допровадыла до укинченности, выризбывшы гарне й красне, що въ ихъ йе до тонкости стылю. Тому, Олексо, я мала-бъ ще стилько сказаты; часамы бувае моя душа така переповнена рижнымы думкамы, що мени въ голови роятся, лышъ я мовчу, бо знаю,—це, що мною володіе и вырывается на уста, тоби не въ смакъ, и ты есы въ тимъ напрями, якъ бувають иноди

матери, що не хотять про хыбы своихъ дитей чуты, тому, що це ихъ диты...

Мы есьмо ще въ розвытку и въ дорози до культуры, и тому мусымо ще багато де-чого зъ свого ества скынуты, а иншого набуты, щобъ дійты до тыхъ самыхъ результативъ, що други народы.

Все те вымагае праци й жертвы, а *передвчасне* одушевлення оставымо!

— «Дывысь, дывысь, Зоню! що за резонъ выявляють ныни твои звычайно строго мовчазни уста. Справди, це не йе нищо инше, якъ лыше гарни слова», сказавъ винъ,—котри тебе, сказавшы по пры тимъ, украшають, а бильшъ ничого! Та все я-бъ тебе и за це поцилувавъ! («кинське копыто», мамо! «кинське копыто»). Але скажы мени ще, — почавъ дальше, колы я, стоячы передъ нымъ, не мала охоты говорыты дальше:— «Скажы—чы була-бъ ты въ стани зректыся твого теперишнёго выгидного жыття за для переведення якои тамъ идеи въ якимъ небудь народнимъ интереси? Въ теоріи буваетея заразъ зъ всимъ готово, и въ той спосибъ бувъ вже не оденъ діяльнымъ героемъ, сказавъ до всего радо «такъ и аминь». Але въ практыци показалася его праця дуже мизерна...

— «Такъ, Олексо, видказала я,—«колы-бъ идея, для котрои я-бъ боролася, переймала мене до такои степени, що становыла-бъ змистъ моеи души, становлячы зъ глыбыною моеи душы одно, въ такимъ рази я бъ, може, й була въ сыли зробыты такъ. Але на мою думку, тоди воно й не було-бъ ніякымъ геройськымъ вчынкомъ, о якыхъ мова, а чымсь такымъ, що выплывало-бъ само зъ души и було-бъ тому прыродне!»

— «Бачъ, це доволи интересни видкрыття, котри я ныни на тоби роблю»,—обизвався винъ,—«я не бувъ бы цёго николы видъ тебе сподивався, не бувъ бы николы тримавъ тебе за здибну до геройськыхъ учынкивъ,—мижъ тымъ колы ты»...

Я усмихнулася.

«Такъ, бо ты, якъ и багато иншыхъ зъ нашыхъ и не нашыхъ, хочете, щобъ все заразъ выносылося на голосный «ярмарокъ» и було або хвалене, або ганене.

Але ще йе люде, котри працюють такожъ и зъ самого *самоповажання мовчать*,—надъ тымъ не застановлялася мабуть твоя дума николы...

— «Я ще не знаю, Олексо, яки вымогы постановыть жыття до моеи особы, одначе будь переконаный,—додала я,—що колы-бъ воно жадало жертвъ и зречення, вопо ихъ видъ мене одержыть; але будь певный, що це станется безъ «музыкы й шуму»! бо «тосты» не въ-пори, якъ и взагали всякый «галасъ» мени до глыбыны душы протывни!»

— «Такъ, такъ»,—сказавъ винъ зъ легкымъ глумомъ,—«я знаю, що вы посидаете (килько й було васъ всихъ разомъ) особлывшый даръ каличыты свою долю власнымы рукамы, помымо того, що булы-сте зъ прыроды такъ добре вси—сказаты-бъ—«выпосажени», и вамъ не бракувало въ жыттю й рижныхъ посчаслывыхъ прыпадкивъ. «Ты тако-жъ»,—додавъ зъ дывнымъ поглядомъ на мене.

— «Одначе ты зъ твоею умиркованою вдачею и хороблывымъ змысломъ для всёго, що «особлывше и выбране», ты ледве чы ришылась бы до того сповныты якый небудь геройськый вчынокъ, а то хоть бы й зъ тои прычыны, щобъ не звернуты на себе увагу другыхъ. Я-жъ тебе добре знаю. Або якъ ни—додавъ твердо — то выконаешъ въ затышку яку хороблыву, безкровну штуку въ жертву «краси», котра хиба по твоій смерти стала-бы голосна»...

— «Зъ чымъ зновъ ты не згодышся, Олексо?—правда, що ни?—докинчыла я глумлыво, впадаючы ёму сміючыся въ слово.

— «Ни, Зоню»,—видповивъ винъ,—«бо я ніякыхъ захованыхъ геройствъ не терплю и не згодывся-бъ на тее, щобъ о тоби, якъ о моій жинци, було говорено глумлыво и зъ усмихомъ на устахъ. Мое имя, хоча и яке скромне и походяче зъ-пидъ сильскои стрихы, дорожче мени надъ геройськи жиночи вчынкы, хоча-бъ и въ жертву «краси». Я чомусь гордый на свое имя, Зоню; замить це соби»!

Я розсміялася.

— «Бачъ, якый ты боягузъ, Олексо»!—не могла я вздержатыся, щобъ не сказаты ёму. «Мы деспотуемо покы що мырно и сперечаемося, щобъ ввесты наши души въ «оборотъ», а ты вже тремтышъ за твое «имя» передъ геройськымъ вчынкомъ, якый мавъ-бы буты выконанымъ якымсь «щось» въ мени. «Не бійся, Олексо»,—додала я все ще нервово,—тее «щось» въ мени, не сымпатычне тоби, воно лежыть ще спокійно зъ зложеныммы крыльцямы въ мени, ёго хвылыпа ще не прыйшла. Окримъ того, уплыне ще доволи часу, закымъ стану твоею жинкою... а до тіеи поры...

— «До тіеи поры», — перебывъ винъ мени мало не брутально,—роздумае соби те «щось» въ тоби ще багато разивъ, що буде для нёго корыстнійше: чы прысвоиты соби практычного змыслу, чы... «Винъ урвавъ и замовкъ.

— «Оставлю сю пусту балаканку»,—сказавъ видтакъ—«бо до якогось путнёго кинця не дійдемо й такъ, и шкода лыше того доброго настрою, котрого внисъ я ныни и котрого ты зъ твоимъ высокопарнымъ полетомъ твоеи фантазіи попсувала. Я волію тебе, колы ты здаешъ титци твои господарськи справоздання, чымъ...

— «Чымъ колы тоби свою душу видкрываю, Олексо»?—спыталася я.

— «Про мене, нехай буде й на твоимъ!.. И колы бъ въ тебе, Зоню, не булы таки гарни очи, що чоловикъ пишовъ бы за нымы мовъ ослипленый и въ воду, я бъ»...

— «О ты одынъ—не пишовъ бы за нымы въ воду, Олексо!»—докинчила я скоро, вмисто нёго, речення:—«хоча и якый ты соби тамъ видважный и неустрашымый, але отце ты певно бъ не вдіявъ! До такого вчынку була бъ вже скорійше я здибна!»

Бачыте вы це, мамо, и вважаете?

Воно пидносыть чымъ разъ выще и выще свою голову межы намы. А тоди стаю я на стилько сыльнійша, на скильки винъ мене до крайности доводыть. И въ такыхъ хвыляхъ стае мени зовсимъ ясно, що мій братъ оженывся, помымо всякихъ грозьбъ

и благання, помымо всякыхъ упимнень, зъ своею Рутьею, а Андруша и вси прочи поступылы все такы такъ, якъ ихъ внутришній голосъ, добрый, чы лыхый, наказувавъ.

Молитеся за мене, мамо, молитеся!

Мени такъ тяжко на души, такъ сумно, а чоловикъ, за котрого маю выйты, такый спосибный и чесный, такый въ повнимъ значинню слова гидный, а помымо того...

—

Чы вы чытаете мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытаете?..

Чытайте.

Округъ мене смутокъ и осинь.

Били, фіолетови й червони хрызантемы стоять вже въ повнимъ цвити. Небо йе сыне и чысте, а помымо того, тхне щось въ воздуси смертью...

—

Бабуня хытае болизно головою, а видтакъ опускаючы ін покирлыво на руку.

— «Такъ, такъ, моя доню! я молюся за тебе, бо отце добре видчуваю, що тоби потрибно материнськои молытвы. Я`жъ и бачу вже, якъ несчастя, котре ты сама лышъ неясно видчуваешъ, розвывается коло твоеи истоты. Твій суженый мае слушнисть, колы каже, що вси вы покаличылы власною рукою свою долю. Це дійсно правду винъ каже.

Але якымъ чыномъ мала бъ ты его покаличыты? я не годна соби навить уявыты, хоча есьмъ доволи багата на рижни досвиды въ жыттю.

Твое несчастя зачувае лышъ мое перемучене серце, бо такъ, якъ вже ты маешъ вси варункы до счастя, мае ихъ ридко хто колы въ жыттю, а зъ моихъ прочыхъ дитей не мало жадне.

И вмисто того, щобъ маты душу завсигды звернену на тее, звидкы воно тоби прыплывае, хто про те теперъ дбае, и на будуче буде дбаты,—сталыся твои очи и змыслы крытычнымы.

Зоню! я ганю тебе за це строго, бо що твое старанне выховання допровадыть до такыхъ результативъ въ поглядахъ и по-

чуванню, не булы бы справди а ни я, а ни тётя (и певно й вуйко,—колы вже завважывъ), не сподивалыся.

Бачъ, що я тоби скажу, хоча и якъ терпко и немыло буде воно тоби звучаты.

Поважай того чоловика, котрый стане борше, чы пизнійше твоимъ мужемъ и паномъ. Не чыны николы таке, що могло бъ ёго розизлыты, або невдоволыты. Знай, николы не вносыть жинка забагато податлывости, а забагато доброты въ подружне жыття; и николы не выходыла гармонія тамъ, де жинка ишла лышъ за своимы поглядамы, не пиддавшыся остаточно... умови свого чоловика.

Одначе колы ты будешъ жадаты багато оглядности для твоей вражлывои вдачи, воно не допровадыть мижъ вамы до добра и сталои гармоніи. Старайся позбутыся того, о чимъ миркуешъ, що воно ёму не по души, а твои думкы и змыслы звернуты, якъ ёму це пожадано, на практычни дила, тымъ бильше, колы бачышъ, що винъ циныть практычнисть и такиж-ъ погляды и дила въ жинкы бильшъ, якъ проче.

Не прывьязуй душу до надто фантастычныхъ и высокыхъ ричей, чы идей; нехай бы воны соби булы въ теоріи хоть и яки гарни та прываблыви, хоть яки добри и артызмомъ натхнени, воны все-такы не мають ничого спильного зъ буденнымъ, тверезымъ жыттямъ и суть далеки видъ всякои тверезои дійсности.

Зоню, це правда, що чоловикъ повыненъ багато чыныты зъ самоповажання, але винъ повыненъ все маты пытання на думци,—чы въ тимъ, що винъ діе, лежыть таможъ и практычнисть.

Жыття, зъ своею старшенною повагою, горемъ и невтомымостію, довело мене до такыхъ заключень, а що я тоби въ моимъ вику не можу вже статы пидпорою и помочею, то можу зъ тобою подилытыся хыба моимъ поважнымъ досвидомъ. Я знаю, що воны такымъ, якъ ты, мій голубе, не по души, одначе знай, жыття зъ обставынамы йе паномъ надъ намы, а це мы сами, якъ це иноди омыльно утрымуемо.

Стережыся, моя дорога дытынко, щобъ твое власне нутро не сталося пропастю твого счастя. Я молю тебе объ тимъ и журюся тобою, видчуваючы выразно, що тее «щось», о котримъ заедно згадуешъ и що здіймае голову гризно межы вамы, забирае въ твоеи душы першый голосъ.

Винъ не йе сыльный и жестокый, але винъ йе пануючый и выразыстый. Мабуть, бувъ и винъ тымъ факторомъ, що видрижнявъ тебе такъ выразысто видъ моихъ прочыхъ дитей, и звертае тебе на иншу дорогу, якъ може на счаслыву.

А и погляды Олексы, що до національныхъ справъ, старайся вырозумиты. Воны суть здорови, дытынко, и я бачу, що винъ народъ и жыття, на скилько ёму це ёго викъ и часъ позволяють, знае...

Держыся ёго, бо зъ нымъ вступышъ въ те жыття, що кышыть не счастямъ и роскошею, а слёзамы, смуткомъ и розчаруваннямъ.

А по сій мови, нехай тебе Господь хороныть, моя дорога дытынко, и знай,—твоя стара, горемъ похылена маты клоныть свою билу голову до-долу и буде святу землю цилуваты и дотыкаты іи чоломъ, въ мольбахъ о твое счастя...

—

(Слипый внукъ):

«Вы бачыте якесь несчастя коло іи истоты, а я видчуваю, що вона йе лыше незрозумилою для звычайныхъ людей.

О, моя прекрасна тётю, якъ же я люблю тебе!»

—

(Зоня):

Мамо!

Вже мисяць мынувъ, видколы той «чужынець» заходыть въ нашъ димъ. Винъ (наколы це васъ займе, йе профессоромъ рысункивъ), теперъ на видпусти и у нашого дидыча въ гостяхъ. А позаякъ займается малярствомъ, а часто и портретуваннямъ, то, перебуваючы тутъ, и портретуе дидыча.

Винъ йе сынъ одного вуйкового шкильного товарыша, нимця. И не знаю, чы тому, чы може тому, що винъ нимець, а вуйко

до тои мовы (якъ самъ иноди говорыть) ще видъ шкильныхъ часивъ видносытся сымпатычно, тожъ прыгорнувъ того чоловика такъ до себе, що титка вуйкови просто закыды робыть, що буцимъ то винъ увесь за-для якогось чужынця», «мазайла», котрый не то що не займается нашымы народнимы справамы (хыба поверховно), але навить и нашою мовою слабо володіе.—А вуйко помымо того перенявся нымъ такъ тепло, неначе бъ винъ бувъ його якый улюбленый своякъ.

И господарку, каже, занедбуе и робитныкивъ.. (хоча вона, по правди, найрадше всёго сама доглядае, щобъ винъ здоровья шанувавъ), а все черезъ того якогось «чужынця», все черезъ «германистыку», въ котрій не то що, а «розлюбывся».

А той професоръ, «чужынець», мамо, бачыть радо, колы вуйко забырается супровождаты його въ його «артыстычныхъ проходахъ», пидъ часъ котрыхъ збирае винъ соби матеріалъ зъ нашои околыци и людей, нарысовуючы на-борзи рижни эскизы и мотывы, и дякуе кождымъ разомъ вуйкови щыро за провидъ, поясненяя и всяки инши дрибни услугы, котри ёму вуйко робыть. Иноди вертаются обыдва въ такимъ добримъ и веселимъ настрою зъ своихъ проходивъ, або колы винъ вуйка зъ двору до дому провадыть, що титка, хочай якъ морщыть чоло на выдъ чужынця, бачывшы добрый настрій обохъ, сама добріе, и «ненавыстного» чужынця на свою пышну каву прыдержуе.

Той чужынець, мамо, хоча видъ Олексы лыше на килька рокивъ старшый, робыть черезъ свою повагу враження, немовъ бы бувъ видъ него бодай на цилыхъ десять рокивъ старшый. И колы бъ не його гарный и мылый смихъ, якымъ розсмивается иноди, вражаючы нымъ незвычайно мыло,—можна бъ подуматы, що той чоловикъ, або за-едно чымсь то грызется, або що ёму лышъ недавно померъ хтось дорогый и ридный.

Що до мене, то я маю въ його прысутности таке почуття, неначе бъ мижъ намы пробувало *щось значучого*; я тутъ не маю на думци його особыстись *верхъ беручого.*

Я зворушуюся, стаю маломовна, радуюся, колы винъ *видходыть*, и лякаюся, дизнавшыся, що ось-то винъ обицявся зновъ «прыйты».

Я такъ лякаюся, мамо, иноди ёго прыходу, що часомъ зныкаю куды-небудь зъ дому, щобъ лыше зъ нымъ прывиту уныкнуты.

И винъ интелигентный, той чужынець, мамо, и стоить духово зъ Олексою на-ривни, лыше колы интелигенція ёго есть, сказала бъ я, характеру бильше хаотычного, интелигенція Олексы,—навпроты,—есть ришучо отяжилою.

«Ты чужый мени, чужый!—тыснется мени въ ёго прысутности мымоволи на уста,—чужый, и стоишъ такъ далеко *у всимъ* видъ мене, що межъ намы нема, мабуть, а ни однои точкы, въ котрій мы бъ щыро порозумилыся и въ щыримъ порозуминню моглы бъ соби рукы податы.

Чы тота видчужаюча стина походыть видты. що винъ належыть до народности въ культури мало вже не довершеній и ёму все те, що насъ переймае, для насъ йе ще важнымъ и велыкымъ, выдается не достоважнымъ и хосеннымъ (хоча я и того не зовсимъ певна, и це зъ моеи стороны навить невыразный здогадъ),—чы походыть вона звидты, що винъ йе артыстою и ёго думкы звернени звычайно на цилкомъ инши предметы, нижъ я це звыкла у своихъ знакомыхъ бачыты,—чы врешти йе це быстрота ёго ума, котрою можна мени завсигды трохы мою особысту видвагу видобраты,—досыть, що я буваю заполохана проты того въ грунти гарного та мудрого чоловика и не зовсимъ можу запануваты надъ собою передъ нымъ. Ище одно, мамо, (не опысуючы вамъ ёго вроды, бо жъ це, якъ и ёго назвысько, для васъ не важне) мымоходомъ замичу. Отцей чоловикъ мае львыни очи. Чы можете вы соби те уявыты? Це выдымо часто у людей, лышъ поривняння не впадають намъ заразъ въ-вичи. Але... щобъ вы мене ще лиише зрозумилы, винъ мае очы подибни якъ тіи велыки полёви собакы, що перележують иноди годынамы на земли нерухомо, не звертаючы пры тимъ зъ насъ своихъ вирныхъ очей...

Мижъ тымъ колы Олекса йе дуже гарный на вроду, есть цей чужынець (винъ темноволосый и тонкыхъ очертивъ лыця), черезъ свою быстроумнисть, легкисть и елеганцію въ поведенню, майже непереможный.

Мени здается, що це послидне и есть головною прычыною, що настроюе Олексу проты чужынця недовирчыво, хоча винъ не може ёму а ни одnои некоректности довесты.

Чоловикъ цей есть заповаженый и посидае надто добре выховання, щобъ ёму можна щось, хочъ и найменше доганне, закынуты.

Колы заженутся иноди обыдва въ диспуты, маю я таке почуття, неначебъ воны поборювалы несвидомо одынъ въ другимъ щось кождому зъ ныхъ незвычайно важне и значне, що—я не розумію, хоча темы, котри зачипають, не бувають зовсимъ и завше таки святочно поважни, якъ бы це хто утрымувавъ зъ ихъ бесидъ, интонаціи голосу и розпаленыхъ очей.

Колыбъ не повага и тонка доброта цёго чоловика,—що й здается буты головною чертою ёго характеру,—обыдва тіи чоловикы не розходылысь бы николы такъ мырно, якъ це звычайно бувае пры кинци ихъ стричъ.

Такый йе онъ-той професоръ («чужынець», якъ титка ёго назавсигды прозвала), мамо, котрого знаю вже цилый мисяць и про котрого буду вамъ ще й дальше пысаты,—бо моя далека, горемъ похылена мамо, буду *мусила* пысаты. Лыше не знаю, чы я ёго добре, цебъ-то по правди, характерызую, бо, опысуючы ёго, не можу освободытыся одъ вражиння, яке полышае ёго истота за кождымъ разомъ на мени...

—

Мамо!

Вдома постановлено, що професоръ мае портретуваты вуйка, а писля, наколы ёму ще доволи часу остане,—и мене. Це послидне постановлено на специальне бажання титкы, бо Олекса йе, зъ прычынъ намъ ще невидомыхъ, тому протывный.

Винъ часамы такый чудный,—хотя й я стараюся ёму хочабъ и найменше бажання зъ очей видгадаты. Може я не була ще николы проты нёго така ввичлыва и добра, якъ теперъ.

Часто не показуется въ насъ и тыжнямы.

Каже, що прыйде вже въ свій часъ по мене, и я нехай лыше пыльно прыучуюся коло титкы «господарыты».

Це послидне гнивае мене зъ ёго стороны, бо цилкомъ лышне—робыты мене уважною на таке, тымъ бильше, мамо, що въ мене йе щыре стремлиння оснуваты соби идеальне домивство и родынне счастя. Взагали я бунтуюся, якъ мене хто на мои обовьязкы инначе «навертае». Я все вчыню сама, все... лыше нехай я маю волю вчыныты це добровильно, изъ власнои иниціятывы, а не черезъ насыльство и наказы.

Такъ ведется мени зъ Олексою.

А однакожъ, мамо, однакожъ... тужу я въ-деякыхъ хвыляхъ такъ дуже за нымъ, бажаючы соби якъ найгорячійше ёго прысутности. Мени здается, иначебъ винъ повыненъ якъ разъ *теперъ не занедбуваты мене.*

До чого хоче винъ мене своею сылою прысылуваты, цебъ-то допровадыты?

Але вы знаете, якый винъ йе, и тому, що я соби цёго бажаю, винъ зъ самои упрямости цёго не зробыть. Богъ знае чому воно укладается якъ разъ теперъ такъ чудно, що винъ лышъ ридше до насъ зайизджае...

. . . .

... Пры портретуванню мушу я буты завсигды прысутною, бо вуйко любыть мене пры соби маты. Бодай щось шыты мушу я въ тій кимнати, а прысутною мушу буты.

И я радо пересыджую пры тыхъ сеансахъ, бо воно бувае мыло прыслухуватыся тому, що «чужынець» оповидае. И винъ оповидае интересно й багато, бо подорожувавъ доволи багато, и чувъ и бачывъ не одно. Часамы пытае винъ мене про цее або тее о мою думку, и мене радуе, колы винъ зъ моимы поглядамы згоджуется, або бувае зъ моеи видповиди вдоволеный.

Килька развивъ прыносывъ мени де-яки свои ескызы и рысункы, та выпытувавъ, чы воны мени подобаются.

Де-яки подобалыся мени, що правда, дуже, а про де-яки, що выдалыся мени зхыблени, або не досыть умотывовани, я казала ёму прямо свою гадку, а часомъ и радыла зминыты въ ныхъ де-що въ цей або той способъ, або и закынуты гадку цилковыто.

Винъ не видповидавъ тоди ничого и забыравсь натомисть назадъ до своеи праци.

Але по якимъ часи писля того сказавъ вуйкови, що въ мене йе дуже багато змыслу для штукы, и що я ришучо артыстычно основана вдача, и колыбъ винъ не знавъ, що я заручена, винъ зробывъ бы вуйкови и мени пропозыцію, щобъ я брала въ него лекціи рысункивъ.

Колы ёму вуйко на те одповивъ, що я вже може и за килька мисяцивъ стану жинкою Олексы, винъ сказавъ, що Олекса може буты гордый своимъ выборомъ. Що стильки гармонійнои красы, душевнои и зверхнои, не лучалося ёму ще въ жыттю стричаты и що це радуе ёго незмирно, що сміе мене портретуваты. Мій портретъ (каже), зъ котрого зладыть соби опісля копію, буде въ ёго збирци найкращою студіею.

Колы мени титка тіи ёго слова переповила, я не була въ сыли хоть бы и однымъ словомъ на те видповисты. Але я радувалася, моя мамо, я радувалася такою шаленою втихою, неначебъ тіи слова становылы для мене якыйсь скарбъ, и я зъ якоись-то утихы себе не чула!..

Бачыте, мамо! Колыбъ винъ зачыслювався до гурту моихъ поклонныкивъ, воно оставляло-бъ мене байдужною, якъ боготворення моеи особы не однымъ иншымъ поклонныкомъ; але тутъ зворушылы мене отци слова до самои глыбыны моёго ества.

... Цей чоловикъ, мамо, цей «чужынець», винъ стоявъ такъ далеко видъ мене, бувъ такъ далеко видъ того, щобъ зблыжатыся до моеи особы въ якый небудь способъ, або здобуваты соби мою ласку, що мене гарна похвала цёго тонкого и доброго чоловика наповныла самымъ счаслывымъ почуттямъ.

Я кажу навмысне «доброго» чоловика, мамо, бо теперъ я вже знаю, яка безгранычна доброта крыется въ нимъ.

Ни, мамо, не лыше Олекса выробывся власнымы сыламы на те, чымъ йе, але и винъ... и винъ пишовъ одыноко власнымы сыламы вгору. Але видтакъ саме въ посередыни ёго праци зминылася ёго доля. Ёго батько померъ, осталася маты зъ трёма незабезпеченымы донькамы, и винъ, що жывъ и дыхавъ тильки штукою, перервавъ малярськи студіи и перебравъ мисце професора рысункивъ пры одній выщій школи, щобъ маты можлывисть утрымуваты матирь и сестры; а зъ своею малярською карьерою... попрощався.

Зъ тои прычыны розбылыся и ёго заручыны зъ одною красною и доброю дивчыною, котру дуже щыро любывъ. И мижъ тымъ якъ вона стала жинкою другого, пишовъ винъ «въ робитныкы» за для кусныка хлиба, рады матери и сестеръ, и до того навить не ридныхъ сестеръ. Цила радисть и втиха ёго теперешнего жыття концетруется въ тимъ, колы може въ вильныхъ хвыляхъ збираты ескизы и студіи, та видъ часу до часу подорожуваты въ таки миста, де може побираты змогу и матеріялы до дальшого выобразовання свого таланту.

Отже вы чуете, мамо, винъ не йе ніякый велыкый артысть. Йе бильши и голоснійши, чымъ винъ, котрыхъ все ще не можна назваты въ повнимъ значинню «голоснымы»; а винъ, здается, и не буде николы такымъ «голоснымъ», бо до всихъ варункивъ, котри роблять неможлывымъ для ёго досягты того, чого бажавъ, цебъ-то цилковытого выобразовання артыстычного, винъ не йе й честолюбывый.

А помымо того всёго, мамо, я шаную и циню ёго незвычайно высоко. Видъ хвыли, мамо, въ котрій ёго истота перестала буты для мене такою чужою, якъ зъ початку, займае мене все те, чымъ переймается винъ,—а то штука и малярство. Ба, я пишла навить ще дальше, якъ бы вы цёго сподивалыся. Мене займае навить и церковъ, до котрои винъ належыть.

Мы звыклы уважаты іи, якъ вже не за «геретычну», то бодай за щось менше довершене, якъ нашу.

Все отце, мамо, *йе моею тайною.* Яко суджена будущого священныка, я не смію видносытыся сымпатычно до иншыхъ соборивъ, якъ до того, до котрого винъ и я належымо.

Одначе, мамо!... вы моя далека, горемъ похылена мамо, гнивайтеся, або ни,—а я вамъ свій грихъ, чы якъ хочете мій вчынокъ назвати, оповимъ, щобъ лыше его зъ кымъ небудь добрымъ подилыты и чіесь прощення одержаты.

Будучы послиднимъ разомъ зъ вуйкомъ въ мисти и маючы до видйизду ще доволи багато часу, я пишла въ околыцю, де мала знаходытыся ёго церковъ.

Врешти добралася до неи.

Мене тягнуло кынуты бодай поглядомъ въ іи нутро, бо доси не займалы мене и не заходыла я до иншыхъ соборивъ, кримъ до тои церквы, до котрои належала я.

Опынывшыся врешти вже на схидцяхъ передъ нею,—вирьте мени,—потрясло мною неначе въ пропасныци, и я выдалася соби чомусь мовъ якою проступныцею.—Не тому, що я вступыла до церквы, котру мы звыклы булы уважаты за геретычну, лышъ що мени Олекса неустанно передъ душею стоявъ, и мене мучыло почуття, неначебъ я ёму зъ отцею хвылыною спроневирылася. Винъ бувъ-бы мени цей крокъ,—хоча въ грунти ричей и якый невынный,– по своій гордости и своимъ деспотызми *николы не простывъ.*

Двери церквы булы одчынени... и вона була порожня...

Въ ній було тыхо, тыхесенько, и знаете, мамо, що я зробыла? Я лышъ оглянулася велыко и звильна, майже боязько,—и николы не забуду глыбокого вражиння, яке зробыла на мене велыка поедынчисть нутра тіеи церквы.

Я видитхнула глыбоко, неначе мени спавъ зъ души велыкый тягаръ.—Видтакъ, сившы на одну зъ послидныхъ лавокъ, я опустыла голову на лавку передъ собою, и—моя далека, горемъ похылена мамо, не плачте, мамо!—*я задумалася надъ добрымъ чужынцемъ.*

Николы и нигде не думала я такъ интенсывно и зъ цилою душею про него, якъ саме въ тимъ Божимъ доми.

Отъ, врешти опынылася я наразъ въ ёго *церкви.* Чы я поповныла тымъ щось неправого?.. Я думаю, що ни.

Я-жъ вступыла лыше въ церковъ чоловика, котрого велыку интелигенцію, даровытисть и гарну душу я *шануваты мусила,* и бильшъ ничого. Мы-жъ стоялы соби такъ далеко, а церковъ, чы тамъ вона ёго, чы вже моя, була такъ щось для себе цилкомъ окремого,—що я *могла* тутъ пробуваты...

Мавъ хто право мени зъ того за́кыдъ робыты?

О, Боже мій, мамо!—Олекса, Олекса, певно. Винъ бувъ бы на мене самымъ громомъ кынувъ.

Але́ я осталася ще хвылынку радо

А видтакъ пишла.

Ставувшы вже на порози входныхъ дверей, я обернулася ще разъ и попрощала очима велыкый, престольный хре́стъ.

Мамо! я це сказала лышъ разъ и то тоди, *въ тій хвылыни, до своеи душы,* а теперъ кажу це и вамъ:

Якъ-бы це Спасытель зійшовъ ще колы-небудь назадъ на землю и переходывъ вси церквы свита, затрымавбыся въ тій церкви, тутъ найдовше.

И бильше не скажу о тимъ *словамы ничого.*

О, моя далека, горемъ похылена мамо!

Колы-бъ мала наступыты хвыля, що вы-бъ мусилы пролыты черезъ мене слёзы, то прочытайте,—вмисто того, щобъ жалиты нади мною,—лыстъ св. Апостола Павла до Корынтейцивъ, XIII.

—

Мени такъ тяжко на души! такъ сумно... такъ безвглядно якось, що... О, Боже добрый!

—

О, Андруша, Андруша! и ты, мій дорогый брате, Есыпе! прыйдить до вашои «гордои» сестры та прыгорнить іи до вашои щырои братерськои груды, котра не здрадыла никого!

Прышлить мени ихъ, моя маты, бо округъ мене все цилкомъ якось змиспылося. Щось чужого и значного, щось *далекосяглого* находыть... и бере верхъ...

Моя голова схыляется нызько на грудь, якъ ваша, моя мамо; а помымо того, кажуть вси, вси воны, що прыходять и видходять, кажуть мовъ зъ одныхъ устъ: «якажъ вона прекрасна!!»... А помочи ніякои.

—

(Бабуня зъ гиркымъ смуткомъ):

«Помочи ніякои», моя дытынко,—я вже видчуваю, що «помочи ніякои».

Вже зблыжается двадцята годына и для тебе. Бачышъ? *Вже и ёго церковъ тебе займае.* Ты хтила лыше однымъ поглядомъ позырнуты въ іи глыбыну?

Ты?.. О, смутку мій! суджена будучого священныка?

Ты не религійна на спосибъ твоеи матери, тому змогла пиддатыся спокуси переступыты зъ особои цикавости (котрои кориння лежыть въ сымпатіи до чужынця!!) порігъ иншои церквы, нижъ тіеи, до котрои належалы твои предкы, и виддаватыся тамъ мріямъ про якогось «чужынця»!

Тому ты и годна потищатыся думкою, що сама церковъ, чы ёго вже, чы твоя, *йе щось для себе окроме.* Знай, те знання, яке ты сама соби прысвоила и котре вызырае зъ помежы всихъ твоихъ сливъ, воно выпыло тоби и виру зъ души и оставыло самый тильки крытычный змыслъ. Я бачу вже, якъ воны надплываютъ на тебе, хвыли твого горя... чымъ разъ блызче й блызче... и якъ видтакъ остаточно прывалять тебе своею потугою до-долу.

Таке бувало вже межы людьмы, бувало!!.. Чуже осляплюе тебе, забирае твою молоду душу въ полонъ, а якась «доброта», котрій ты нічого не завдячуешъ, *ажъ зворушуе* тебе. Ты це ще не знаешъ, але я, моя дытыно, що дали чы не циле столиття дожываю, бачу, що пропасть твого счастя *крыется въ твоимъ власнимъ нутри* и одчыняе вже поволи свою пащу.

О, мій Олексо! ты мій гарный, тверезый, ты мій сыльный, простого люду сыну! котрого мои очи, може, николы и не побачуть, а уста николы не поблагословлять, ходы, спишы! Заберы мое вагаючеся дытя на твою грудь, схороны ёго передъ поглядомъ чужого!

Бачъ! вона дрожыть вже перецъ «львыными» очыма и потребу́е тои твоеи охороны.

Я вже стара и горемъ похылена, а іи батько мертвый, и вона мени утоне!

О, вы мои дороги, прегарни диты! щó за потугу крыете вы въ своихъ грудяхъ, котра васъ всихъ майже въ одну пору, безъ пощады зъ собою порывае! вы-жъ мени вси булы чысти й добри, мовъ ти квиткы!..

А теперь и ты, моя дытыно! послидня зоре моя, и ты!..

И «гарною» звуть тебе вси. Але такою ты вже бильше не йе.

Твоя далека, горемъ похылена маты каже, що ты вже такою не йе. Схыляй твое чоло, схыляй ёго покирно, и того ще замало. Зъ твоимъ почуваннямъ для чужынця, котре ще и сама добре не розуміешъ, вразыла вже твою церковъ, твого будучого мужа, а до зрады твоій народности вже не далеко.

Я плачу, моя дытыно! я вже маю слёзы въ своеи души, и видъ тебе буде залежаты—чы це будуть слёзы кровави, чы слёзы радости.

(Слипець):

— Бабуню, бабуню, не ранить іи такъ тяжко! вона така смутна зъ своимъ почуваннямъ! О, моя дорога бабуню,—«сама»! Чы вы розуміете те горестне слово?

О, моя тётю! чому вы въ своій краси таки засмучени? Прыбудьте до слипця; винъ заграе вамъ щось зъ своеи души.—Душа *слипого* не йе для вашои *такою слипою, якъ души тыхъ, що васъ окружають и бачуть ваше* прекрасне облыччя и ваши били, нижни рукы...

(Зоня):

Мамо! Чы я не казала вамъ, що межы мною й Олексою пидіймае щось гризно голову?.. Теперъ видчувается щось вже цилкомъ выразно ёго прысутнисть, и воно не хоче уступатыся.

Олекса перебувае въ насъ вже видъ килькохъ день, але прывизъ поганый настрій.

Вчора зъ ранку укладала я въ вазу кытыцю цвитивъ, а Олекса сыдивъ оподаликъ мене зъ доволи неласковою мыною, а наразъ спытавъ:

— «Скажы мени, люба дивчыно, чы ты будешъ и въ насъ дома тратыты стильки часу на марныци?.. Отъ, я сыджу вже повныхъ 15 мынутъ, прыдывляючыся, якъ ты сылкуешся тыхъ килька квитокъ уложыты гармонiйно и зъ смакомъ одни коло другыхъ въ отцёго рода черепъ, и, по щырости сказавшы, це нетерплывыть вже мене.»

— «Ни, Олексечко»,—видповидала я—«якъ ты не перестанешъ роздражнюватыся всимъ тымъ, що мени справляе прыемнисть, то я певно що не буду того николы чыныты».

Тоди винъ сказавъ:

— «Дывыся! Робыты можешъ ты соби такъ,—цёго я тоби не забороняю, лыше я не бачу прычыны, для чого воно *мусыть* буты зроблено.

— «Якый ты ныни зновъ чудный! Хто тутъ говорыть про якесь «мусыть?» Це робытся лыше за для доброго смаку и змыслу красы.—Мени здается, що нема ни въ чимъ утраты, колы плекается добрый смакъ и то для нашои власнои втихы.

— «Ни»,—видповивъ винъ,--«але колы мы вже сталы объ тимъ говорыты, то мени прыходыть на думку нашъ гисть—професоръ, чы якъ ёго тамъ титка прозвала—«чужынець». Чы ты не маешъ охоты побыраты въ нёго лекцiи рысунку?..—«Такъ, такъ»,—додавъ винъ трохы зворушено,—«я вже видъ титкы чувъ, що винъ видкрывъ въ тоби особлывши «артыстычни» инстынкта, и навить мавъ жалуваты, що ты вмисто статы артысткою, станешъ лыше простою попадею. Скажы по щырости и одверто,—тягнувъ дали, кынувшы погирдлыво рукою въ сторону на кытыцю квитокъ,—чы въ твоiй нынишнiй охоти упорядкуваты квиткы артыстычно не крыется по-трохы и пожадання выклыкаты й слово похвалы въ артыста? Хто бы васъ не знавъ, яки вы вси однакови и хытри! и о скильки котра спокiйниша зъ выду, о стильки гирша и небезпечнiйша зъ души! Скажы, чы я не маю слушнисть?»

Въ мепе *затовклося* серце скорійше, и я поглянула на нёго.

— «Може. *Винъ* розуміется и знается на такыхъ ричахъ; и мене це буде радуваты, колы отця дрибныця, якъ ты впрочимъ мыльно утрымуешъ, зверне ёго увагу. Мене тишыть завше, колы я стричаю розуминня, а винъ же артыста. Впрочимъ нема о чимъ балакаты,—винъ такый поважный и скупый на свій часъ, що ледве чы й побачыть цей мій «твиръ».

— «Ты цёго не можешъ знаты; я довиряю такъ само мало ёго повази, якъ самолюбывости жиночій».

— «Я не розумію, щó ты думаешъ пидъ тымы словамы»,— видповила я, сылуючыся до супокою,—«а що до лекцій рысункивъ, то и самъ знаешъ, що вже теперъ таке зачынаты мени за-пизно, и що я не выявляла доси николы таланту до подибныхъ ричей. Що иншого—любыты и розумиты штуку, а що иншого—буты самому артыстомъ.

— «Це правда, що не «выявляла». И таке бажання не моглабысь вже навить и сповныты: за найдальше тры, чотыри мисяци, якъ Богъ допоможе, поберемося, и тебе ждуть, якъ сама знаешъ, инши обовьязкы, нижъ обовьязкы штукы.

Ты будешъ мала багато на своихъ плечахъ, Зоню. Будешъ мусила взяты сама доглядъ надъ цилымъ господарствомъ, такъ якъ тутъ це робыть титка,—бо парахвія, котру я правдоподибно одержу, йе велыка и розшырена, парохъ—слабовытый, бездитный вдовець, и я буду мавъ досыть зъ своимы занедбаными парафіянамы до дила; я маю замиръ заразъ зъ самого початку забиратыся до реформъ.

Я йиду зъ певнымъ планомъ мижъ народъ на село, и ты будешъ мусила мени буты въ моихъ працяхъ помичною. Якъ бачышъ, тоби не стануть тутъ твій добрый смихъ и змыслъ до красы и штукы въ велыкій помочи. Тутъ треба практычного дила и тверезого розсудку, и певно... що наша праця не пиде намъ марно.

... Такъ, такъ,—додавъ чомусь глумлыво, якъ передше,— вуйко хыбывъ, по-трохы выплекуючы въ тоби чуття для самого артызму и этыкы, а занедбавшы змыслъ для практычности, що

въ жинкы повынно буты першымъ. Теперъ (pardon) мучыть тебе тее лыхо, розгниздывшыся въ твоій вдачи, и я побоююся, що хоча и якъ я тебе люблю, ты помымо всёго не внесешъ доволи практычного змыслу въ нашу хату. А до того всёго появляется ще и *такый*, якъ *онъ* цей, и хоча винъ и ничого не говорыть, то я не можу позбутыся тои думкы, що той чоловикъ здавлюе въ тоби своею працею и своимы бесидамы (чы радше поглядамы) ще й рештку практычныхъ поглядивъ, яки въ тоби осталыся. Справдишне счастя, що ще титка тутъ йе и мовъ той добрый ангелъ стереже и чуває надъ тобою въ тимъ напрями (зъ вуйкомъ ты мабуть одна душа); инакше, я бъ мусивъ побоюватыся, що... вернувшы колы-небудь видъ своихъ парафіянъ, застану тебе не за господарськымы справамы, а... зъ пензлемъ и краскамы»!— «Винъ розсміявся вымушено глумлывымъ смихомъ, котрый зовсимъ споганывъ ёго звычайно спокійне и гарне лыце;—а я одвернулася видъ ёго, прыступаючы до викна.

Тутъ я неначе вдывлялася черезъ хвылыну на улыцю, мижъ тымъ колы я ничого иншого не хтила, якъ лышъ успокоитыся.

Якъ що винъ почавъ о чужынцю говорыты, опанувало мене зворушення, неначе пропаспыця. Одначе я тутъ не стояла такъ довго. Олекса пиднявся зи свого мисця и опынывся немногымы крокамы наразъ коло мене.

Я стояла до ёго звернена профылёмъ, тому винъ не мигъ мени въ очи глядиты, але я видчула, що ёго очи спочывалы вырребущымъ позоромъ на мени.

— «Чому ты не кажешъ ничого въ свою оборону?»—спытавъ винъ,—«мени подобаются жинкы ридко, колы воны мовчать: тоди працюе ихъ мозокъ, напевне, на шкоду мужчыни».

Я не рушалася зъ своёго мисця.

— Скажы мени, Олексо,—запытала я, не поглянувшы на ёго а-ни «нивпоглядомъ»;—чому ты показуешся доперва теперъ зъ отціи немылои стороны?.. Давнійше не бувъ ты николы проты мене такъ крытычно и ризко успособленый. Говоры по щырости и прямо, такъ, якъ звычайно *я* це роблю. Ты жъ шануешъ, здается, якъ и я, правдомовнисть у людей.

— Давнійше?—видповивъ винъ усмихнувшыся (а той усмихъ, мамо, вразывъ мене такъ само, неначе ёго «кинськe копыто прозы»),—давнійше захоплялы мене твои очи такъ сыльно, що я не бувъ доволи спокійный анализуваты твою душу. Ты маешъ, дивчыно, таки хвыли, що чоловикъ давъ бы за тебе безъ намыслу свою душу. Чы вирышъ ты въ мое чуття? Такъ було зо мною зпершу. А теперъ я прыдывляюся до *твоеи души.*

— И чы мусышъ ты мени пры тій анализи справляты прыкрости?»

— Чы я це вчыпявъ?

— Я жъ думаю—такъ. Мене обгортае пры твоій крытыци моеи истоты таке почуття, неначе бъ ты стававъ зъ моею интелигенціею (або и зъ тымъ, шо становыть саму сылу моеи души), до якои боротьбы. Одначе, я тебе прошу, Олексо, пошануй мене и оставъ мене въ тимъ напрями въ супокою. Бачъ! Ты подобаешся мени такымъ, якымъ ты вже саме йе,— до чого жъ тому це злышне ображання моеи души, колы воно не доведе й такъ до ничого. Помырыся зъ моею вдачею, а побачышъ, що я не ворогъ тоби, Олексо! будь лышъ *добрый* проты мене!

— Ты посидаешъ за-мало прыхыльности до практычного жыття, а за-багато для абстрактныхъ ричей и де-якыхъ справъ, въ котрыхъ и такъ ничого не вдіешъ, хоть бы и якъ ихъ добре розумила. Колысь будешъ разъ сама зъ себе усмихатыся,—такъ дуже отверезыть тебе само жыття, та покы що я хочу тебе власною рукою зъ тыхъ высотъ звесты назадъ до землі. По-що часу тратыты и розчаровування пережываты? Тебе не жде ни що инше, якъ обовьязкы жинкы,—жинкы священныка,—и обовьязкы украинсько-руськои женщыны.

— И мусышъ ты при тимъ, конечне, показуваты «кинське копыто прозы»?—спытала я тономъ, такымъ вже чомусь беззвучнымъ, що сама ёго перелякалася.

Винъ вытрищывся на мене и замовкъ на хвылыну, а дали спытавъ:

— Що я маю пидъ твоимы загадочнымы словамы розумиты?..

— Чы це непреминно потрибно, щобъ ты мени твоимъ «кинськымъ копытомъ прозы», на котре покладаешъ таку вагу, справлявъ пры кождій нагоди прыкрости? Чы ты мени не довиряещъ, що я сповню обовьязкы жинкы,—й жинкы священныка, и украинкы,—тому що въ мене йе змыслъ и для тоншыхъ и шляхетнійшыхъ ричей, чымъ до самои лышъ домовои господаркы?—сказала я. Не бійся, я выповню свои обовьязкы такъ, що ты будешъ цилкомъ вдоволеный, нехай бы я пры тимъ и сама змарнувалася,—черезъ мене не понесешъ ты страты ни въ чимъ!

Я не дарма попивська дытына и въ попивськимъ доми выхована, щобъ не знаты, що мене жде навить и найгрубша праця: але мени того не страшно, Олексо,—я здорова и люблю працю.

Але, колы въ мене, окримъ того, ще и такі прыкметы души, котри зъ твоимы экономычнымы поглядамы не згоджуются, то ты не маешъ найменьшого права здавлюваты ихъ въ мени и справляты мени на коштъ прыкрости, тымъ бильше, що доси я а ни одною подїею не доказала тоби, що могла бъ тебе, черезъ бракъ, якъ ты кажешъ, змыслу для дійсности,—пхнуты въ несчастя. Все те въ тебе чысто уроене—пересудъ, пусти комбинаціи и выплывъ деспотычнои вдачи.

Впрочимъ,—додала я, але тутъ же заразъ и урвала, згадавшы «чужынця», и васъ, моя далека, горемъ похылена мамо, згадала и замовкла...

— Скажы мени, спытавъ винъ,—чы ты розвываешъ такый резонъ та энергію и проты артысты, колы винъ говорыть тоби комплимента про твои очи?.. Бо що винъ говорыть, я можу соби уявыты. Здается, винъ буде теперъ десь саме пры малюванню очей? Якъ разъ нини зъ-ранку бачывъ я въ кимнати вуйка твій розпочатый патретъ.

— Оставъ того чоловика въ супокою!—обизвалася я,—не мишай ёго въ нашу дисгармонію. Винъ стоить у всимъ видъ

насъ такъ далеко, мае такъ мало зъ намы спильного, що було бъ несправедлыво крывдыты и ображаты его хоть бы и найменьшымъ пидозриннямъ.

Опроче, мавъ есы вже доволи часу переконатыся, що це чоловикъ наскризь честный и характерный.

— Мени, що правда, стоить *винъ* дуже далеко.— обизвався винъ,—але чы винъ и тоби такый «далекый», я позволю соби сумниватыся. Замылування для штукы и красы, котре посидаете обое, ледве чы буде таке невражлыве, щобъ краса одного, а интелигенція другого не стритылыся сымпатычно. А интелигентный йе той чоловикъ,—це мусыть ёму хоть бы и хто прызнаты.

— Такымъ винъ и йе,—додала я и (дорогá моя одынока матинко!) перелякалася. Що я сказала моя мамо, що я своихъ власныхъ сливъ такъ перелякалася? По-що було мени ихъ говорыты? Чы не було бъ липше мовчаты?..

А Олекса лышъ глянувъ на мене.

— Чы ты зъ нымъ багато розмовляешъ?—спытавъ.

— Не конче. Винъ по найбильшій части бувае пры роботи дуже поважный и мовчазный, а по друге—пры сеансахъ сыдыть звычайно вуйко, або титка.

— Але стилько, то вже певно (мучывъ мене дали), щобъ заглянуты соби въ душу.

— О тимъ не можу тоби вже ничого докладного сказаты. Стилько йе певно, що винъ змушуе насъ шануваты ёго. Я вже не мовлю о соби и титци, але вуйко, що йе прецинь образованый и досвидченый чоловикъ, шануе и циныть ёго надзвычайно.

— Вуйко—то ентузіастъ, хоча въ ёго и яка соби тамъ сыва голова; ты жъ ёго ученыця и своячка; а якъ цей професоръ—германець, до котрыхъ видносытся вуйко здавна сымпатычно, до того ще й артыста (котрого значиння, якó такого, я въ свити артыстычнимъ позволю соби пидозриваты), то захватъ и ушанування готови.

— Чы винъ самъ собою, *яко чоловикъ*, не може буты *значный* (спытала я), и мусыть то ёго значиння вязатыся заразъ доконче изъ ёго фаху?

— Мени здается, що якъ разъ тутъ въ ёго есть такый выпадокъ, де винъ свій фахъ, яко артыста, не мигъ до кинця довесты.

— Але *не яко артысту* циню я ёго... ривно вуйкови,—бо въ тимъ знаю я ёго замало, або радше и зовсимъ не знаю,—*лыше яко чоловика*,—уважай, Олексо: чысто, яко людына змушуе винъ шануваты ёго.

А що до твого неумотывованого пидозриння, що винъ говорыть мени компліменты про мою поверховнисть, то запевняю тебе, що винъ не говорывъ мени доси а ни пивъ-словечкомъ щось подибного. Та за те мае винъ багато де-чого иншого въ соби передъ намы, якъ и цила велыка народнисть, до котрои винъ належыть, що мене змушуе поважаты и цинυты ёго.

— Олексо, прызнай по щyрости, винъ йе *добрымъ репрезентантомъ* своеи народности.

— Такъ, такъ, чуже!—сказавъ винъ,—це вплывало и слипыло часто наши душы, такъ що мы наше,—хоча бъ и найлипше и найкраще,—не бачылы, бо навить нашыхъ найвластывійшыхъ намъ барвъ, *рады чужого*, видрикалыся и, немовъ гипнотизовани, въ таборъ протывныкивъ переходылы (це Олекса, мамо, тутъ проты перекинчыкивъ такъ мовлявъ).

Часто чынымо це и несвидомо, и лышъ тому, що въ насъ йе наклинъ прыстосовуватыся до иншого, и бракъ видвагы, чы радше постійнои, вытрывалои сылы *до гидного культурного истнування, яко менша народнисть*.

Такъ, такъ, Зоню,—тягнувъ винъ гирко дальше, опускаючы сумно голову въ рукы, та дывлячыся мени въ очи:—*Мы носымо жылку зрады въ соби*. Скилько то нашыхъ перейшло и переходыть въ таборъ протывныкивъ, а то лышъ тому, що *велыке и чуже* здавалося имъ бильшымъ и липшымъ, чымъ свое; чы вже теперъ одно зъ тыхъ величій звалося такъ, або сякъ,—остается байдужнымъ; заридъ до такого кроку *въ насъ йе*. Тому, що було

бъ и задыво, колы бъ *и ты* склоныла зъ подывомъ твою голову передъ «чужою сылою», хоть я не хочу тымы словамы ничого бильше сказаты.

Але воно мени не йе выною, моя мыла, лыше интересно. А интересно специально въ тебе,—я радъ бы знаты, котра точка буде *тутъ* тіею перемагаючою сылою.

Але иды!—клыкнувъ паразъ зворушеный, неначе бъ пидъ вплывомъ якоись лыхои, надъ нымъ верхъ беручои думкы,—идить вси вы, неправдыви и «вагаючіися», идить и оставте насъ самыхъ! *Не чысло* становыть мицъ и сылу, *лышъ свидома сыла и интелигенція*!

Я поглянула на него счудовано, не видповившы ничого, и згадала зновъ чужынця, его и васъ, моя далека маты; а видтакъ шукала соби занятія.

Въ Олекси щось коится, мамо,—я це видчуваю, и знала-бъ це навить тоди, колыбъ поводывся й менше чудно проты мене.

Я боюся его, якъ боимося бури, що зблыжается.

За те чужынець, мамо... Я мушу заедно про чужынця думаты.. Мене обгортае иноди така сыльна туга за его повагою, *его нижною добротою*, та за его мени несказанно сымпатычною истотою, що колыбъ все не було такъ, якъ воно йе,—я-бъ прыпала найрадше до его грудей... и тутъ бы выплакалася.

Не карайте мене, мамо.

Я така смертельно смутна и перемучена... що мене може лышъ доброта, и все на-ново сама одна доброта, удержаты на сылахъ.

—

(Бабуня): Я знала, моя Зоню, що въ мужчыни, котрого жинкою маешъ статыся, мусыть прыйты до такого почування и настрою. И воно й не можлыво инакше: я не маю для тебе сливъ, бо ты виддалюешся видъ всего, чого ты всимы нервамы твоего серця повынна держатыся.

Олекса мае слушнисть, колы каже: «*мы вси маемо жылку зрады въ соби*», бо вона видзывается и въ тоби.

Иначе та божевильна, выдаешся ты мени, що свое счастя затопчуе ногамы, а простягае рукы за якоюсь-то мріею.

Будь *смутна*, колы твоя душа пры всимъ своимъ багацтви здобула соби лышъ смутокъ, *и плачъ сама одна*, колы не можешъ выплакатыся на грудяхъ твого судженого.

Твоя далека, горемъ похылена маты, не мае слизъ для тебе, а колыбъ и хтила заплакаты, то мусилабъ плакаты кровію.

Ухаменыся, опамьятайся: не легковажъ твою будучнисть, бо тяжки суть хвыли и лита въ старости, колы пережываемо ихъ на самоти и въ злыдняхъ...

—

(Зоня): Мамо!

Чы чытаете вы мій дневныкъ? Чытаете?

Я прыходжу до васъ, бо видчуваю, що вси, почавшы видъ Олексы, мають до мене жаль, хотяй нихто справу жалю по имени не называе. До того немае нихто, кримъ Олексы, видвагы.

Я хочу сама передъ вамы все розкрыты и розибраты.

Мамо, вы моя далека, горемъ похылена мамо! Вы одни знаете, якъ то бувае, колы наши очи почалы зъ жалю й горя до сну незатулюватыся.

А теперъ діется таке зо мною.

Знайте мамо! Чужынець затопывъ свои очи въ мои и забувъ йихъ въ моій души.

Теперъ я маю йихъ за едно въ своій души, и воны не дають мени супокою.

Бувае... рано, ранесенько... люде десь пры свитли (теперъ же зима!) встаюсь и берутся до праци. Я рано, ранесенько до праци не встаю,—нихто іи видъ мене ще не жадае и не прыймае,—и я лежу у пивсни. Навить и не въ пивсни.—Яжъ бо чую, якъ въ груби трискае дерево и бачу, кризь прыжмурени очи, жовтяве пасмо свитла полумини передъ грубою, а дали и сире, денне свитло сунется несмилыво викномъ въ мою кимнатку.

Я лышъ такъ лежу, а спаты не сплю.

Лежу такъ тыхесенько, неповорушно и бережу львыни очи, мовъ скарбъ въ моій души.

Це моя глыбока тайна.

Знаете вы, мамо, про кого я думаю, моя мамо?

Вы одни може вже знаете.

Винъ утопывъ пры портретуванню свои очи въ мои и забувъ йихъ въ моимъ серци. Тому мене сонъ не бере.

Ранкамы, сирымы, зимовымы ранкамы, зъ сумракомъ въ хати, тышыною перерываною лышъ трыщаннямъ дровъ у печи, утомлена безсонням ночи, я-бъ рада хоть такымы сирымы поранкамы засыпляты.

И ни...

Округъ мене така тышына и супокій, що я сама свою душу зачуваю. Такымы хвылынамы борюся я зъ чужынцемъ. А тая борба тяжка и поважна, бо пидъ часъ неи вырынае (иначебъ ждавъ лышъ видповидной хвыли) гарна, пышна, энергична голова Олексы.

И нихто, нихто не може мени въ тій страшній борби помогты, бо львыни очи, мамо... *це моя найглыбша тайна.*

Слухайте.

Колы довидуюся, що винъ мае надійты, почынается для мене цила історія.

Мамо, я видчуваю це кожнымъ разомъ цилою истотою.

Особлывожъ, колы винъ переходыть ривне, невелычке подвирье... до входовыхъ дверей, що ведуть прямо до титчыного покою.

Звычайно я сыджу, або якъ титкы нема въ кимнати, лежу на софи и дывлюся на билу стелю.

Наразъ бачу, якъ на тій стели лягае скисна, подовгувата тинь.

Тоди *винъ* надходыть.

Винъ надходыть, и одынокымъ шырокымъ викномъ въ титчынимъ покою... надае... (чы це не чудно?) на стелю ёго тинь. А тому, що я лежу,—я бачу іи на стели.

Отже, мамо, насамперёдъ на стели *тинь;* видтакъ чую, жыви, скори, элястычни кроки; видтакъ бачу ще выразнійше тинь... а видтакъ... видтакъ... нападае мене мука... себъ-то лыхорадка.

— О, мамо! мамо моя!.. якъ страшенно зворушуе мене моя глыбоко захована тайна. — *Я жъ здрадныця.*

Але якъ хто думае, що мени зъ моею здрадою добре на души, той помыляется. Я мучуся. Тоди то почынаю себе вмовляты, що винъ мени зовсимъ непотрибный и байдужый... що я хочу всимы сыламы держатыся Олексы. А вже въ слидуючій хвыли почынаю робыты поривняння межы *нымъ* и Олексою, и моя душа почынае кривавытыся. Такъ часто, несказано часто вражала мене сувористь мого судженого, мижъ тымъ, колы тонкисть и доброта *его* гоилы ти раны, немовъ лышъ навмысне истнуючы на те.

— Николы не сказавъ винъ такого слова (ни до мене, ни до другыхъ), котре бъ було мени колы заболило; николы нищо не вражало прыкро въ его истоти,—немовъ до добродійного свитла звернулася моя душа до неи, такъ добре бувае мени зъ его еством.

— Ни, мамо, винъ не йе мени чужый, не бувъ такымъ николы, лышъ я мусила, здаесь, на его *такъ довго ждаты.* А теперъ, колы винъ врешти зъявывся, я мушу такъ тяжко мовчаты и передъ его прыходомъ дрожаты.

И дійшло до того, що я его (теперъ ще гирше якъ зразу) боюся; а колы винъ видходыть, опыняется на порози мовъ олень и ще разъ обертается, *у послидне здоровлячы* мою душу своимы очыма за собою. Такъ воно діется часто, густо.

Теперъ працюе винъ пыльно надъ патретомъ, бо мусыть незадовго выйизджаты, и мы дійшлы, чого Олекса такъ дуже боявся,—саме до очей.

Ихъ тяжко малюваты.

Винъ малюе. Я мовчу.

— Вы можете щось говорыты,—каже винъ.

Мовчання.

Видъ часу до часу споглядае винъ на мене и хоча й мои уста бувають въ его прысутности инакше спарализовани, *видчуваю я свое несчастя, що воны говорять.*

Я не знаю, що воны говорять, але пры тимъ я буваю страшенно поважна, навить ще поважнійша, якъ винъ, и колы бъ винъ схотивъ мене до розмовы прысылуваты, я бъ зъ якогось тожалю заплакала.

Якóсь просывъ зновъ щось «говорыты». На те я отвитыла ёму коротенько, що я, будучы разъ зъ вуйкомъ за справунками въ мисти, заходыла и до ёго церквы.

Винъ дывывся черезъ хвылыну на мене сіяючымы очыма, а видтакъ сказавъ два слова: «дякую вамъ».

Опислянь мовчалы мы вже обое.

Винъ хтивъ щось сказаты и я хтила щось сказаты, але видтакъ не сказалы мы обое ничого...

Иноди бувае мовчання таке тяжке, мамо, переповнене чуттямъ, таке несказано тяжке, що... Боже!!..

Ёго грудь виддыхае, чы радше «працюе» такъ важко,—а я закушую зубы щипко, щобъ зъ жалю въ голосъ не зойкнуты.

— Чы вы плачете, моя мамо? Плачте, бо я не смію плакаты. Я суджена другого.

—

Мамо!

Я потребую чіись слёзы.

. . . .

Межъ намы бувають таки нижни хвыли, що я не въ сыли йихъ вамъ словамы передаты, бо все, що видчувается тонко, грубіе заразъ черезъ переказування словамы.

Колы недавно просывъ мене зновъ оповидаты що-небудь, бо, якъ мовлявъ, ёму малюется липше», пожалилася я ёму, що буцимъ то «люде» закыдають мени браку змыслу для дійсности и практычныхъ поглядивъ на жыття: та що я черезъ те въ жыттю не стану, якъ бы мени лычыло, николы корыстною.

Отце переповила я ёму, а винъ,—не поглянувшы на мене,— видповивъ черезъ хвылыну:

— Не журиться тымъ. Вы йе *вродженою жрыцею красы и ваша* (це бъ то вашои вдачи) *жиноча* задача йе—все, що чысте и гарне, плекаты чуттямъ.

Успокойтеся и знайте, що гарно, чысто и тонко видчуваты́ йе такожъ своёго рода «счастямъ», котре не кождому дане.

Мамо!

Чы вы видчуваете мое счастя? Увійдить въ мою душу.

Цей чоловикъ такый маломовный, поважный, вздержлывый, а помымо того мае те, що винъ говорыть, стилько доброго и благородного змисту для моеи истоты.

До того знае и розуміе винъ мене такъ до́бре, якъ, здается, нихто досы на свити.

Николы не бувае ёму щось въ мени неясне, не настроюе прыкро, або ворохлыво. При тимъ винъ йе прямый и отвертый, и що я въ нимъ головно циню и люблю—це ёго тонкисть и доброта,—якъ разъ те, що я въ мого судженого проты себе не знаходжу. Воно само собою укладается, мамо, що воны обыдва вставляются передъ мою душу и выклыкують до поривнянь.

Винъ не говорыть зо мною николы про мои заручыны, чы про Олексу, або и взагали про особысти видносыны, якъ це Олекса такожъ подозривае;—лышъ разъ пытавъ мене, що я утрымую за вcase правдишну задачу «любовы».

На те я видповила:

— Велыка и справдишна задача любовы йе дбаты о те, щобъ вона для своихъ выбранныхъ заховала тіи сами свижи очи, що зъ самого початку. Ба, кажу,—а ни прыязнь, а ни розумъ, а ни вси прочи такъ сказаты бъ «змыслы», чы тамъ зворушиння, не мають для людыны такыхъ очей, якъ любовъ. Бо колы тіи вси позабувалы давно, якый тамъ хто разъ бувъ, *вона одна* не забувае и заховуе однакови очи для ёго.

Та видповидь ёго вдоволыла.

. . . .

Незабавкы, мамо, напышу я вамъ, що мое счастя кинчается.—Винъ зблыжается до выкинчення патрету. О Боже, не доторкайтеся того, що мене болыть и выклыкуе въ грудяхъ одробыну «счастя».

. . . .

Яко́сь винъ прыйшовъ и завважывъ, що въ мене булы очи зпалакани. (Титка справыла мени немылу сцену за-для Олексы,

закыдуючы мени, що я роздражнюю ёго наročне въ тій цили, щобъ винъ, разъ роздраженый, мене обиждавъ и я на тій пидстави могла зъ нымъ заручыны зирваты,—до чого вона зъ своеи стороны николы не допустыть).

Побачывшы слиды слизъ на моихъ очахъ, прыступывъ винъ зтурбовано до мене, колы мы на хвылыну осталыся сами, взявъ мою голову поважно, мовъ старшый братъ, межъ рукы и поглянувъ мени выгребущо въ очи.

Колы я погляду ёго уныкла (зачуваючы наново слёзы въ очахъ), видтягнувъ винъ свои рукы видъ моеи головы и, нахылывшыся неначе зъ поспихомъ надъ своимы краскамы, спытавъ:

— «Чы вы не моглы-бъ мени сказаты, зъ якои прычыны вы плакалы? Вы можете *мени* все сказаты».

— «Мамо! те слово «мени» маю я ще до ныни въ души. И, о Боже!! я сама знала, що «ёму» могла я все сказаты. Винъ не бувъ бы мени ніякои прыкрости вчынывъ.

Одначе—«цёго я не можу!»—выбовтнула я зворушенно, бо вже почула наново слёзы въ очахъ.

— «Незадовго скинчытся вже все, и вы позбудетеся мукъ»,—видповивъ винъ зворушенымъ голосомъ. Видтакъ додавъ зъ вымушенымъ супокоемъ:

«Будьте ласкави, сядьте ще на хвылынку, я васъ не буду ныни довго трудыты».

А колы я все ще зъ своего мисця не рушалася и мене щось мовъ желизомъ держало, обглянувся винъ зчудовано, а потимъ опынывся заразъ биля мене.

— «Що вамъ ныни?—спытавъ,—«я не можу на васъ глядиты, такъ дуже болять мене ваши люби очи. Чому журытеся такъ дуже? чы я такожъ вьиненъ що въ тому?..

Я не могла довше держатыся.

Я не сказала ничого, моя одынока моя правдыва мамо! не бійтеся, ни. Мои уста булы мицно стулени и не здрадылы ничого, а ни словечкомъ: я-жъ була суджена другого.

Лыше я не супротывлялася тому, колы винъ взявъ мою голову, якъ перше, межы рукы, прытулывъ іи до своихъ грудей и

прытыснувъ іи тутъ же; и такъ по доброму, мамо, такъ по доброму и зъ щыростію, якъ це нихто въ жыттю не чынывъ...

— «Моя жрыкыне!»--сказавъ въ найглыбшимъ зворушенню,--«Ты моя прекрасна й чыста жрыкыне!.. я видчуваю вповни твои мукы, але знай, не лышъ ты одна носышъ хрестъ, ёго носыть *кожный* въ жыттю. И колы ты думаешъ, що цей, або *той* счаслывишый видъ тебе, то знай, що саме винъ найнужденнишый»...— и освободывъ мою голову.

Я выйшла скоро зъ хаты, не повертаючысь туды бильше назадъ, а винъ прыйшовъ доперва ажъ щось въ тры дни по тимъ зновъ до роботы.

Це йе циле счастя тіеи твоеи донькы, мамо, за котрою глядилы вси зъ завыстію, мовляючы видъ часу до часу зъ подывомъ:

«Якажъ вона прекрасна!»

Бувають, мамо, (я це повторяю) въ нашимъ жыттю такы тонки й нижни хвыли, що мы не годни ихъ словамы переповисты.

Мижъ нымъ и мною бувалы такы хвыли,—то хвыли ґлыбокого мовчання, колы наши души до себе промовлялы. И ничого, що не вымовылося словамы, мамо, не пропало въ мовчанню.

Ничого.

И не пропаде, бо люде, такы якъ винъ (нехай и буде винъ для насъ якымъ тамъ «чужынцемъ»), находять завсигды въ ривно соби думаючыхъ пошану и любовъ. Говорытся стилько о счастю.

Що це за таке дило те счастя?..

Нищо, мамо, нищо инше, якъ власне оттакы нижни хвыли, такы поодыноки проминня въ жыттю, и я маю те переконання, що не одна глыбока и поважна душа згодытся зъ отцею моею думкою.—

Такы хвыли мають свою *трывку* вартисть, лыше для нижно видчуваючыхъ душъ вони суть,—щобъ це тоби выясныты зрозумило,—*видчутою музыкою*, котра не йе зъ ничымъ до поривняння; бо лышъ сама на себе похожа.

И *це* счастя маю я ёму одному завдячыты.

Мамо, далека и горемъ похылена мамо! Це йе онъ те, що жрыкыня красы и чыстоты своимъ «счастямъ» назвала, и въ своій души до кинця жыття збере́же.

Не сумуйте, бо вона не сумуе...

Квиткы въ моій души посхылылы свои головкы... Мое счастя коротке й мелянхолійне и кинчытся зъ ёго видйиздомъ, а все цвитуче въ моій тій души поволичется за нымъ.

Поблагословить, мамо, мое счастя...

—

Бабуня,—пры чытанню на окруження цилкомъ забувшы,—хытае, якъ попереднимы разамы, сумно головою и шепче зтыха, мовъ у сни:

— «Такъ, такъ, моя дытынко! я бачу твое тинысте счастя, и будь спокійна, воно для твоеи старои, горемъ похыленои матери за-темне й загадочне, щобъ вона ёго доторкалася. Якъ ты тамъ соби кажешъ?

Мое счастя мелянхолійне и зъ ёго видйиздомъ кинчается, а вси квиты моеи души поволичутся за нымъ! Поблагословы мое счастя!»

— Я благословляю ёго, моя дытынко, я благословляю твое смутне счастя, але возьмы и кровъ моёго серця до того.

(Слипець): Бабуню, моя бабуню! мени выдается, неначебъ я чувъ здалека прегарну музыку, а вы супровожаете іи. Я бачу це счастя, *я бачу тую видчуту музыку;* я, *слипець*, бачу іи очима моеи души!

(Бабуня, гирко): «Такъ, мій внуку! для выдющыхъ очей не йе це крепою сповыте счастя до побачення, хиба лыше для невыдющихъ.

(Слипець): Бабуню! моя бабуню! я бъ мою титку любывъ, колыбъ мавъ іи пры соби. Чы я не буду николы такый счаслывый? іи крокъ мусыть буты легкый, якъ шелестъ шовку, а іи блызкисть повна гармоніи.

Моя прекрасна, сумовыта титко! хочъ я тебе николы не бачывъ, то помымо того знаю, що твое чуття йе дійсно... видчутою музыкою.

Бабуню! поблагословить іи счастя!..

(Бабуня): «Такъ, такъ, моя донько, я благословляю ёго сотню разивъ, лыше возьмы кровъ мого серця до того!

«Жрыкыня красы»!—называе тебе твій чужынець, котрого истота звыхнула тоби цилу твою будуччыну.

Що ты, чужынце, за артыста? чы маете вы яке счасття, мій незнаёмый сыну? Бачъ! стара билоголова маты твоеи жрыкыни не розуміе того вашого счастя; це йе, може, счастя теперешнёго часу, коротке, перелётне, мовъ той скорый и нездоровый ударъ серця, колы вже одчысляете вы ёго на хвылынкы и звете «видчутою музыкою», отце ваше «счастя артыстивъ». Вамъ, мабуть, выстарчае бачытыся, обминятыся душамы, сотворыты якый артыстычный твиръ въ честь того почування, и кожде йдете своею дорогою дали.

За моихъ часивъ значыло счастя щось иншого. Але вона, та твоя «жрыкыня», выступыла вже зъ того «мого» свиту и ёго свитогляду. Степнёво виддалялася вона видъ нёго. Зразу новійшымъ выхованнямъ, образованнямъ, дали збудылася въ ній туга за чымсь доскональшимъ, вильнымъ и выкинченымъ, а видтакъ прыйшовъ ты и безъ жадного слова й руху взявъ іи твоимъ тонкымъ змысломъ, твоею повагою и твоимы «львынымы» очыма и (Олекса мавъ слушнисть) твоимъ «чужынецькымъ» свитоглядомъ, та видтягнувъ есы іи видъ звычайного, але справдишнёго счастя, котре стричается межы нашымы щырымы и чеснымы родынамы.

Инакше мрила іи маты и іи выховавци про іи счастя.

Зъ своею красою и чыстотою, зъ своимъ счастямъ, мала вона—горе та дни смутку іи безталанныхъ братывъ и сестеръ огриты й прысмыриты. И що-жъ ій теперъ?

И що почнешъ ты? О мій, а все такы не мій, чужый незнаёмый сыну! Працюй для твоихъ, для котрыхъ ставъ-есы вже опикуномъ, колы вже твоя судьба поришена на тимъ, не покыдай ихъ всихъ самыхъ, не оставляй! А твоя «жрыкыня» такожъ не зложыть рукъ бездильно, такою вона не йе; хочъ и якъ посуджуе іи несправедлыво въ своимъ серци Олекса, та такою вона

не йе. Я благословляю ваше меляихолійне счастя, благословляю сотню разивъ, але возьмить и кровъ моёго серця до того.

—

Мамо!

Колы мы стоимо на початку якои бури, то наше серце дрижыть ляклыво, якъ застановляемося надъ закинченнямъ іи, але колы вже вдарыть гримъ, стаемо наразъ спокійни, неначебъ не зазнавалы николы передше почуття несупокою и мукы.

Такъ було и зо мною.

Я мучылася й боролася, и моя душа знаходылася въ безнастаннимъ болизнимъ напруженню. А теперъ раптомъ успокоилася до тои степени, неначебъ мене морозомъ заморозыло.

Я цилкомъ коротко розповимъ.

Я була передвчора зъ вуйкомъ у дидычивъ въ гостяхъ. Вертаючы, супровождавъ насъ чужынець частыну дорогы.

Зимовый день бувъ лагидный и мылый и мы прыйнялы його бажання супровождаты насъ радо, тымъ бильше, що винъ мавъ вже за 2—3 дни видйизжаты.

Вуйко держався мовчазлыво,—бо його астма не позволяла ёму въ зими, идучы, говорыты,—и такъ велы мы лышъ сами розмову.

Винъ оповидавъ мени, що колы вернется звидсы до-дому, перейизджае заразъ въ друге мисто, бо саме цымы днямы одержавъ звистку, що диставъ посаду въ Н. (це тамъ, де Ёсыпъ оселывся). Мисцевисть тая, оповидавъ, не йе ёму, що правда, дуже сымпатычна, але позаякъ винъ теперъ, посвятывшыся разъ матери и сестрамъ, мусыть свое жыття прыстосовуваты до жыття ихнёго и ихнихъ бажань, тожъ винъ радъ, що ихъ бажання, дистатыся якъ разъ туды, сповнылося.

Для себе,—додавъ поважно,—не ожыдае винъ и такъ багато видъ жыття и колы ёму лышъ остается доволи часу до праци (пидъ «працею» розумивъ винъ за-едно свое малярство),—котра утрымуе його душу въ ривновази,—то винъ вже радъ.

Свій сонъ «артызму», — додавъ усмихнувшыся,—выснывъ винъ вже давно, а колы якый чоловикъ може буты своій родыни,

чы тамъ блыжнёму, зъ своею працею корыстный, то повыненъ це чыныты.

«Вирьте мени»,—сказавъ, дывлячыся задумлыво далеко впередъ себе,—«колы мы те, що вважаемо за щось менше цинне въ жыттю, сповняемо чесно и точно, а воно мае для блыжнихъ свою велыку вартисть, хоча може для насъ особысто бувае менше важне и пожадане... то все такы не пишло наше жыття марно и безкорыстно, и мы можемо на нёго сами зъ пошаною оглянутыся.

Вправди,—мовлявъ дали,—бажавъ винъ, ще молодымъ хлопчыною, статы колысь велыкымъ артыстомъ,—однаково, якымъ вже тамъ, колыбъ лыше доволи «велыкымъ и блыскучимъ», доволи «славнымъ и голоснымъ»,—але судьба уладыла потрохы инакше.

Ёго артыстычна карьера скинчылася тымъ, що винъ ставъ лышъ звычайнымъ кормыльцемъ и опикуномъ своеи хоровытои матери й своихъ трёхъ неридныхъ незабезпеченыхъ сестеръ.

И такъ воно може и добре.

Що правда, зъ тымъ похоронылося де-що изъ ёго особыстого счастя, але позаякъ винъ зъ тымъ, якъ пересвидчывся, не стратывъ такожъ багато, то винъ остаточно и радъ, що ёго доля взяла по своій воли оборотъ.

Николы,—додавъ поважно,—не треба намъ сумуваты за чымсь, чого намъ доля не дала, николы,—бо николы вона не забирае намъ одно, вмисто чогобъ не подала заразъ друге; хотяй мы часто те «друге» навить не вважаемо, бо часто наступае тее ажъ по такимъ часи, колы мы вже нашъ жаль за «втраченымъ» давно перебулы и забулы. А не зважаемо иноди й тому, що те, що намъ дистается,--дистается въ дрибныхъ дозахъ, ина元че дрибни перлыны. Але тіи перлыны,—додавъ поважно зъ прытыскомъ,—можуть буты часамы такымы дорогоцинными, що стаются намъ скарбомъ на циле наше довге жыття.

Тіи перлынкы—це суть хвылынкы счастя, *сотворени надзвычайнымъ почуванням незвычайныхъ истотъ.* На тимъ становыську находытся теперъ и винъ; отже винъ радъ, що воно такъ, якъ саме йе.

Я слухала ёго мовчкы, не обзываючыся ани разу, а вуйко прытакувавъ ёго словамъ зъ вдоволеннямъ. Потимъ йшлы мы ще якусь хвылыну мовчкы поручъ,—я, зостановляючыся надъ ёго словамы, прыстосовуючы ихъ и до своёго жыття, а винъ не менше задуманый и поважный.

Наразъ, колы мы, йшлы оттакъ, збудылы насъ зъ нашыхъ думокъ дзвинкы надйизджаючыхъ позадъ насъ саней и змусылы насъ уступытыся тымъ залубнямъ зъ дорогы.

Зчудовано обглянулыся мы, и на наше велыке зчудовання, побачылы въ залубняхъ Олексу. Винъ казавъ фурманови стануты й запросывъ насъ, особлывожъ вуйка систы въ саны.

Вуйко зо мною всилы, артыста-жъ попрощався, додаючы побижно, що зайде до насъ ще передъ видйиздомъ попрощатыся.

Видтакъ мы пойихалы.

Олекса не промовивъ пидъ часъ йизды до мене ани словечка.

Лыше въ-вечери, колы вуйко зъ титкою выплачувалы якымсь-то робитныкамъ въ окремій кимнати належыте за де-яки господарськи роботы, прыйшовъ Олекса до мене (я якъ разъ запалыла велыку звысаючу лямпу, та збиралася выкинчаты якесь шытво), и спытавъ:

— То твій портретъ вже готовый?

— Готовый. Ты бачывъ его?

— Бачывъ. Я навить самъ передъ пивъ-годыною повисывъ ёго въ вуйковій кимнати.

— Чому пытаешъ, чы винъ вже готовый?

— Бо я думавъ, що, може, будутъ ще де-яки поправкы робытыся.

— Ни. Портретъ цилкомъ готовый; подобается тоби?

— Подобается. Теперъ навить липше, чымъ оригиналъ.

— Чы я збрыдла, Олексо?—спытала я зъ вымушенымъ усмихомъ (я знаходылася въ неустаннимъ зворушенню видъ ёго прыйизду, неначе въ ожыданню якоись бури).

— Для мене ты збрыдла. Але то оставмо теперъ. Твоя поверховнисть не грае въ мене бильше жаднои роли. Поверховнисть въ жинокъ йе, о скильки вже и я пересвидчывся, наскризь обманчыва.

— Чы вона тебе и въ мене обманыла?—спытала я дрижачымы устамы.

— Це скажу я тоби пизнійше, видказавъ мени, уныкаючы мого погляду, и почавъ въ нервовимъ поспиху крутыты папироску.

— Але скажы мени, чому бабрався властыво вашъ артыстъ такъ довго коло того портрету? Я сподиваюся, що твоя поверховнисть не обманыла и ёго, особлыво-жъ твои очи.

— Олекса!—вырвалося мени крыкомъ зъ устъ. Чому ты нынѣ зновъ такый ображаючый? Якъ ты маешъ що проты мене, то скажы мени радше прямо и честно въ-вичи, бо таки неустанни натякы на цёго чесного чоловика и мене вражають и ображають мене до глыбыны души, а я не дамъ себе ображаты.

— Ты не дашся ображаты—це я самъ бачу, але видповидай на мое пытання, чому надъ твоимъ портретомъ такъ довго малёвано, я все ще не знаю. Я маю лышъ одне пояснення на те. Або цей чоловикъ не розуміе свого фаху,—чому заперечуе само дуже тонке технычне выконання и велыка подибнисть портрета,—або якъ не те...—утрымую, що винъ, вмисто пыльнуваты своеи праци, провадывъ дыскусіи зъ тобою.

— Ани одне, ани друге не есть правдою, видказала я, виддыхуючы глыбоко.

Скильки разивъ тутъ бувъ, то малювавъ завсигды дуже пыльно, але по-пры тому выготовлявъ винъ соби и копію.

— Копію зъ твоёго портрета?!

— Такъ, Олексо.

— И ты сыдила ёму й до копіи?..

— Ни, лышъ по-деколы.

— Для кого потребувавъ винъ ту копію?

— Для себе. Винъ потребувавъ копію яко студію, котру хоче на якусь виставу до В. высылаты.

— И ты знала о тимъ?

— И знала й не конче знала. Винъ сказавъ це вуйкови, а вуйко немавъ ничого проты того. Щожъ въ тимъ дывного Олексо?..

— Ничого, — видповивъ винъ коротко, видкыдаючы на-пивъ выкурену папироску.

— Ходы сюды!—сказавъ 'наразъ прыказуючымъ топомъ, пиднымаючыся зъ своёго мисьця, та выпрямовуючыся просто.

Я не рушалася зъ крисла. Брутальный, деспотычный тонъ, въ котримъ вымовывъ винъ отци два слова, збудывъ всей упиръ, властывый моій истоты, и я затремтила цилымъ тиломъ.

— Я хочу тебе щось спытатыся, Зоню!—додáвъ винъ вже лагиднійше, замитывшы по моихъ очахъ мій настрій; бо я видчула, якъ мени наразъ видбылося все зворохоблене нутро въ очахъ.

— Це можешъ ты и такъ вчыныты, Олексо!—видказала я зъ вымушенымъ супокоемъ.—Лыше я раджу тоби въ твоимъ власнимъ интереси говорыты въ иншимъ тони. Твоя власна интелигенція и образовання, на котри ты стильки покладаешъ, не повынни допускаты, щобъ твоя несчасна завысть брала верхъ надъ тобою и ты ображавъ мене. Я ще терплю до якогось часу всяки таки прыкрости, маючы заедно въ памьяти слова, разъ давно вымовлени мени моею несчаспою, далекою матерею... що жинка не буває *николы за-багато терплывою и за-багато гордою.* Проты тебе я не хочу буты замало доброю, але що до моеи гордости, то я остеригаю тебе не нарушаты іи нáдто; инакше ты-бъ довивъ мене до того, що я взяла-бымъ тую свою доброту сама пидъ ногы.

Винъ усмихнувся зневажлыво.

— Я хочу въ тебе лышъ одно спытаты,—сказавъ винъ,— и того й прыйихавъ я саме теперъ сюды. Ты знаешъ, тіи два-—тры мисяци, котри маемо ще передъ собою, мусять межы насъ

пояснення внесты. Я мушу знаты: *чы маю высвячуватыся жонатымъ, чы безженнымъ?*

За цилый часъ, що тутъ перебувавъ германець, я натерпився доста мукъ и прыкрыхъ почувань. Ты, зъ твоимъ тонкымъ языкомъ и «арыстократызмомъ», якъ такожъ и зъ твоимы очима, зналась за кождымъ разомъ выкручуватыся передъ ришаючымъ пытанпямъ.

Але ныни я мушу маты ясну видповидь.

Побачывшы тебе, якъ ты йшла такъ прыязно зъ чужынцемъ, котрый вищувавъ мени заразъ, зъ самого початку, несчастя, зворохобылася моя душа до крайности. А мое теперешне поведення проты тебе—маешъ одыноко ёму й соби завдячыты.

Знай! Въ мени вже мирка повна. Я не хочу ничого по половини и по брехни. Видповидай же мени по правди, якъ ото я пытаюся. Чы такъ, якъ ты отце *мене* знаешъ и якъ знаешъ глыбинь *своеи* души,—*може мени ще* твоя душа прынесты счастя, чы ни?..

Зъ тымы словамы прыступывъ винъ до мене, взявъ мою голову въ свои рукы (о, мамо!), такъ якъ... и поглянувъ выгребущымъ, та гризнымъ поглядомъ въ очи.

Зъ несказаннымъ опоромъ высвободыла я голову зъ ёго рукъ и, видступывшы видъ нёго на крокъ назадъ, спытала.

— Чы годенъ ты мени даты запоруку, що я буду зъ тобою счаслыва въ выду твоеи безнастанной недовирчывости й твоихъ нападивъ завысти? Годенъ?

— Выкруты...—пробурмотивъ винъ лыхо.—А *я* мушу маты певнисть и супокій. Що каже твое нутро? Твое высоко-арыстократычне, «красою натхненне» нутро, що не зносыть ничого «невыкинченного»?...

— Мени вищуе воно понури дни»,—видповила я по щырости,—хоча воно посидае здибности *творыты* и счастя. Одначе...

Одначе?.. Зоню?..

— Одначе, Олексо—хоча й якъ мени прыкро сказаты це тоби, то мушу це помымо всёго вчыныты. Знай,—ты маешъ даръ,

чы радше спосибъ мене такъ перестроюваты, *що циле багацтво моеи души перетворяется передъ тобою въ каррыкатуру.* Отъ, що! це не може до доброго межы намы доправадыты!

Винъ поблидъ и вхопывъ мене мовъ клищамы за рукы.

— А германець?..

Пры тыхъ словахъ я почула, якъ мени видступыла вся кровъ зъ лыця, и якъ мои уста стратылы свою рухлывисть.

— Ну, якъ-же?—винъ вньялывъ свои розгорилы очи въ мене.

— *Германець* бувавъ проты мене такый добрый и тонкый, якымъ ты николы ани однисенькій разъ не бувавъ.

Впрочемъ винъ завтра видйизджае, прыйде ще разъ, щобъ попрощатыся, якъ це ты й самъ чувъ,—и якъ хочешъ, можешъ зъ нымъ говорыты!

— Можу й зректыся тіеи прыемности,—видповивъ винъ.

Тіи слова винъ вымовывъ зъ такою неопысаною погордою, що я не могла спокійно держатыся.

— Це твоя ричъ,—обизвалася я, а видтакъ додала ще зъ нетаемною ненавыстію: «Винъ прыйде щобъ зъ вуйкомъ, титкою *и зо мною* попрощатыся».

— Можу соби подуматы! Видйихаты, не поглянувшы ще разъ на модель студіи, було бъ дійсно шкода! Модель справди незвычайна!

Я здвыгнула тупо плечыма.

«Вуйко тратыть въ нимъ тонкого й дуже мылого товарыша.

— А ты?

— А я буду одну людыну менше маты, котру навчылася высоко циныты й шануваты.

— Ты уважай. Зоню, що про того чоловика въ моій присутности говорышъ!—клыкнувъ винъ роздражнено, и въ его голоси затремтило щось зловистне.

Цёго я не потребую!—видповила я гордо,—якъ и безъ того знаю, до чого ты прямуешъ. Я лышъ не знаю, звидкы берется въ тоби видвага мучыты мене такъ довго, вмисто того, щобъ поста-

выты прямо и честно для тебе таке важне пытання, котре кризь циле твое поведення заедно пробывается?

— То ты гадаешъ, що въ мене нема достаточно видвагы поставыты тоби те «важне» пытання въ килькохъ словахъ?

— Я це думаю.

— То добре,—буркнувъ, зъ побиливлымы устамы,—будемо выдиты, хто зъ насъ обохъ йе видважнишый! Чы я, що маю поставыты те пытання, чы ты, що будешъ мусила на ёго видповисты... Въ кождимъ рази буде видъ твоеи видповиди залежаты добра частына твоеи доли. И я думаю, що ты роздумаешъ соби все-таки не кыдаты своеи доли такъ легко на вагу!

— Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо! якъ колы истнувала яка подибнисть межъ всима намы, твоимы дитьмы, то знайте, николы не выступала вона мижъ намы такъ выразно, якъ въ тій хвыли, колы Олекса въ мени *якесь щось*, котре винъ вже неразъ хотивъ опануваты,—*теперъ такъ сыльно выклыкувавъ и ображавъ. Такъ* мусивъ мій несчасный братъ Ёсыпъ видчуваты, якъ на ёго натыскалы зирваты зъ своею Рутъ, а винъ давъ слово не покынуты іи; *такъ* видчувала Лидія, колы ришыла стрилыты въ себе, зъ жалю... зъ зрады, а Андруша, колы помымо упимненъ и гризьбъ, або и благання зъ твоеи стороны, прямуе полямы... до корчмы... *такъ* и Васыль, колы бравъ, помымо прысягы, нешлюбну жинку до себе.

— Хто знае,—сказала я зъ цилковыто безгучнымъ голосомъ,—хто знае! ты жъ знаешъ, що въ крови нашои родыны лежыть не церемоныт๋ыся багато зъ своею судьбою. И ты самъ сказавъ мени одного разу, що мы маемо даръ въ соби своимы власнымы рукамы каличыты свою долю.

Въ кождимъ рази есы *ты* той, котрый розбирае свою долю розважнише. Вже твои безчысленни докоры,—що въ мене нема практычного змыслу и такого жъ погляду на жыття,—можуть тоби буты доказомъ, що чоловикъ чуття зажене соби скорше кулю въ лобъ, чымъ чоловикъ розвагы, та що тымы людьмы зъ чуттямъ—не можна такъ кермуваты, якъ тягаровымы кипьмы!

Тому розважъ соби добре, *чы це буде въ твоимъ интереси*—доводыты мене рижными мукамы и прыкростями до крайности. Бо що мижъ намы дійшло дійсно до оттакои хвыли, еси лышъ ты самъ одынъ выненъ, ты!—повторыла я дрижачы зъ зворушення цилымъ тиломъ:—*ты*, що помымо всеи твоеи даровытости и интелигенціи, помымо чесноты, давышся твоею несчасною завыстю, а радше твоимъ «киньскымъ копытомъ прозы». Зайшло такъ далеко, що мы стоимо ныни проты себе, мовъ два ворогы,—и ожыдаемо въ мукахъ выкипчення якоись то драмы. Я не боюся взяты на себе (докынула я), щобъ не прыйшло!

Ты робы, що хочешъ! якъ бачышъ, *я* не боюся ничого. Роздумай соби добре, чы воно не видважнише,—пытання, про котре передше спомынавъ есы, *поставыты* мени, чы—*почуты* мою видповидь на его.

Винъ прыступывъ блызько до мене.

Мамо! о моя мучена мамо! николы не бачыла я чоловика въ бильшимъ зворушенню, якъ теперь Олексу (але цего вечера бувъ винъ и найкрасшый, видъ колы я его знала). Билый, мовъ смерть, въ лыцю, а очи горилы такымъ чорнымъ блыскомъ, неначебъ хтилы мене тутъ же на мисци пожерты. Винъ вхопывъ мене обома рукамы за плечи, потягнувъ нидъ велыку, звысаючу лямпу (іи свитло сплывало ясно на насъ обохъ), а видтакъ... видитхнувъ глыбоко.

Я стояла передъ нымъ, звернувшы на его свои очи (въ котрихъ чула цилу свою терплячу душу), выжыдаючы дальшои своеи доли...

Я знала вже, що за пытання перейде черезъ его уста... знала наперeдъ.

Одначе, нехай прыйде, нехай прыходыть...

Нехай и въ формі, въ якій не було бъ,—мени однаково; я знала лышъ те одно, що ніяка ложъ не сміе сплямыты мои уста. За жадну цину, низащо въ свити! колыбъ навить той мужчына передо мною мавъ бы мене до своихъ нигъ зтягнуты и мучыты.

— *Чы ты любышъ чужыньця?*—спытавъ погаслымъ голосомъ и зъ билымъ лыцемъ, зарывшы свои пальци въ мои рамена, мижъ тымъ, колы ёго палаючи погляды стереглы одынако мои очи, звернени на ёго.

Я мовчала черезъ хвылынку, мабуть найтяжчу въ моимъ жыттю—(я думала про васъ всихъ, вуйка, титку, про васъ, моя далека, горемъ похылена мамо,—про «ёго», котрого «жрыкынею красы и чыстоты» була я, про чоловика, що стоявъ передо мною и, ривно мени, боровся за щось, що такъ тяжко осяглося), а видтакъ видимкнулыся мои уста:

— Я люблю чужыньця, Олексо! я люблю ёго,—прошептала я,—хотя й я зъ самого початку боролася зъ всеи сылы проты того... Одначе... я не знаю, ёго велыка и тонка доброта, котра такъ потрибна моій вдачи, вона поборола мене—и я люблю ёго, Олексо! А теперь робы, що хочешъ!

— Безчестна!—крыкнувъ нетямлячы себе и видтрутывшы мене такъ сыльно видъ себе, що я далеко назадъ похытнулася.

— То иды жъ соби до ёго! бо до двохъ не можешъ належаты!

— Навить до одного ни.—видповила я зворушено, ледве чутно.—Але ты, ты Олексо!—клыкнула я благаючы, зложывшы зъ благаннямъ рукы передъ нымъ,—ты не сміешъ высвячуватыся безженнымъ, *ты оженышся!* подумай надъ твоимъ жыттямъ, подумай надъ Васылемъ!

Мамо, я вже не тямлю, якъ що я просыла и якъ воно склалося, що я, помымо дыкости ёго въ тій хвыли, вчепылася въ ёго рамена и за-едно свою мольбу повторяла.

Винъ трутывъ мене вдруге видъ себе.

— *Зъ тобою женытыся?*—клыкнувъ зъ неопысаною ненавыстю,—зъ тобою, що ты мое счастя твоею душею и фальшывымы очыма въ пропасть загребала? *Теперъ ще?* Иды до твого артыста; бо до такои ложи я не здибный, хоть и якый въ мене розумъ буденный и твоею „тонкою душею“ легковаженый. *Я* не оженюся николы! Те затямъ соби!

Одначе—колы мое жыття обернется въ таку одну велыку ложъ, якъ жыття твоёго брата Васыля, то знай—лышъ ты одна будешъ мене на совисти маты! бо я бувъ себе до иншого жыття прыладывъ!

Я крыкнула, неначе винъ стрелывъ у мене; такъ тяжко влучылы мене ёго страшни слова. Тяжче не мигъ вже влучыты.

Але такъ не смило буты, якъ винъ казавъ, не смило... ни-за-що въ свити, не смило!—и я зновъ зблыжалася до нёго.

И щобъ вы зналы, мамо, щобъ вы зналы... я не уныкала навить и упокорення.

Я вчепылася ёго, и тую саму руку, що мене ще передъ хвылыною неначе безчестну видопхнула—ту руку, разъ-по-разъ цилуючы, я за-едно молыла:

— *Не зо мною,* Олексо... не зо мною:—зъ другою... зъ котрою *ты схочешъ,* лышъ нежонатымъ не оставайся, на свое горе такымъ не оставайся! *а зо мною—ни*!!!

— Ни. Зъ тобою—ни!—видповивъ винъ твердо (о мамо, вы не знаете ёго консеквенцію и чыстолюбывисть,—винъ въ тимъ йе велыкый!) и зъ фанатычною погордою: «зъ тобою ни; ты мени за-нечестна!

Мои уста усмихнулыся насылу: Я жрыкыня, Олексо!—прошептала я, хапаючыся ёго зъ усіеи сылы, щобъ не зомлиты, бо на ногахъ я вже ледве держалася... Жрыкыня!

— Що?—крыкнувъ винъ мени въ лыце—и, дотягнувшы мене до софы, тутъ же трутывъ.

— Красы и чыстоты!—дошептала я.

Але винъ розсміявся, мамо, вмисто всёго, такъ твердо и брутально, що я маю той смихъ ще й до-ныни въ ушахъ; и се йе одынока памятка, яку мени той, въ грунти такый гордый и чесный, такый мудрый, та для моеи вдачи такыи неможлывый чоловикъ, зъ часу своихъ заручынъ зо мною полышывъ...

. . . .

Поблагословить, мамо, вашу доньку, поблагословить іи, моя правдыва, одынока мамо, бо видъ теперъ ани одно добре слово не спаде на іи молоду, а вже смуткомъ похылену голову.

—

(Бабуня твердымъ беззвучнымъ голосомъ):

— Я благословлю твои молоди, горемъ переповнени дни. Але пропасть, котра поглынула твое земне счастя,—*це твое власне нутро*.

Шукай теперъ практычнисть твоего «жрыкынства», що такожъ не йе иншимъ, якъ аккордъ твоеи души, и сотворы соби зъ него опору въ жыттю..

Я благословлю тебе...

(Слипець зъ жалемъ):

Бабуню, бабуню! будьте справедлыви проты неи; вона не вынувата, що Богъ вложывъ іи въ груды вмисто крамарськои души *саму одну арфу*, котору вона несподивано посыла, прыслухаючысь іи бильше, чымъ всимъ зверхнимъ обчысленнямъ практычныхъ поклыкивъ жыття.

Черезъ те вона гарна.

(Бабуня):

— Мовчы, мовчы, мій сыну! Ты не маешъ права судыты жыття.

(Слипець):

Ни, маю, бабуню! я слипець, але въ мене душа выдюща. Титко, моя прекрасна титко! такыхъ, якъ тебе одну, сотворяе Господь *одыноко для душъ*...

Мамо!

Я бачу добре, що въ мене не буде такои історіи, якъ въ тыхъ женщынъ, котри повыходылы замижъ; тожъ нехай соби и буде!.. Лыше титка не може зъ тымъ поеднатыся и ходыть зъ такымы заплаканымы очима въ-округы, неначе бъ ій хто померъ. А вуйко мовчыть, мовъ у ёго въ голови прокыдаются нови думкы зъ поводу моеи будучности, и винъ лышъ не може ихъ ще выявыты; але впрочимъ винъ проты мене добрый и ласкавый, и я мушу насылу ёго зажуреныхъ поглядивъ уныкаты, щобъ, стринувшыся зъ нымъ, не выбухнуты голосно плачемъ. Олекса

видйихавъ заразъ другого дня, заявывшы вуйкови пысьменно, що зрывае зо мною заручыны, бо моя вдача и цила истота не видповидають для жинкы священныка, та що липше, пизнавшы себе обопильно, видступыты видча́су видъ звязку, чымъ потягаты обыдви стороны въ горе и мукы. Колы я подала вуйкови и титци жадапи пояснення, заломыла титка мовчкы рукы и выйшла зъ кимнаты.—А вуйко, походывшы якыйсь часъ въ думкахъ по кимнати, прыступывъ видтакъ до мого портрета и, поглядивши довше на его, сказавъ:

— Бидна ты мо́я квиточко! навить твои гарни очи не моглы тёбе охороныты передъ окаличеною долею; такъ глыбоко лежыть зародокъ горя въ цилій вашій родыни. Нехай тебе Господь мае въ своій опици, та такою чыстою и правдывою и на дальше береже!

Титка, выплакавшыся добре, обсыпала мене пизнише дориканнямы, що я своимъ «боготвореннямъ» якогось «чужыньця» затоптала свое счастя ногамы и такого чоловика, якъ Олексу, «втратыла».

Я не боронылася бильше.

Мене мучыло оправдуватыся все въ тимъ самимъ.

А то, що я въ своій души маю и знаю, не переконае ни іи, ни другыхъ.

Олекса не бувъ для мене чоловикомъ; насъ надто рижнывъ спосибъ нашого почування. Винъ и не бачывъ николы въ мени то, що артыста бачывъ и цинывъ. Ёго гнивало и дражныло те, що мене радувало и порывало; и за-едно стояло ёму мое чуття на дорози, и винъ спотыкався въ своихъ буденныхъ обчысленняхъ на ёго.

А зъ чужынцемъ мы неначе одну душу и одно почування становылы. Безъ сливъ, безъ запевнень, а самою одынокою тонкою любовію, що мовчкы злучыла наши души навикы.

Це моя тайна.

Чымъ я тутъ спроневирылася своій (якъ титка каже) «народности» и всёму, що до неи належыть? Я не знаю.

Въ мене, мамо, лыше не доставало сылы опертыся тонкости, доброти и интелигенціи чужынця, котри елемента саме зъ *его* истоты на мене вплывалы незвычайно благородно. Саме шляхетне и выобразоване въ нимъ, мамо, ото взяло верхъ нади мною. Я прызнаюся до выны... прызнаюся, о Господы!.. и зъ тымъ схыляю свою голову глыбоко, покирно передъ вамы,—судить мене вы на послидку...

Я знаю и бачу, мамо, що мое нутро знищыло вси ваши обчыслення.

Вы, якъ и вуйко й титка, надіялыся бачыты мене колысь жинкою, матерью и попадею, и воно було-бъ, може, и выйшло на добре, оттакъ, якъ вы це хотилы; але теперъ я стою проты того всёго, мовъ якый упавшый ангелъ. Небеса ёму зачынени, земля за-мало небесна, и циле ёго счастя—*то ёго ангельськи крыла.*

Оставте мени мое мелянхолійне счастя,—воно для души.

Не будьте проты мене тверди й строги и не плачте, бо я сама броджу въ слёзахъ по колина...

Шануйте, мамо, вашу далеку дытыну, бо вона осталася, помымо своеи велыкои любовы до чужынця, чыста и добра.

И рукы іи не будуть въ жыттю бездильни. Будьте добри й тонки проты неи и не жалуйте мени справедлывости.

Жадне зъ жыючыхъ ще нашыхъ, мамо, не йе таке счаслыве, щобъ не потребувало мене колы въ жыттю.

Андруша, ты мій бидный, змарнованый брате! Чы прыгадуешъ ты соби твою гарну сестру, за котрои рухамы ты завсигды за такымъ прызырствомъ позыравъ?

Чыслы на тую сестру, Андруша; вона ступае такъ само самитно межы людьмы зъ своею душею, якъ ты па твоихъ далекыхъ пустыхъ поляхъ, зъ твоимъ несчаснымъ нахыломъ. Але колысь, Андруша, колысь... якъ ты будешъ осыроченый и опу-

щеный, будешъ зблыжатыся... проты кинця твоёго сумного жыття, *вона* виднайде тебе на твоихъ пустыхъ поляхъ и не покыне...

Чыслить вси, вси на мене... *вси вы, котри тіеи думкы, що я не посидала розуминня для дійсною жыття и не була-бъ умила заняты межы вамы гидне мисце...*

И моёго слипого братання десь тамъ въ далечыни, котрого я не бачыла николы, а котрого напомацкы люблю, — ёго-жъ вичный смутокъ *мени ридный*,—поздоровить сотню развивъ.

Нехай винъ не розпачуе и самоту не оскаржуе. Докы ёго титка жыве, винъ не останется одынъ на свити. Чы може хоче хто иншый крокы слипця стерегты?.. Нехай це робыть, колы годенъ; але ёго душу оставте мени. Въ неи багацтва бильше, якъ для одного. Поздоровляю ёго сотню развивъ!

И чужыння въ тимъ мисти поздоровляе тайкомъ моя душа..

Мы розсталыся, моя мамо.

Одного похмурого поранку, въ-коротци по брутальній сцени зъ Олексою, прыйшовъ винъ до насъ, щобъ у послидне зъ намы попрощатыся.

Зъ тымы другымы попрощався винъ окремо, а зо мною— колы выйшовъ проты мене въ довгыхъ нашыхъ синяхъ.

Ни, моя далека, горемъ похылена мамо! не думайте про яку небудь любовну історію межы намы; на те мы обое надто багато мовчалы..

Николы не просывъ винъ видъ мене ничого, а я не обицювала ёму ничого.

Я була судженою другого, а винъ одынъ зъ тыхъ, що не надіются видъ жыття вже бильше ничого.

И мы обое розумилы себе.

Але колы я ёго (для васъ правда винъ «чужый») безгранычно любыла, то це була одынока заслуга ёго гарнои душы.

— Николы, николы не хочу я въ друге таку хвылю пережыты, якъ того поранку колы мы на-завше розсталыся.

Я до ныни не знаю, чы винъ дизнався о тимъ, що я вже не була нареченною, чы ни; бо я не спомынала ёму о тимъ жаднымъ словечкомъ... Одначе, колы винъ выйшовъ проты мене (я переходыла синьмы до титкы), выйшовъ несказанно зворушено, зъ очыма одыноко на мене зверненымы, а я, прыступывшы до него, майже несвидомо уклала свои рукы на ёго рамена,—взявъ винъ, якъ вже разъ тому передше, мою голову нижно межы свои рукы и задывывся на мене...

О, ты Господы могучый!

Чы винъ зачувъ оклыкъ жалю въ моій души за нымъ?

Винъ мусивъ ёго зачуты, мамо, бо наразъ, надывывшыся на мене мовчкы и довго, прытыснувъ мене такъ сыльно й щыро до своихъ грудей, такъ щыро, мамо, що мене прошыбло почуттямъ, немовъ винъ впывае мене цилкомъ и навикы въ свою душу... И тутъ-же пролежала я и на хвылынку занимила...

Ани одно слово не перейшло черезъ ёго уста, ани одно слово черезъ мои. Це не було намъ обоимъ можлыво...

Сыльне, глыбоке, потужне мовчання мижъ намы договорыло все, все, все...

—

Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо!

Багато зъ людей ступало за твоею гарною донькою зъ любовію; багато зъ ныхъ клало ій те почуття пидъ ногы,—але жаденъ зъ ныхъ, мамо, жаденъ—не бувъ такый правдыво *щырый* и правдыво *добрый* для неи и проты неи, якъ отой «чужынець».

Винъ не «обицявъ» ничого, не ломывъ ничого,—винъ мавъ лыше дійсно правдыву «душу» въ грудяхъ и *доброту*...

Доброту, мамо...

—

И тому, мамо, благословить мое смутне, *никому незнáне* счастя, благословить ёго тысячу разъ!..

—

Бабуня глыбоко схылена, на-пивъ молячыся, на-пивъ шепчучы:

— Я благословлю ваше смутне, никому незнане счастя... благословлю ёго тысячу разъ. Але возьмить и кровъ моёго серця до того...

—

Слипець плакавъ.

Ольга Кобылянська.

Выс.-пов. Ц. К. санит. совитныку и доцентови д-ру
Фридриху Маерови
прысвячуе
авторка.

Юго-западный край по даннымъ переписи 1897 года.

Пространство. Плотность населенія вообще и по мѣстностямъ. Различіе въ размѣрахъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Распредѣленіе городского населенія. Неточности въ счетѣ городского и сельскаго населенія. Соотношеніе между численностью городского и сельскаго населенія.—Распредѣленіе населенія по половому составу въ сельскихъ и городскихъ поселеніяхъ.—Повозрастное распредѣленіе населенія.—Распредѣленіе населенія по семейному состоянію. Этнографическій составъ иаселенія.—Способъ опредѣленія его по родному языку. Дефекты этого способа. Распредѣленіе всего населенія края по этнографическимъ группамъ. Тоже—среди городского и среди сельскаго населенія. Вѣроисповѣдный составъ населенія.—Сословный его составъ. Распредѣленіе населенія по сословіямъ въ селахъ и городахъ. Этнографическое распредѣленіе населенія по сословіямъ.—Данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Распредѣленіе ихъ среди населенія.—Грамотность населенія. Неточная формулировка табличныхъ заголовковъ. Степень развитія грамотности. Развитіе грамотности среди сельскаго и городского населенія. Грамотность по возрастамъ и поламъ. Тоже—по національностямъ. Низкое развитіе грамотности въ краѣ. Грамотность по вѣроисповѣданіямъ и по сословіямъ. Данныя о численности и распредѣленіи лицъ съ образованіемъ выше начальнаго. Данныя о грамотности на нерусскомъ языкѣ.—Данныя о занятіяхъ населенія. Вѣроятность ихъ недостаточной точности. Трудность сводки этихъ данныхъ для настоящей статьи. Неоднородность сводки данныхъ въ „обзорахъ", составленныхъ Центр. Стат. Комитетомъ. Недочеты въ отношеніи группировки данныхъ. Распредѣленіе населенія по занятіямъ. Соотношеніе между лицами работающими и кормящимися отъ нихъ. Сравнительное участіе разныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій населенія.—Краткость программы статистическаго изслѣдованія 1897 г. Отсутствіе экономическихъ данныхъ. Значительное сокращеніе этой краткой программы послѣ 1897 г. Устарѣлость опубликованныхъ данныхъ.

Составляющія Юго-западный край три губерніи занимаютъ площадь въ 144.735 кв. верстъ, превышая своимъ простанствомъ Швейцарію и Португалію, вмѣстѣ взятыя. Наличное населеніе края равно 9.567.010 чел., т. е. на полтора милліона болѣе населенія этихъ странъ. Губерніи эти далеко не одинаковы по занимаемому ими пространству: первое мѣсто по величинѣ занимаетъ Волынская губернія (63.036 кв. в.), почти вдвое превышающая своимъ пространствомъ губернію Подольскую (36.921 кв. в.); Кіевская же губернія занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее между ними положеніе (44.778 кв. в.), въ то же время болѣе приближаясь по своей величинѣ къ Подольской губ. Наоборотъ, по абсолютной численности своего наличнаго населенія Волынская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто—2.989.482 душъ о. п., Кіевская же—первое: 3.559.229 душъ о. п. (на что отчасти оказываетъ вліяніе присутствіе такого крупнаго городского центра, какъ Кіевъ, безъ котораго цифра населенія губерніи равна 3.311.506 душъ о. п.); что касается численнаго состава населенія Подольской губ., то онъ немного выше такого же состава Волынской—3.018.299 душъ о. п.

Отсюда ясно, что плотность населенія этихъ трехъ губерній неодинакова: при средней для края плотности населенія 66 душъ о. п. на кв. версту, наибольшею плотностію отличается Подольская губернія — 81,8 душъ о. п. на кв. версту, близко къ которой находится плотность населенія кіевской губ.—79,7 душъ на кв. в., тогда какъ плотность населенія волынской губ. почти вдвое меньше—47,4 д. на кв. в.

Аналогичныя явленія замѣчаются и по отношенію къ отдѣльнымъ уѣздамъ этихъ губерній: они очень неодинаковы и по пространству и по населенію, и плотность ихъ населенія весьма разнообразна. Такъ какъ въ каждой изъ этихъ трехъ губерній по 12 уѣздовъ, то, по разсчету пространства каждой изъ нихъ, средній размѣръ уѣзда долженъ бы быть: въ Волынской губ. 5250 кв. верстъ, въ Кіевской 3700, въ Подольской 3100. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ: въ волынской губ. самый обширный уѣздъ, Овручскій, занимаетъ пространство, почти вдвое превышающее вышеуказанную среднюю цифру—9274 кв. в., а самый мень-

шій—Старо-Константиновскій, наоборотъ, вдвое меньше ея (2246 кв. в.); въ подольской губерніи самымъ крупнымъ по пространству является Балтскій уѣздъ (6824 кв. в) и слѣдующій за нимъ Ольгопольскій, имѣющій уже вдвое меньшій объемъ—3521 кв. в., а наименьшими Проскуровскій и Летичевскій (2364 и 2371 кв. в.). Въ свою очередь, въ Кіевской губ. уѣзды тоже весьма различны по величинѣ: наибольшій—Радомысльскій занимаетъ 8435 кв. в. а слѣдующій за нимъ Кіевскій 4968 кв. в., наименьшій же Липовецкій—2540 кв. в.

По абсолютной численности населенія уѣзды этихъ трехъ губерній, какъ было сказано, тоже весьма неодинаковы и численность населенія уѣздовъ не всегда совпадаетъ съ занимаемымъ ими пространствомъ. Такъ, наиболѣе обширные уѣзды Овручскій и Радомысльскій принадлежатъ къ группѣ уѣздовъ съ сравнительно невысокой цифрой абсолютной численности населенія (всего отъ 220 до 315 тыс. насел. на уѣздъ). Словомъ, густота населенія отдѣльныхъ уѣздовъ тоже весьма неодинакова и колеблется между цифрами: 22 души о. п. на кв. в. (для Овручскаго уѣзда) и 109 (для Кіевскаго—считая его съ населеніемъ г. Кіева), или, если не считать населенія городовъ—между 21 душа о. п. на кв. в. (для Оручскаго же уѣзда) и 92 д. о. п. (для Каневскаго уѣзда), изъ которыхъ первый является такимъ образомъ наименѣе, а второй—наиболѣе густонаселеннымъ изъ всѣхъ уѣздовъ края. О распредѣленіи уѣздовъ на группы по отношенію къ густотѣ населенія (считая съ населеніемъ городовъ) можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ.

Количество уѣздовъ съ густотой населенія на 1 кв. версту

Въ губерн.:	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90 и болѣе
	душъ обоего пола.							
Кіевской	—	1	—	—	—	2	5	4
Волынской	1	3	1	2	3	1	1	—
Подольской	—	—	—	1	—	2	5	4
Итого	1 [1])	4 [2])	1 [3])	3 [4])	3 [5])	5 [6])	11 [7])	8 [8])

[1]) Овручскій. [2]) Радомысльскій, Ковельскій, Луцкій, Ровенскій. [3]) Владимірвол. [4]) Дуб., Новоградвол., Балтск. [5]) Житом., Засл., Остр.

Такъ какъ средняя плотность населенія края опредѣляется (см. выше) въ 66 (или круглымъ счетомъ 60 — 70) душъ о. п. на кв. версту, то съ густотой населенія меньше средней для края оказывается 9 уѣздовъ (изъ которыхъ 8 принадлежатъ къ Волынской губ.), а съ густотой населенія выше средней—24 уѣзда (въ большинствѣ уѣзды Подольской и Кіевской губ.).

Эта группа уѣздовъ относится, такъ сказать, вообще ко всему населенію уѣздовъ. Исключеніе же изъ общей цифры населенія уѣздовъ населенія собственно городского нѣсколько видоизмѣняетъ эту группировку—въ смыслѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ уѣздовъ (гдѣ имѣются болѣе крупные города) въ группы съ меньшею плотностью населенія. Это относится главнымъ образомъ къ Кіевскому уѣзду, который, за исключеніемъ населенія города, оказывается имѣющимъ плотность населенія 61 чел. на кв. вер., къ Житомірскому (54), Кременецкому (69), Чигиринскому, Бердичевскому, Уманскому и Староконстантиновскому (75—78), Звенигородскому, Могилевскому, Проскуровскому и Винницкому (81—86 ч. на кв. в.).

Городское населеніе группируется въ краѣ въ 3 губернскихъ, 33 уѣздныхъ городахъ, 5 безъуѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ особо поименованныхъ въ изданіи «первой всеобщей переписи» (т. XXXII) по Подольской губ. [1]), а также во многихъ мѣстечкахъ Кіевской, Волынской и Подольской губ., совершенно не выдѣленныхъ при переписи и цѣликомъ причисленныхъ къ сельскому населенію; таковы, наприм., такіе крупные центры, имѣющіе характеръ городскихъ поселеній, какъ Жмеринка и м.м. Дунаевцы, Ермолинцы, Новоконстантиновъ, Шепетовка, Славута, Смѣла, Златополь, Корсунь, Чернобыль, Богуславъ, Шпола и т. ц. Само

---

[6]) Сквир., Чигир., Кремен., Летич., Литин. [7]) Васильк., Липов., Таращ., Уман., Черкас., Старокон., Брацл., Ольгоп., Ушицк., Ямпол., Гайсинск. [8]) Кіевск., Бердичев., Звениг., Каневск., Камен., Винницк., Могилев., Проскур.

[1]) Сальница, Хмѣльникъ, Баръ, Ст. Ушица, Вербовецъ.

собою разумѣется, что такое невыдѣленіе данныхъ о значеніи такихъ пунктовъ изъ общаго счета сельскаго населенія уѣздовъ составляетъ несомнѣнную ошибку центральнаго статистическаго комитета. Благодаря ей, цифра чисто сельскаго населенія въ произведенной комитетомъ сводкѣ данныхъ является преувеличенной, а городского—преуменьшенной и самое число поименованныхъ въ «переписи» городскихъ поселеній оказывается тоже значительно уменьшеннымъ. При различіи характера того и другого населенія и занятій его, слѣдовало бы выдѣлить городскія поселенія оффиціальнаго названія городовъ въ особую группу отдѣльно отъ сельскихъ и городскихъ поселеній, что было бы совсѣмъ не трудно [1]).

Оперируя съ этимъ преуменьшеннымъ количествомъ (41) городскихъ поселеній, слѣдуетъ признать, что населенность ихъ, какъ это видно изъ нижеприводимой таблички [2]), крайне разнообразна:

	Число городск. посел. съ насел. тыс. душъ:									
	до 5	отъ 5 до 10	10-15	15-20	20-25	25-30	30-35	35-40	50-65.	Итого.
Кіевской . .	—	3	3	2	—	1	1	—	1	11
Подольской	—	2	4	4	1	—	—	—	1	12
Волынской	3	8	1	—	3	—	1	1	—	17
Итогъ .	3 [3])	13 [4])	8 [5])	6 [6])	4 [7])	1 [8])	2 [9])	1 [10])	2 [11])	40

[1]) Само собою разумѣется, что, благодаря этому, и всѣ послѣдующіе выводы изъ этихъ цифръ должны страдать нѣкоторою неточностью.

[2]) Откуда выдѣленъ г. Кіевъ, какъ имѣющій исключительно крупную цифру населенія: 247,723 чел.—по переп. 1897 г.

[3]) Сальница, Ст. Ушица, Вербовецъ. [4]) Каневъ, Липовецъ, Чигиринъ; Овручъ, Владимірвол.; Брацл., Гайс., Летич., Литинъ, Баръ, Ольгоп., Н. Ушица, Ямполь. [5]) Васильковъ, Радом., Тараща; Дубно, Заславъ, Луцкъ, Острогъ; Хмѣльникъ. [6]) Звенигородка, Сквира; Ковель,

Въ общемъ, населеніе этихъ городовъ (съ Кіевомъ) составляетъ 9,6% всего населенія края (въ дѣйствительности, если присоединить городскія поселенія, ошибочно привключенныя къ сельскому населенію, этотъ % долженъ быть выше); при этомъ въ Кіевской губ. оно составляетъ 12,8%, въ Волынской 7,8% и въ Подольской 7,4%[1]). Сравнительно съ губерніями Европ. Россіи, гдѣ городское населеніе составляетъ 12,8%, городское населеніе края составляетъ меньшій процентъ. Считая вмѣстѣ съ Кіевомъ, средняя населенность городскихъ пунктовъ составляетъ въ краѣ 22000 чел., а безъ Кіева 16600 чел., въ томъ числѣ для Подольской губ., въ среднемъ на 1 городъ приходится 13000 ч. населенія[2]), въ Волынской 17800, въ Кіевской 22500. Изъ приведенной таблицы видно, что большинство городскихъ поселеній края имѣютъ населенность ниже средней.

Кончая съ группировкой населенія по городамъ, не лишнее упомянуть о невозможности охарактеризовать условія разселенія сельскихъ жителей по сельскимъ населеннымъ пунктамъ въ виду того, что центральный статистическій комитетъ, къ сожалѣнію, не опубликовалъ этихъ добытыхъ переписью 1897 г. данныхъ.

Распредѣленіе населенія края по половому составу выражается нѣкоторымъ преобладаніемъ женскаго пола надъ мужскимъ: въ среднемъ выводѣ для всѣхъ трехъ губерній на 1000 мужчинъ приходится 1002 женщины; въ частности по отдѣльнымъ губер-

---

Кременецъ, Новоградволынс., Староконст. 7) Ровно; Балта, Проскуровъ, Могилевъ. 8) Черкассы. 9) Умань; Винница. 10) Каменецъ. 11) Бердичевъ; Житоміръ.

1) Если же взять, по примѣру остальныхъ двухъ губерній, только губернскій и уѣздные города—то 7%.

2) Если же исключить (какъ въ предыдущемъ примѣчаніи) безъуѣздные города и мѣстечки, то—15800.

ніямъ численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ замѣчается однако только въ Подольской (на 1000 м.—1006 ж.) и Кіевской губ. (на 1000 м.—1014 ж.). Волынская же губернія представляетъ исключеніе: въ ней на 1000 мужчинъ приходится только 989 женщинъ. Въ частности въ городскомъ населеніи края замѣчается почти повсюду численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ: въ среднемъ итогѣ на 1000 мужчинъ въ городахъ края приходится 892 женщины; это преобладаніе въ большинствѣ городовъ мужскаго пола надъ женскимъ въ значительной степени объясняется присутствіемъ въ нихъ войскъ и приходомъ на зимніе заработки (перепись 1897 г. производилась зимой) мужчинъ изъ селъ. Исключеніе (въ распредѣленіи полового состава) составляютъ лишь отдѣльные города: Овручъ, Летичевъ, Ямполь, Сальница, Хмѣльникъ, Баръ, Каневъ, Липовецъ, Радомысль, Тараща и Чигиринъ, гдѣ, наоборотъ, женское населеніе превышаетъ мужское.

Если же исключить изъ счета все городское населеніе, чтобы такимъ образомъ установить соотношеніе половъ среди одного только сельскаго населенія, то окажется, что въ итогѣ для каждой губерніи (считая и Волынскую) женскій полъ численно преобладаетъ надъ мужскимъ (составляя въ Подольской губ. 50,5% всего сельскаго населенія, въ Кіевской 51%, въ Волынской 50,1%).

Слѣдовательно, вышеуказанное численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ среди всего вообще наличнаго (сельскаго плюсъ городского) населенія Волынской губ. объясняется вліяніемъ на этотъ выводъ цифръ городского населенія этой губерніи, гдѣ, кстати сказать, въ одномъ только (самомъ маленькомъ уѣздномъ) городѣ Овручѣ замѣчается небольшое численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ, въ остальныхъ же городахъ—вездѣ наоборотъ. Только что указанное явленіе—численное преобладаніе среди сельскаго населенія женскаго пола надъ мужскимъ—замѣчается однако не во всѣхъ уѣздахъ края: исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ 5 уѣздовъ волын-

ской[1]) и 3 уѣзда подольской[2]) губ., гдѣ—въ первыхъ—на 1000 душъ м. п. приходится въ среднемъ 988 женщинъ, и во вторыхъ 990.

Въ общемъ итогѣ для всего края вышеуказанное численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ (на 1000 м.—1002 ж.) представляется менѣе значительнымъ, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ губерній Евр. Россіи (на 1000 м. около 1005 ж.).

Повозрастное распредѣленіе населенія, какъ и вообще въ Евр. Россіи, отмѣчается пониженіемъ группового состава по мѣрѣ повышенія возрастной градаціи, при чемъ наибольшая величина группового состава, или, иначе говоря, наибольшій процентъ лицъ, приходится на принятую переписью возрастную градацію въ 0—9 лѣтъ, а слѣдующій затѣмъ—на возрастную градацію отъ 10—19 лѣтъ, начиная съ которой пониженіе группового состава становится особенно замѣтнымъ:

% ко всему населенію:	Волынская	Кіевская	Подольская
отъ 1— 9 л.	29,4	28,6	27,8
— 10—19 л.	21,9	22,9	22,8
— 20—29 л.	17,1	15,4	15,4
— 30—39 л.	11,9	12,1	12,3
— 40—49 л.	8,2	9,2	9,3
— 50—59 л.	6,2	6,3	6,6
60 и болѣе	4,3	5,5	5,8
	100,0	100,0	100,0

О распредѣленіи состава населенія по возрастамъ и полу въ городахъ и уѣздахъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ (въ % къ количеству городскаго и сельскаго населенія):

---

[1]) Житомірскій, Ковельскій, Кременецкій, Луцкій, Ровенскій.

[2]) Балтскій, Винницкій, Летичевскій.

В ъ г о р о д а х ъ

Возрастъ	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	19,7	21,6	20,0	24,3	22,6	24,9
10—19 л.	19,4	23,1	17,7	24,3	20,0	24,8
20—29 л.	28,1	19,1	35,2	17,5	24,7	16,1
30—39 л.	13,4	13,5	10,4	12,3	10,8	12,0
40—59 л.	14,5	16,6	11,8	15,6	14,0	16,2
60 и выше	4,9	6,1	4,9	6,0	5,1	6,0

В ъ у ѣ з д а х ъ

Возрастъ	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	30,0	29,5	30,1	29,9	28,0	28,0
10—19 л.	23,9	23,5	21,6	22,5	22,0	23,4
20—29 л.	13,5	14,8	15,9	16,5	14,5	15,3
30—39 л.	11,8	11,9	11,9	11,9	12,0	12,5
40—59 л.	15,9	15,2	14,6	14,4	17,2	15,7
60 и выше	4,9	5,1	5,8	4,7	6,3	5,1

Разсмотрѣніе процентнаго отношенія возрастныхъ группъ указываетъ, что наиболѣе многочисленной возрастной группой среди сельскаго населенія является дѣтская группа (0—9 лѣтъ), а второе мѣсто занимаетъ группа подростковъ (возраста 10—19 л.) и въ такомъ же порядкѣ каждая послѣдующая возрастная группа представлена все меньшими и меньшими числами [1]). Въ городскомъ же населеніи это распредѣленіе отличается преобладаніемъ жителей въ цвѣтущемъ возрастѣ—отъ 20—29 л., наблюдаемымъ однако только по отношенію къ мужскому полу и объясняющимся

[1]) Группа въ возрастѣ 40—59 л. хотя и характеризуется (въ таблицѣ) болѣе крупными цифрами, но не составляетъ исключенія, такъ какъ въ ней совмѣщено двѣ десятилѣтнія группы (тогда какъ въ прочихъ по одной).

значительнымъ притокомъ молодыхъ мужчинъ этого возраста въ города. Рядомъ съ этимъ, въ городахъ замѣчается значительно бóльшее колебаніе въ соотношеніяхъ обѣихъ половъ, чѣмъ въ селеніяхъ: въ возрастѣ отъ 20—29 л. женщинъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ, въ возрастѣ же отъ 40—59—наоборотъ.

По семейному состоянію взрослое (съ 15 л. и выше) населеніе края распредѣляется въ относительныхъ величинахъ такъ:

	% ко всему взрослому населенію губерніи					
	Волынская		Кіевская		Подольская	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Холостыхъ и дѣвицъ	31,9	23,7	31,0	24,5	29,9	21,9
Состоящихъ въ бракѣ	62,9	65,4	64,5	63,6	65,9	65,4
Вдовыхъ	5,0	10,6	4,3	11,5	4,0	12,3
Разведенныхъ	0,07	0,2	0,1	0,3	0,1	0,2
Неуказавшихъ	0,07	0,09	0,1	0,1	0,1	0,2
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Какъ не трудно видѣть изъ этой таблички, наибольшая часть взрослаго населенія края состоитъ въ бракѣ, при чемъ процентъ мужскаго и женскаго пола приблизительно одинаковъ. Холостая группа вездѣ почти вдвое меньше только что упомянутой; это уменьшеніе въ особенности замѣтно у женщинъ, у которыхъ за то болѣе значительный процентъ вдовыхъ сравнительно съ мужчинами.

Этнографическій составъ населенія опредѣлялся во время переписи на основаніи показаній самихъ жителей о родномъ языкѣ. Поэтому, прежде чѣмъ воспользоваться данными объ этнографическомъ составѣ, необходимо остановиться на уясненіи вопроса, на сколько точны были показанія населенія, а слѣдова-

тельно и записи счетчиковъ въ этомъ отношенiи. Степень точности показанiй населенiя по этому вопросу въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ той внимательности и сознательнаго отношенiя къ дѣлу, какое проявляли въ данномъ слачаѣ опрашивавшiе населенiе счетчики. Составъ производившихъ перепись счетчиковъ, въ общемъ, достаточно извѣстенъ. Это—добровольцы, до того момента никогда переписью не занимавшiеся, а статистикою не интересовавшiеся, т. е. люди, къ этому дѣлу недостаточно подготовленные и работавшiе или изъ-за вознагражденiя, или изъ-за «статистической медали». Для многихъ изъ нихъ совершенно не было интересно при опросѣ каждой семьи обстоятельно разъяснять опрашиваемымъ, что именно нужно подразумѣвать подъ понятiемъ «родной языкъ»; а немалое ихъ количество, не смотря на полученныя инструкцiи, вѣроятно, не сумѣло бы даже и дать такого разъясненiя. Опрашивавшiе удовлетворялись часто тѣмъ пониманiемъ заданныхъ ими вопросовъ, какое обнаруживали опрашиваемые въ своихъ отвѣтахъ, не интересуясь удостовѣриться степенью правильности этого пониманiя, а опрашиваемые отвѣчали такъ, какъ умѣли. И вотъ часто на вопросъ о родномъ языкѣ опрашиваемый отвѣчалъ «русскiй», а опрашивающiй, ничтоже сумняшеся, сейчасъ же зачислялъ его въ великороссы, хотя бы отвѣчавшiй въ качествѣ малорусса, подразумѣвалъ именно языкъ малорусскiй. Съ другой стороны тѣ изъ малороссовъ, которые одинаково владѣютъ и малорусскимъ и великорусскимъ языкомъ, могли и сами вполнѣ безразлично относиться къ вопросу о томъ, куда ихъ запишутъ по одному изъ двухъ родныхъ имъ языковъ. Малороссы, обучавшiеся въ школахъ, гдѣ преподаванiе, какъ извѣстно, повсюду ведется на великорусскомъ языкѣ, и потому съ дѣтства привыкшiе къ этому языку, а также малороссы, въ семьѣ которыхъ принято говорить по-великорусски (что главнымъ образомъ, конечно, относится къ интеллигенцiи), могли, благодаря именно этому, показывать своимъ роднымъ языкомъ, по собственному усмотрѣнiю, или великорусскiй или малорусскiй, смотря по желанiю, или точкѣ зрѣнiя, съ которой они смотрѣли на данный вопросъ. И тѣ изъ нихъ, которые показывали при этихъ усло-

віяхъ роднымъ своимъ языкомъ великороссійскій, попадали въ число великороссовъ, хотя не только сами родились въ Малороссіи, имѣя своими предками исконныхъ малороссовъ, но можетъ быть никогда даже и не выѣзжали изъ Малороссіи. Отсюда неизбѣжная неточность въ цифрахъ, сводящаяся къ увеличенію числа великороссовъ за счетъ уменьшенія цифры малороссовъ. Отсюда неточность въ выводахъ хотя бы, напр., относительно развитія грамотности и образованія среди того и другого племени [1]). Въ этомъ отношеніи особенно бросаются въ глаза цифры лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго. При полной одинаковости условій полученія образованія выше начальнаго какъ въ Малороссіи, такъ и внѣ ея, при общеизвѣстности факта, что малорусская интеллигенція въ общемъ отнюдь не менѣе многочисленна (по сравненію съ общей массой *своего* населенія), чѣмъ великорусская, по даннымъ переписи оказывается, что (въ общемъ итогѣ для Евр. Россіи) изъ общаго числа грамотныхъ своего племени у малороссовъ только $1^1/_2\%$ лицъ мужеск. пола и 4,4% женскаго принадлежитъ къ числу получившихъ образованіе выше начальнаго, тогда какъ у великороссовъ эти же проценты равны 5,8% и 11,1% т. е. вчетверо и втрое больше. Такая значительня разница только и может быть объяснена указанною неточностью цифръ, такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ для существованія и объясненія столь значительнаго различія. Такое различіе по цифрамъ переписи замѣчается не только въ итогахъ для цѣлыхъ губерній (гдѣ слѣдовательно превалируютъ цифры сельскаго населенія), но и въ цифрахъ, относящихся къ городскому населенію—и тамъ % лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго (къ общему числу грамотныхъ), больше у великороссовъ, чѣмъ у малороссовъ даже и въ городахъ Малороссіи. Такъ, въ уѣздныхъ гор. Кіевской г. процентъ этихъ лицъ среди великороссовъ составляетъ 21,7, а среди мало-

---

[1]) О чемъ подробнѣе будетъ ниже.

россовъ только 5,2. Единственнымъ объясненіемъ такихъ странныхъ цифровыхъ комбинацій является именно неточность самихъ переписныхъ данныхъ, обусловленная самымъ способомъ установленія принадлежности населенія къ той или иной этнографической группѣ.

Отмѣтимъ кстати совершенно правильную оцѣнку этого пріема, сдѣланную въ № 30 «Южныхъ Записокъ» за 1905 г. въ статьѣ «Народное Образованіе въ Юго-западномъ краѣ по даннымъ переписи 1897 года» Б. Лелича:

... «языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, не представляетъ никогда достаточно вѣрнаго и полнаго доказательства его національности. Не приводя никакихъ доказательствъ этой безспорной истины, мы ограничимся ссылкой хотя бы на столь широко распространенную на русскомъ языкѣ книгу знаменитаго англійскаго ученаго Эд. Б. Тайлора «Антропологію», въ которой, названный авторъ, приходя къ тому же выводу, говоритъ между прочимъ, что «языкъ человѣка въ дѣйствительности свидѣтельствуетъ не о его происхожденіи, но о его воспитаніи». Если такая истина, извѣстная каждому, хоть сколько-нибудь научнообразованному человѣку, неизвѣстна была лицамъ, организовавшимъ разработку данныхъ переписи, то можно только удивляться ихъ невѣжеству. Подобные руководители возможны лишь въ такомъ бюрократическомъ учрежденіи, какимъ является Центр. Стат. Комитетъ».

Обращаясь теперь къ этнографическому составу населенія края, мы встрѣчаемся съ слѣдующими цифрами, располагая этнографическія группы въ нисходящемъ порядкѣ [1]).

[1]) Что отнюдь не соблюдается въ цитируемыхъ изданіяхъ Ц. Ст. К-та, гдѣ на первомъ планѣ, несмотря на ихъ малочисленность, непремѣнно красуются великороссы, евреи же занимаютъ всегда одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Кіевской.	Волынской.	Подольской.
малороссы	7357543	2819145	2095579	2442819
евреи	1194569	430489	394774	369306
великороссы	413290	209427	104889	98974
поляки	322108	68771	184161	69156
нѣмцы	190107	14707	17331	4069
чехи	31850	3294	27670	886
молдаване	27592	250	314	27028
бѣлоруссы	11017	6389	3794	834,

при чемъ надо имѣть въ виду, что цифры малороссовъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, являются преуменьшенными за счетъ увеличенія количества великороссовъ, которыхъ такимъ образомъ должно считаться еще меньше, чѣмъ показано. Въ процентахъ эти числа выражаются слѣдующимъ образомъ:

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Кіевской.	Волынской.	Подольской.
малороссовъ	**77,6**	79,3	70,3	81,0
евреевъ	**12,5**	12,3	13,2	12,2
великороссовъ	**4,4**	6,0	3,5	3,3
поляковъ	**3,4**	1,9	6,3	2,3
нѣмцевъ	**2,0**	0,4	5,7	—
чеховъ	—[1]	—	0,1	—
молдаванъ	—	—	—	0,9
бѣлоруссовъ	—	—	—	—
прочихъ	—	—	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Отсюда ясно, (даже и безъ поправокъ указанной неточности цифръ), что во всѣхъ трехъ губерніяхъ главную массу населенія составляютъ малороссы, а слѣдующее за ними мѣсто

[1]) Черточками отмѣчены процентныя величины ниже 0,1.

принадлежитъ евреямъ. Великороссы же занимаютъ по численности своей только третье мѣсто въ итогѣ по краю, уступая даже въ Волынской губ. это третье мѣсто полякамъ; но вообще поляковъ въ краѣ сравнительно мало—всего 3,4% общаго количества населенія (отъ 1,9% въ Кіевской до 6,3% въ Волынской).

Преобладающій малорусскій составъ населенія края (и, какъ увидимъ ниже, въ особенности сельскаго) предопредѣляетъ крупное значеніе въ немъ такъ наз. малорусскихъ вопросовъ, каковы, напр., вопросъ о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ, о малорусской печати и т. п.; съ другой стороны немаловажное значеніе имѣетъ здѣсь и вопросъ о положеніи и судьбахъ еврейскаго населенія, какъ занимающаго по численности своей первое мѣсто послѣ малороссовъ. Съ другой стороны, хотя поляки, въ среднемъ по краю, занимаютъ по своей численности четвертое мѣсто, но, благодаря огромности численнаго состава первой группы, право ихъ на это четвертое мѣсто опредѣляется сравнительно ничтожной цифрой 3,4% общей численности всего мѣстнаго населенія. Одна уже ничтожность этой цифры съ полной убѣдительностью должна показать каждому непредубѣжденному человѣку, какъ неосновательно и чрезмѣрно вздутъ здѣсь такъ наз. «польскій вопросъ», сводящійся къ опасеніямъ вреднаго вліянія «польскаго элемента» на остальное населеніе края; то же самое можно сказать и по вопросу объ иностранныхъ колонистахъ (нѣмцахъ и чехахъ), которыхъ въ краѣ всего 2%.

Обращаясь къ вопросу о распредѣленіи отдѣльныхъ національностей въ сельскомъ и городскомъ населеніи края, надо отмѣтить прежде всего, что малорусское племя является численно преобладающимъ среди сельскаго населенія, а еврейское—среди городского, что замѣчается въ итогахъ для всѣхъ 38 губерній по исключеніи лишь изъ итога по Кіевской губ. города Кіева (съ его въ процентномъ отношеніи значительно меньшимъ количествомъ евреевъ), присутствіе котораго отчасти вліяетъ на итогъ по его губерніи.

Вотъ эти процентныя отношенія въ городахъ (съ Кіевомъ):

	Евреи	Мал.	Велик.	Пол.	Нѣм.	Бѣл.	Чехи	Проч.	Итогъ
Весь край:	40,0	27,0	25,0	5,5	0,8	0,4	0,2	1,1	100,0
въ томъ числѣ:									
Кіевская	31,0	28,0	33,0	4,7	1	0,7	0,2	1,4	100,0
Волынская:	51,0	19,0	19,0	7,9	0,8	0,1	0,9	1,7	100,0
Подольская:	46,1	32,5	14,8	4,9	—[1])	—	—	1,7	100,0

Кромѣ того замѣчается, что въ городахъ численность малороссовъ и великороссовъ въ общемъ почти одинакова. Изъ детальнаго же разсмотрѣнія опубликованныхъ цифровыхъ таблицъ по отдѣльнымъ городамъ видно, что въ громадномъ большинствѣ городовъ малороссы численно преобладаютъ надъ великороссами, въ Кіевѣ же, Бердичевѣ, Балтѣ и Житомирѣ, наоборотъ, преобладаютъ великороссы.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему сравненію племеннаго состава населенія городовъ и уѣздовъ безъ городовъ, мы видимъ, что численное преобладаніе евреевъ въ городскихъ поселеніяхъ далеко не такъ замѣтно, какъ преобладаніе малороссовъ среди сельскаго населенія, такъ какъ въ городахъ имѣются еще двѣ довольно многочисленныя племенныя группы: малороссы и великороссы (27 и 25%), тогда какъ среди сельскаго населенія остальныя племенныя группы крайне малочисленны. Наиболѣе видной изъ нихъ по величинѣ является группа евреевъ (9,6%), но и то, очевидно, главнымъ образомъ потому, что въ составъ сельскихъ поселеній при переписи, какъ было сказано выше, зачислено много такихъ (мѣстечковыхъ) поселеній, которыя и по характеру своему, и по многочисленности населенія должны быть причислены къ городскимъ. Что касается поляковъ, то въ процентномъ отношеніи къ составу мѣстнаго населенія они болѣе многочисленны въ городахъ, чѣмъ въ уѣздахъ [2]). Все это видно

[1]) Черточки тамъ, гдѣ % ниже 0,1.

[2]) Среди сельскаго населенія волынской губ. они, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, многочисленнѣе малоруссовъ, и это вліяетъ на итогъ по краю.

изъ нижеприведенной таблички, относящейся исключительно къ сельскому населенію, и изъ сравненія ея съ предыдущею:

	Мал.	Евреи	Велик.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Молд.	Проч.	Итого
Весь край:	82,0	9,6	2,1	3,2	2,1	0,3	0,3	0,4	100,0
въ томъ числѣ:									
Кіевская:	87,0	9,3	1,9	1,5	0,3	—	—	—	100,0
Волынская:	74,2	10,0	2,2	6,0	6,1	0,9	—	0,6[1]	100,0
Подольская:	85,0	9,6	2,3	2,1	0,1	—	0,9	—	100,0

Сказаннымъ уясняется только вопросъ о племенномъ составѣ населенія деревенскихъ поселеній и населенія городовъ; но изъ приведенныхъ цифръ не видно еще, гдѣ преимущественно живетъ *каждая* отдѣльно взятая національность: въ городахъ, или внѣ ихъ. Это уясняется нижеприводимою табличкою (гдѣ въ процентахъ выражено, какая часть каждаго даннаго племени живетъ внѣ городовъ и какая въ городахъ):

	Кіевская		Волынская		Подольская		Въ итогѣ по краю	
	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	Въ гор.
Малороссовъ	95	5	97,5	2,5	97	3	97	3
Евреевъ	67	33	70	30	72	28	70	30
Великороссовъ	27	73	57	43	66	34	45	55
Поляковъ	69	31	90	10	84	16	87	13
Нѣмцевъ	67	33	99	1	89	11	96	4
Чеховъ	67	33	97	3	82	18	96	4
Молдованъ	54	46	50	50	95	5	98	2
Бѣлорусовъ	47	53	92	8	74	26	63	37

Изъ этой таблички видно, что малороссы живутъ главнымъ образомъ внѣ городовъ (97% по всему краю). Евреи оказываются живущими тоже по преимуществу среди сельскаго населенія (70% по всему краю), но на это показаніе, какъ было указано,

[1]) Въ т. ч. 0,1% бѣлорусовъ.

повліяло зачисленіе многихъ поселеній городского характера въ число сельскихъ поселеній,—извѣстно, что евреи края, живущіе «среди сельскаго населенія», ютятся въ чертѣ такъ наз. мѣстечковыхъ поселеній. Относительно великороссовъ замѣчается разница между показаніями по кіевской губ.—съ одной стороны, и остальными двумя—съ другой: въ то время какъ въ кіевской великороссы живутъ преимущественно въ городахъ, въ волынской и подольской—они живутъ преимущественно въ селахъ. На эту разницу показаній, какъ оказывается, вліяютъ цифры, относящіяся къ г. Кіеву. Если изъ итога великороссовъ (152190 душъ о. п.), живущихъ въ городахъ этой губерніи, выключить цифру великороссовъ, живущихъ собственно въ Кіевѣ (134278), то оказалось бы, что и въ кіевской губерніи процентъ великороссовъ (76%), живущихъ внѣ городовъ (въ данномъ случаѣ только уѣздныхъ), выше % великороссовъ (24), живущихъ въ городахъ. Поляки, нѣмцы и чехи во всѣхъ губерніяхъ (и въ особенности въ волынской—90, 99 и 97%) живутъ преимущественно среди сельскаго населенія, какъ и молдаване въ подольской губ. [1]).

Что касается распредѣленія различныхъ этнографическихъ группъ по отдѣльнымъ уѣздамъ края, то въ этомъ отношеніи отличаются: по волынской губ.—житомірскій, луцкій, новоградволынскій уѣзды, гдѣ нѣмцы составляютъ свыше десятой части населенія; поляки же и чехи преобладаютъ въ западной полосѣ губерніи: первые главнымъ образомъ въ уѣздахъ ровенскомъ, луцкомъ и владимірволынскомъ, также въ заславскомъ, дубенскомъ и острожскомъ, вторые составляютъ свыше 5% населенія дубенскаго уѣзда. По кіевской губ. поляковъ болѣе всего въ кіевскомъ уѣздѣ (3,4%) и бердичевскомъ (5,8%), нѣмцевъ въ радомысльскомъ (2,2%) и кіевскомъ (1,1%), евреевъ—въ бердичевскомъ—

[1]) Соотвѣтственныя цифры по остальнымъ двумъ губерніямъ могутъ не приниматься въ разсчетъ въ виду ничтожности самаго числа молдаванъ въ нихъ: 250 и 314; то же слѣдуетъ сказать и о бѣлорусахъ въ подольск. губ. (834), которыхъ впрочемъ и вообще мало въ краѣ (11016 душъ о. п.).

23,1% (въ томъ числѣ въ г. Бердичевѣ, гдѣ ихъ 77,1% всего населенія города) и въ чигиринскомъ (8,6%). Въ подольской губ.—наибольшій % поляковъ въ проскуровскомъ (6,4) и винницкомъ (5,2) уѣздахъ; молдаванъ—въ балтскомъ (4,5%) и ольгопольскомъ (2,8%), евреевъ—въ могилевскомъ (14,5%), балтскомъ (13,6%) и летичевскомъ (13%).

Вѣроисповѣдный составъ населенія отчасти предопредѣляется его племеннымъ составомъ, такъ какъ племя, главенствующее по численности—малороссы—въ огромномъ большинствѣ исповѣдуютъ православную вѣру (въ волын. губ. 94,8% всѣхъ малороссовъ, въ подольской 92%, въ кіевской 98,8%); изъ нихъ лишь небольшое число принадлежитъ къ римско-католикамъ (отъ 1% въ кіевск. губ. до 7,5% въ подольской) и еще меньше къ старообрядцамъ (отъ 0,01% въ волынск. губ. до 0,7% въ под. губ.). Второе по численности племя—еврейское почти сплошь исповѣдуетъ іудейскую вѣру [1]). Великоросы тоже по преимуществу принадлежатъ къ православнымъ (отъ 79% въ под. губ. до 90% въ кіевской), и затѣмъ среди нихъ имѣется нѣкоторое число старообрядцевъ—

---

[1]) Въ этомъ отношеніи очень интересны данныя таблицы XIV «распредѣленіе населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку». Тамъ, согласно опредѣленію племеннаго состава по показаніямъ о родномъ языкѣ, показано: по кіевск. губ. великороссовъ *іудейскаго вѣроисповѣданія* 3091, малороссовъ 345, бѣлоруссовъ 6 и т. д.; по подольск.: великор. 887, малороссовъ 536 и т. д.; по вол. губ. великорос. 600, малорос. 537 и т. д. Хотя это и надо, всего вѣроятнѣе, понимать такъ, что эти числа обозначаютъ евреевъ, показавшихъ своимъ роднымъ языкомъ не еврейскій, а малорусскій, великорусскій и т. д., но и при такомъ толкованіи, цифры эти представляются до нѣкоторой степени сомнительными, такъ какъ евреи края обыкновенно знаютъ и свой, и малорусскій, и великорусскій языки одновременно, и зачисленіе ихъ «по родному языку» въ названныя группы должно быть объяснено произвольнымъ толкованіемъ дававшихъ показанія или ведшихъ регистрацію о родномъ языкѣ.

значительно впрочемъ большее, чѣмъ и у малорос. и у бѣлорусовъ— въ кіевск. губ. 5,6%, въ вол. губ. 7,6% и въ под. губ. 18%. Большинство бѣлорусовъ тоже православные (74% въ вол. губ. и 90 и 94% въ под. и кіев.); старообрядцевъ среди нихъ только отъ 2,5 (под. губ.) до 4% (кіев. губ.); но значительно больше римско-католиковъ (22,3% въ вол. губ. и 7,5% въ под., а въ кіев. только 1,8%). Надо впрочемъ помнить, что вообще число бѣлорусовъ очень незначительно въ краѣ—всего 11016 ч. (въ томъ числѣ въ вол. губ. только 834 чел.). Поляки — въ огромномъ большинствѣ римско-католики (97,7—99%); нѣмцы по преимуществу протестанты (81% въ под. губ., 87 въ кіев. и 98,7% въ вол. губ.) и частію римско-католики (0,9% въ вол. губ., 6,5% въ кіев. и 16% въ под. губ.). Изъ таблицы по кіевской губ. видно также, что 4% изъ нихъ принадлежитъ къ баптистамъ, въ подольск. губ. таковыхъ нѣтъ, а имѣются ли баптисты изъ нѣмцевъ или даже какихъ либо иныхъ національностей по волынской г., изъ таблицъ видѣть нельзя, такъ какъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, таблица (XIV) о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку для волынской губ. составлена въ сокращенномъ видѣ—безъ выдѣленія въ особыя графы (какъ это сдѣлано для остальныхъ двухъ губерній) такихъ исповѣданій, какъ армяно-григоріане, армяно-католики, баптисты, лютеране, реформаты, англикане-менониты, караимы; вслѣдствіе этого данныя по тремъ губерніямъ являются въ этомъ изъясненіи недостаточно сравнимыми. Заканчивая затѣмъ съ вопросомъ о вѣроисповѣдномъ составѣ главнѣйшихъ племенныхъ группъ мѣстнаго населенія, надо сказать еще, что большинство чеховъ исповѣдуютъ православную вѣру (въ под. губ. 30%, въ кіев. 40,5, въ вол. 66%) и римско-католическую (въ вол. губ. 28,6%, въ кіев. 55 и въ под. губ. 65%); кромѣ того между ними имѣется нѣкоторое количество протестантовъ (въ кіевск. губ. 2,9%, въ под. 4 и въ вол. губ. 5,2%) [1]).

---

[1]) Не лишне замѣтить кстати, что какъ бы ни подлежала сомнѣнію въ нѣкоторыхъ случаяхъ степень достовѣрности данныхъ не-

Что касается вопроса о распредѣленіи вѣроисповѣдныхъ группъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, то на немъ нѣтъ надобности подробно останавливаться послѣ сдѣланныхъ выше указаній о племенномъ составѣ городского и внѣгородского населенія и только что приведенныхъ данныхъ о вѣроисповѣдномъ составѣ племенныхъ группъ, такъ какъ распредѣленіе это достаточно характеризуется сказаннымъ.

О сословномъ распредѣленіи населенія можно судить по даннымъ нижеприводимой таблички (въ % къ общему числу населенія):

	Кiев. г.	Вол. г.	Под. г.
Крестьянъ	77,8	75,0	81,0
Мѣщанъ	18,9	21,4	16,3
Дворянъ пот. и личн.	1,7	1,6	1,3
Лицъ духовн. зван.	0,5	0,5	0,5
Купцовъ и поч. гражд.	0,3	0,3	0,4
Иностр подданныхъ	0,3	1,0	0,4
Лицъ прочихъ сослов.	0,5	0,2	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Отсюда слѣдуетъ, что первое мѣсто по численности принадлежитъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ (послѣ крестьянъ) мѣщанамъ, а слѣдующее затѣмъ дворянамъ, которыхъ однако не свыше 1,7%. Это же соотношеніе, въ общемъ, сохраняется и—въ частности — внѣ городовъ; въ городахъ же первое мѣсто принадлежитъ обыкновенно мѣщанамъ, второе крестьянамъ и третье тоже дворянамъ.

реписи по такимъ, наприм., такъ сказ. щекотливымъ пунктамъ, какъ принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію (старовѣры, штундисты и т. п.), тѣмъ не менѣе опубликованное изслѣдованіе не содержитъ никакихъ данныхъ для ихъ провѣрки и поправки. Поэтому всѣ такія данныя принимаются мною безъ всякихъ оговорокъ, какъ они есть, независимо отъ ихъ качества.

Затѣмъ данныя переписи уясняютъ, что изъ первенствующихъ по численности сословій крестьяне живутъ въ городахъ лишь въ сравнительно весьма небольшомъ числѣ (отъ 1,6% въ под. губ. до 4,6% всего числа крестьянъ въ кіевской губ.); мѣщане же живутъ преимущественно внѣ городовъ (отъ 61,5 въ кіевской губ. до 76% общаго числа мѣщанъ въ волынск. губ.), но такъ какъ большую часть мѣщанъ составляютъ евреи, которые, какъ извѣстно, въ большинствѣ составляютъ населеніе поселеній, имѣющихъ городской характеръ, но переписью въ города незачисленныхъ (да и особо не выдѣленныхъ), то приведенныя только что цифры (собственно о мѣщанахъ) не могутъ считаться выражающими дѣйствительность.

Изъ какихъ именно сословныхъ группъ состоитъ каждая національность, это видно изъ слѣдующей—сводной для всего края—таблички (въ процентахъ):

	Дворян. пот.	Дворян. личн.	Духов. хр. исп. съ ихъ семьями.	Поч. граж. и купцы.	Мѣщ.	Крест.	Иностран. подд.	Проч.	Итого.
Малорос.	0,3	—[1])	0,2	0,1	5,1	93,8	—	0,5	100,0
Евреи.	—	—	—	1,1	96,8	2,1	—	—	100,0
Великорос.	7,4	6,5	5,3	3,5	30,1	43,0	0,5	3,7	100,0
Поляки	14,3	2,6	—	—	27,2	38,2	6,9	10,8	100,0
Нѣмцы	0,3	0,3	—	0,4	27,5	57,5	7,7	7,3	100,0
Чехи	0,1	0,2	—	0,1	6,9	80,3	1,9	10,5	100,0
Молдаваны.	—	—	—	—	1,8	98,2	—	—	100,0
Бѣлоруссы.	1,7	1,1	0,5	0,6	16,1	78,5	0,4	1,1	100,0

Изъ этой таблички видно, что огромное большинство мѣстныхъ жителей малороссовъ—крестьяне и частію мѣщане, къ остальнымъ же сословіямъ принадлежитъ лишь ничтожный процентъ малороссовъ. Евреи—почти всѣ мѣщане; 2,1% ихъ принад-

---

[1]) Черточкой обозначены величины менѣе 0,1.

лежащихъ къ крестьянскому сословію — это евреи земледѣльцы, живущіе отдѣльными колоніями. Одну изъ наиболѣе разнопёрстныхъ группъ по сословному составу своему представляютъ великороссы, дающіе значительный процентъ дворянъ (13,9), духовенства (5.3), купцовъ и почетныхъ гражданъ (3,5), еще бóльшій—мѣщанъ (30,1) и наибольшій—крестьянъ (43%). Довольно разнообразенъ и сословный составъ поляковъ, дающій сравнительно меньшіе проценты мѣщанъ (27,2) и крестьянъ (38,2) и бóльшіе проценты дворянъ—16,9%[1]), иностранныхъ подданныхъ—6,9% (въ значительной части—«колонисты») и «прочихъ сословій»—7,3%. Большинство чеховъ принадлежитъ къ крестьянскому (57,5%) и мѣщанскому (27,5%) сословію, а также къ числу иностранныхъ подданныхъ (тоже—наши колонисты) и прочихъ сословій (7,7 и 7,3%). Молдаване—почти всѣ крестьяне (98,2%); изъ бѣлорусовъ же большинство тоже принадлежитъ къ крестьянскому сословію (78,5%) и довольно значительная часть къ мѣщанамъ (16,1%); кромѣ того въ числѣ бѣлорусовъ имѣется 2,8% дворянъ. Если теперь сравнить данныя только что приведенной таблички съ данными приведенной раньше таблички, уясняющей, какой процентъ численнаго состава каждаго племени живетъ въ городахъ и какой внѣ городовъ, то окажется, что (не считая евреевъ, какъ поставленныхъ въ смыслѣ сословности и жизни въ селахъ въ исключительныя условія) племенныя группы, дающія наибольшій процентъ лицъ, живущихъ въ городахъ (великороссы, бѣлоруссы и поляки) отличаются и большимъ разнообразіемъ своего сословнаго состава; онѣ же, кстати сказать, отличаются и наибольшимъ процентомъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію.

---

[1]) Въ томъ числѣ личныхъ дворянъ только 2,6%, что объясняется незначительностью процента поляковъ, состоящихъ на госуд. службѣ въ краѣ.

Чтобы покончить съ характеристикой состава мѣстнаго населенія, необходимо еще привести данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Данныя объ абсолютномъ и относительномъ количествѣ ихъ приведены ниже:

	Всего съ физ. недостатк.		Въ томъ же числѣ (въ % къ об. ч.)					% лицъ съ нед. къ об.
	мужч.	женщ.	слѣп.	ослѣп.	глухонѣм.	нѣм.	умал.	числу нас.
Кіевская.	7783	6561	$17_{,5}$	$26_{,1}$	$26_{,2}$	$8_{,1}$	$22_{,1}$	$0_{,4}$
Волынская	5651	4530	$18_{,2}$	$22_{,0}$	$31_{,4}$	$11_{,4}$	$17_{,0}$	$0_{,3}$
Подольск.	6543	5140	$16_{,4}$	$26_{,3}$	$26_{,4}$	$8_{,6}$	$22_{,3}$	$0_{,4}$

Изъ этихъ цифръ видно, что % лицъ съ физическими недостатками въ общей массѣ мѣстнаго населенія составляетъ не свыше 0,4% и что онъ приблизительно одинаковъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, при чемъ женщинъ съ физическими недостатками нѣсколько меньше, чѣмъ мужчинъ. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ физическіе недостатки, наибольшій процентъ даютъ глухонѣмые ($26_{,2}$—$31_{,4}$), но если къ слѣпымъ отъ рожденія присоединить ослѣпшихъ впослѣдствіи, то общій процентъ всѣхъ слѣпыхъ превыситъ и % глухонѣмыхъ ($40_{,2}$—$43_{,6}$); что касается нѣмыхъ, то они даютъ наименьшій процентъ ($8_{,1}$—$11_{,4}$) изъ числа лицъ съ физическими недостатками.

Такъ какъ процентъ лицъ съ физическими недостатками, несомнѣнно, можетъ находиться въ зависимости отъ условій жизни населенія, то небезъинтересно отмѣтить, что среди сельскаго населеніи края замѣчается значительно меньшій процентъ умалишенныхъ, чѣмъ среди городского населенія, и—наоборотъ—значительно большій процентъ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, что видно изъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ сопоставленій (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ:

	слѣпыхъ	ослѣпш.	итого	глухон.	нѣм.	умалиш.	
въ городахъ	11,5	22	33,5	20,5	6,5	39,5	=100
внѣ городовъ	17,8	25,3	43,1	28,8	9,4	18,7	=100

Что касается степени распространенности физическихъ недостатковъ среди различныхъ (наиболѣе крупныхъ) этнографи-

ческихъ группъ, то объ этомъ можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ):

	слѣпыхъ	ослѣпш.	итого	глухонѣм.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
малор.	18,5	26,1	44,6	28,2	9,0	18,2	100
евреи	12,3	19,6	31,9	27,8	12.8	27.5	100
великор.	13,1	25,1	38,2	22	6,2	33,6	100
поляки	15,8	18,6	34,4	24,5	8,3	32,8	100
нѣмцы	11,2	22,0	33,2	29,7	9,3	27,8	100

Наименьшимъ процентомъ умалишенныхъ отличаются малороссы, что объясняется, конечно, принадлежностью огромнаго ихъ большинства къ негородскимъ жителямъ, среди которыхъ % умалишенныхъ, какъ было сказано, наименьшій. Если принять во вниманіе, что значительная часть нѣмцевъ тоже живетъ въ селеніяхъ, великороссы же, евреи и поляки отличаются значительнымъ процентомъ лицъ, живущихъ въ городахъ, то отсюда понятнымъ станетъ болѣе высокій % умалишенныхъ именно среди этихъ трехъ этнографическихъ группъ, у которыхъ онъ выше всего у великороссовъ (33,6%) и ниже—у евреевъ (27,5%). Наибольшимъ процентомъ слѣпыхъ, какъ и слѣдовало ожидать послѣ всего сказаннаго, отличаются малороссы; наименьшій же процентъ ихъ замѣчается у евреевъ и нѣмцевъ. Распредѣленіе различныхъ категорій физическихъ недостатковъ въ предѣлахъ различныхъ сословныхъ группъ только подтверждаетъ напрашивающійся изъ предыдущаго выводъ, что повидимому болѣе культурныя группы населенія отличаются меньшимъ процентомъ слѣпыхъ и большимъ процентомъ умалишенныхъ, сравнительно съ менѣе культурною частью населенія. Такъ:

	% къ общему числу лицъ съ физич. недостатками:						
	слѣп.	ослѣпш.	итого	глухон.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
у дворянъ	8,0	19,0	27,0	16,0	4,0	53.0	100
у духовенства	7,4	12,4	19,8	48,5	4,4	27,3	100
у гор. сосл. [1])	12,3	20,3	32,6	29,1	10,2	28,1	100
у сельс. сосл.	17,5	27,5	45,0	28,0	9,0	18.0	100

---

[1]) Поч. гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и т. п.

У сельскихъ сословій слѣпыхъ значительно больше, чѣмъ у остальныхъ, умалишенныхъ же, наоборотъ, процентъ всего меньше. и особеннаго размѣра достигаетъ онъ среди дворянъ.

Что же касается распредѣленія тѣхъ же физическихъ недостатковъ въ связи съ возрастнымъ составомъ населенія, то наименьшимъ развитіемъ ихъ, отличаются, съ одной стороны, маловозрастныя группы, съ другой—наиболѣе пожилыя группы:

% лицъ съ физическими недостатками въ возрастѣ:

до 1 года,	1-9 л.,	10-19,	20-29,	30-39,	40-49,	50-59,	60 и бол.	Итого:
0,5	7,5	21,8	20,5	15.3	11,5	8,8	14,1	100,0

Переходя къ вопросу о грамотности мѣстнаго населенія, необходимо помнить тѣ указанія на неточность переписныхъ данныхъ, о которыхъ говорилось при характеристикѣ собраннаго переписью матеріала объ этнографическомъ составѣ населенія (малороссахъ и великороссахъ). Но напомнивъ объ этой неточности переписныхъ данныхъ, относящихся къ вопросу о грамотности населенія, слѣдуетъ указать еще на неточную формалистику заголовковъ переписныхъ таблицъ въ опубликованныхъ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета: въ таблицѣ XV грамотные подраздѣляются на: 1) грамотныхъ по-русски, 2) грамотныхъ на другихъ языкахъ и 3) получившихъ образованіе выше начальнаго. Такіе заголовки даютъ право предполагать, что въ число «грамотныхъ по-русски» должны быть зачислены, кромѣ грамотныхъ *только* по-русски, также и тѣ, которые грамотны и на другихъ языкахъ, что всѣ «получившіе образованіе выше начальнаго», въ качествѣ грамотныхъ, тоже должны быть засчитаны и въ первую графу, и что, съ другой стороны, тѣ «грамотные (только) на другихъ языкахъ», которые получили (напр., за границей) образованіе выше начальнаго, должны быть включены и въ графу «получившихъ образованіе выше начальнаго». Однако, этого въ таблицахъ не сдѣлано. Въ таблицахъ «грамотные по-русски» плюсъ «грамотные на другихъ языкахъ» и плюсъ «получившіе образованіе выше средняго» составляютъ *общій итогъ*

всѣхъ грамотныхъ. Видимо, таблицы включаютъ въ число «грамотныхъ на другихъ языкахъ» только тѣхъ, кто грамотный *не* по-русски (?), [1]),—въ такомъ случаѣ таблицы эти не даютъ свѣдѣній о томъ, сколько же *всѣхъ* «грамотныхъ на другихъ языкахъ». Словомъ, заголовки далеко не исчерпываютъ дѣйствительности и, сбивая въ кучу величины, подлежащія (по смыслу самихъ заголовковъ) разъединенію, даютъ неточное представленіе объ этой дѣйствительности. Объ этихъ дефектахъ необходимо помнить при пользованіи опубликованными цифрами относительно грамотности населенія, принимая ихъ съ должною осторожностью и соотвѣтствующими оговорками, какъ данныя, не отличающіяся желательною точностью.

Степень грамотности населенія видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Кіев. г.		Вол. г.		Под. г.	
	м. п.	ж. п.	м. п	ж. п.	м. п.	ж. п.
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	27,6	8,9	24,4	9,8	23,0	6,9

Для обоего пола.

	Кіев. г.	Вол. г.	Под. г.	Итого по краю
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	18,1	17,1	15,5	17,3

Изъ этой таблички видно, что во всѣхъ трехъ губерніяхъ грамотность развита очень слабо и что повсюду процентъ грамотныхъ значительно ниже среди женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; но и у послѣднихъ онъ все-таки весьма не великъ. Наименьшимъ развитіемъ грамотности у обоихъ половъ отличается подольская губернія. Грамотность значительно выше развита среди городского населенія сравнительно съ сельскимъ, что видно изъ нижеслѣдующаго:

[1]) Включая всѣхъ грамотныхъ одновременно и по-русски и на другихъ языкахъ въ число «грамотныхъ по-русски».

		Кіев. г.		Вол. г.		Под. г.	
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
% грамотн. къ	въ городахъ	55,7	35,0	50,2	30,8	44,2	22,6
общ. кол. насел.	въ уѣзд. безъ гор.	23,1	5,2	22,0	8,2	22,0	6,1

Волынская губ. отличается нѣсколько меньшею разницею въ развитіи грамотности между мужскимъ и женскимъ поломъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, сравнительно съ остальными двумя губерніями.

Развитіе грамотности въ различныхъ городахъ не одинаково: по проценту грамотныхъ (къ общему количеству населенія этихъ городовъ) оно колеблется между 17,4 и 53,4%. Такъ какъ для читателей нашего края небезъинтересно знать, какіе города наиболѣе отстали и какіе наиболѣе ушли впередъ, по распространенности грамотности, то ниже приводится полный перечень всѣхъ городскихъ поселеній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія этого рода: Кіевъ 53,4%; Владимірволынскъ 49%; Дубно 46,5%; Каменецъ и Ровно по 46; Житоміръ 45; Бердичевъ 43,8; Острогъ 42,5; Ковель 41,5; Радомысль 39,1; Винница и Луцкъ по 38,5; Проскуровъ 38; Черкассы и Летичевъ по 37,5; Сквира 37,4; Заславъ 37,3; Кременецъ 37; Умань 36,9; Могилевъ 35; Староконстантиновъ 33,7; Новоградволынскъ 32,7; Ямполь 31,8; Тараща 30,7; Звенигородка 29; Брацлавъ 27,2; Баръ 27; Овручъ 26,7; Каневъ 26 2; Липовецъ 25,7; Гайсинъ и Литинъ по 25,5; Н. Ушица 24,7; Васильковъ 24,3; Ст. Ушица 24; Ольгополь и Чигиринъ по 23,3; Хмѣльникъ 20,7; Сальница 20,3 и Вербовецъ 17,4.

Въ среднемъ для всего края грамотность городского населенія выражается 42%, для отдѣльныхъ же губерній: Подольской 33,8, Волынской 41,2 и Кіевской 45,7%, а безъ г. Кіева 34,4%. Какъ видно изъ только что приведеннаго перечня, только 8 городовъ имѣютъ % грамотныхъ выше средняго для городовъ края (42), всѣ же остальные отличаются меньшимъ развитіемъ грамотности.

Грамотность сельскаго населенія, какъ видно изъ предыдущаго, значительно ниже, чѣмъ у городского населенія. Въ среднемъ для края она достигаетъ всего 14,5% общаго числа насе-

ленія, живущаго внѣ городовъ; по отдѣльнымъ губерніямъ эти цифры колеблются такъ: по Кіевской губ. 14%, по Подольской 14,2%, по Волынской 16,2%. Такимъ образомъ, если исключить изъ счета населеніе г. Кіева, то надо признать, что изъ трехъ губерній края, въ среднемъ, грамотность и городского и сельскаго населенія въ Волынской губ. выше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ.

При указанной средней для края—14,5% грамотныхъ къ общему количеству сельскаго населенія, уѣзды дѣлятся по степени распространенности грамотности почти пополамъ, т. е. въ половинѣ уѣздовъ грамотность выше средней и въ половинѣ—ниже ея. По проценту грамотныхъ среди сельскаго населенія уѣзды распредѣляются (въ порядкѣ пониженія %) такъ: Житомірскій 23,5%; Новоградволынскій 18,6; Винницкій 17,6; Заславскій 17,4; Ровенскій 16,3; Дубенскій, Луцкій и Каневскій по 16,1; Каменецкій, Острожскій и Звенигородскій по 15,3; Бердичевскій и Брацлавскій по 15,1; Кіевскій 14,7; Черкасскій, Староконстантиновскій, Ушицкій и Летичевскій по 14,5; Гайсинскій, Чигиринскій, Владимірволынскій и Липовецкій по 14,4 — 14,1; Балтскій и Васильковскій по 13,6; Литинскій, Проскуровскій, Ямпольскій, Кременецкій, Сквирскій и Уманскій по 13,5—13,0; Радомысльскій, Таращанскій, Могилевскій и Ольгопольскій 12,8—12,1; Ковельскій 10,5; и Овручскій 6,4%.

О степени грамотности населенія по возрастамъ можно судить изъ нижеприведенныхъ данныхъ:

Возрасты.	Въ процентахъ къ общему колич. населен.					
	Кіевской губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	5,0	2,3	5,2	2,3	4,3	1,8
10—19 »	42,1	14,0	35,8	14,8	38,5	12,7
20—29 »	43,4	13,7	38,2	14,4	37,6	10,8
30—39 »	37,8	10,5	32,7	12,3	30,0	7,4
40—49 »	32,5	8,4	28,5	10,8	27,2	6,3
50—59 »	23,5	7,5	22,7	10,2	19,8	5,4
60 л. и выше	18,0	6,9	19,5	10,4	14,3	5,2

Отсюда видно, что по развитію грамотности женскій полъ отстаетъ отъ мужскаго во всѣхъ возрастахъ безъ исключенія. У обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ параллельно съ повышеніемъ возраста, при чемъ наибольшей высоты % грамотныхъ достигаетъ въ возрастѣ 20—29 л., у мужчинъ и 10—19 л. у женщинъ, что вѣроятно можно объяснить тѣмъ, что склонность населенія къ обученію женщинъ грамотѣ развилась лишь въ послѣднее время.

Тѣ же данныя относительно городского населенія выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу населенія городовъ Кіевск. губ. м.	ж.	Волынск. губ. м.	ж.	Подольск. губ м.	ж.
1—9 л.	14,8	11,3	12,2	9.0	9,5	6,8
10—19 —	70,3	48,4	60,9	42,2	53,0	33,0
20—29 —	67,2	47,2	59,7	42,6	58,5	34,2
30—39 —	67,7	41,2	64,3	37,2	57	25,9
40—49 —	63,4	33,9	62,0	32,0	53	20,7
50—59 —	59,0	29,8	56,7	28,4	44,5	17,8
60 л. и выше	45,3	27,5	50,1	27,7	41,3	17,6

Здѣсь также у обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ съ повышеніемъ возраста, при чемъ въ Кіевской и Волынской губ. наивысшаго размѣра процентъ этотъ достигаетъ въ группѣ возраста 10—19 л., а въ Подольской—20—29 л.

Данныя о грамотности по возрастамъ среди сельскаго населенія приведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу сельскаго населенія Кіевск. губ. м.	ж.	Волынск. губ. м.	ж.	Подольск. губ. м.	ж.
1—9 л.	3,3	1,4	4,8	1,4	3,9	1,5
10—19 —	38,3	9,3	33,9	12,5	37,4	11,2
20—29 —	35,6	8,0	33,8	12,1	34,3	9,0
30—39 —	32,5	5,7	30,1	10,4	28,0	6,0
40—49 —	27,8	4,6	26,0	8,6	27,4	5,3
50—59 —	18,6	3,9	16,9	8,7	17,7	4,4
60 л. и болѣе	13,7	3,5	29,0	9,4	12,4	4,1

Тѣ же явленія пониженія процента грамотныхъ съ повышеніемъ возраста (не считая дѣтскаго, какъ и выше) замѣчаются и здѣсь. Разница между % грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, вообще очень значительная во всѣхъ возрастахъ, особенной высоты достигаетъ въ возрастахъ 30—49 и частію 50—59 лѣтъ.

Степень грамотности по національностямъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	% грамотныхъ къ общ. числу лицъ даннаго племени			
	Кіевск. губ.	Волынск. губ.	Подол. губ.	Итого по кр.
Малороссы	10,4	9,26	10,4	10,8
Евреи	35,0	33,0	33,7	34,0
Великороссы	56,1	37,0	44,5	54,0
Поляки	52,0	25,5	29,5	43,0
Нѣмцы	51,8	37,8	72,0	39,5
Чехи	68,0	59,0	59,5	61,0
Бѣлорусы	39,5	25,9	48,0	36,0

Изъ этой таблички ясно, что въ среднемъ выводѣ для всего края (а также и для отдѣльныхъ губерній) наибольшимъ развитіемъ грамотности отличаются чехи, а затѣмъ великороссы, значительная часть которыхъ, какъ видно изъ предыдущаго положенія, представляютъ собою жителей городовъ. Слѣдующее затѣмъ мѣсто по развитію грамотности принадлежитъ полякамъ и нѣмцамъ, съ нѣкоторыми впрочемъ отступленіями въ ту или другую сторону по отдѣльнымъ губерніямъ,—отступленіями, частію зависящими отъ малочисленности племенныхъ группъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]). Пятое мѣсто въ краѣ по распространенности грамотности занимаютъ евреи, если не считать очень малочисленную во всѣхъ трехъ губерніяхъ этнографическую группу бѣлорусовъ, значительная часть которыхъ, какъ выяснилось, тоже живетъ въ городахъ. Послѣднее же мѣсто—и при томъ выдающееся по крайне слабому развитію грамотности—занимаетъ представляющее глав-

[1]) Напр., въ Под. губ. всѣхъ нѣмцевъ 4069 чел., тогда какъ въ Вол. губ. свыше 17000.

ную массу нашего сельскаго населенія многочисленнѣйшее въ краѣ племя малороссовъ, малограмотность котораго оказываетъ вліяніе и на общее пониженіе процента грамотности по краю (всего только 17,3%).

Изъ всего этого видно, что дѣло народнаго образованія въ краѣ стоитъ—въ особенности среди мѣстнаго сельскаго, по преимуществу малорусскаго населенія—на весьма низкой степени развитія, чѣмъ и обусловливается, конечно, крайняя необходимость широкихъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію грамотности въ краѣ.

Судить о томъ, на сколько развита грамотность у разныхъ этнографическихъ группъ у мужчинъ и у женщинъ, можно изъ слѣдующихъ данныхъ:

% грамотныхъ къ общ. числу лицъ дан. плем. и пола

	Кіевск. губ.		Вол. губ.		Под. губ.		Въ средн. по краю.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Малороссы	21,0	2,1	16,6	2,3	18,4	3,1	18,7	2,5
Евреи	47,5	23,5	44,5	21,5	46,5	21,6	48,0	22,3
Великороссы	61,5	41,5	54,1	35,4	53,0	33,5	57,0	38,0
Поляки	55.0	46,1	30,0	25,9	48,0	42,0	39,2	34.3
Нѣмцы	53,5	51,0	40,1	38,5	71,7	70,0	42,0	40,5
Чехи	70,0	65,0	64,5	55,0	69,0	47,0	64,0	55,0
Бѣлорусы	44,9	28,5	34,6	17,5	57,0	25,6	42,5	2,4

Пользуязь приведенными въ табличкѣ процентами, надо не упускать изъ виду указанную выше немногочисленность этнографическихъ группъ: нѣмцевъ и чеховъ въ Подольск. и Кіевск. губ. и бѣлорусовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ—чтобы имѣть въ виду, что относящіяся къ нимъ процентныя величины могутъ въ извѣстной мѣрѣ считаться случайными. Останавливаясь поэтому главнымъ образомъ на остальныхъ этнографическихъ группахъ, необходимо прежде всего указать на то, что малороссійская (къ которой, повторяемъ, принадлежитъ по преимуществу сельское населеніе) отличается слабѣйшимъ развитіемъ грамотности у

обоихъ половъ, при чемъ грамотность мужчинъ въ 6—10 разъ превышаетъ все-таки грамотность женщинъ. Наиболѣе близка грамотность женщинъ къ грамотности мужчинъ у нѣмцевъ и чеховъ, затѣмъ у поляковъ и великороссовъ (изъ нихъ, какъ извѣстно, много городскихъ жителей); грамотность женщинъ у евреевъ, въ общемъ, вдвое ниже, чѣмъ у мужчинъ. Наивысшаго развитія грамотность мужчинъ достигаетъ у чеховъ, затѣмъ у великороссовъ. Первое же мѣсто по грамотности женщинъ принадлежитъ чехамъ и нѣмцамъ.

Обращаясь къ даннымъ относительно развитія грамотности среди главнѣйшихъ вѣроисповѣдныхъ группъ въ краѣ, необходимо прежде всего оттѣнить разницу въ степени распространенности грамотности между православными и единовѣрцами—съ одной стороны, и старообрядцами и уклоняющимися отъ православія—съ другой.

% грамотныхъ.

	Кiев губ.		Вол. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Правосл. и единов.	23,7	5,3	19,3	3,8	20,2	4,0
Старов. и уклоняющ.	38,6	12,0	22,6	3,8	22,4	2,3

Изъ этой таблички видно, что старообрядцы и уклоняющiеся, въ общемъ болѣе грамотны, чѣмъ православные и единовѣрцы.

Что касается развитія грамотности у другихъ вѣроисповѣдныхъ группъ, то судить о немъ можно по нижеслѣдующимъ даннымъ:

% грамотныхъ.

	Кiев. губ.		Волын. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
римско-катол.	44,7	37,7	25,3	20,3	24,3	16,4
протест. всѣхъ наименованiй	95,0	52,0	40,3	36,1	73,1	71,4
iудеи	48,0	23,8	44,7	21,7	41,3	21,7

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что наивысшимъ развитіемъ грамотности обладаютъ протестанты, у которыхъ высока и грамотность женщинъ, значительно при томъ менѣе отличающаяся у нихъ отъ грамотности мужчинъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣдныхъ группахъ. При всемъ этомъ грамотность вѣроисповѣдныхъ группъ, помѣщенныхъ въ только что приведенной таблицѣ, значительно выше грамотности вѣроисповѣдныхъ группъ предшествовавшей таблички (православныхъ, старовѣровъ и пр.)

О степени развитія грамотности въ предѣлахъ отдѣльныхъ сословій можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	Двор. пот. и личн.	Лица дух. зв. хр. исповѣд.	Поч. граж., куп. мѣщ. и др. гор. сос.	Лица сел. сосл. (кр., каз., иностр. посел. и т. п.)	Иностранные подданные.	Итогъ по краю (всѣ сословія).
% грам. къ общ. колич. лицъ въ сословіи.	70,0	74,0	31,5	11,8	38,0	17,3

Такимъ образомъ наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается духовное сословіе (74%), а за нимъ дворянское [1]); третье мѣсто по грамотности занимаютъ иностранные подданные и предпослѣднее—лица «городскихъ сословій»: почетные граждане, купцы, мѣщане и т. п. Но несмотря на это, грамотность этой предпослѣдней группы все-таки почти вдвое выше средней по краю (17,3%) и почти втрое выше грамотности сельскихъ сословій, безграмотность которыхъ при ихъ многочисленности и оказываетъ свое понижающее вліяніе на цифру процента грамотныхъ по краю.

Эти цифры грамотныхъ слагаются изъ слѣдующихъ:

---

[1]) Въ эту группу включены въ итогахъ переписи дворяне пот. и личные, чиновники не изъ дворянъ и ихъ семьи.

СОСЛОВІЯ.	% къ общему количеству грамотныхъ даннаго состоянія и пола.														
	% всѣхъ грамотныхъ.		всѣхъ съ образов. выше начальнаго.		учившихся въ унив.		учившихся въ высш. спец. учеб. завед.		учившихся въ средн. специальн. учебн. зав.		учивш. въ средн. уч. завед.		учившихся въ высш. воен. уч. завед.	въ средн. воен. уч. завед.
	м.	ж.	м.	ж	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	м.
Двор. и пр.[1])	72,0	68,5	55,4	25,3	12,0	0,4	2,0	0,04	3,5	0,4	27,5	24,5	0,4	10,0
Духовные	80,5	68,0	62,5	29,0	2,8	—[2])	—	—	0,7	—	59,0	28.6	—	—
Город. сосл.	42,0	21,5	3,6	2,8	0,4	—	0,05	—	0,5	0,01	2,6	2,7	—	0,05
Сельск. сосл.	20,0	3,2	0,5	1,0	—	—	—	—	0,1	—	0,3	0,8	—	—
Иностр. поддан.	40,0	35,5	13,2	7,2	2,7	0,1	0,6	—	1,4	0,4	8,5	6,7	—	—
Средній выводъ изъ данныхъ по этимъ 5 сослов. группамъ.	25,0	8,0	4,9	6.1	0,7	—	0,1	—	0,4	—	3,2	6,1	—	0,4

[1]) Заголовки предыд. таблицы.

[2]) Черточкой обозначены величины менѣе 0,01.

Ясно, что рядомъ съ одинаковымъ процентомъ грамотныхъ среди женщинъ изъ дворянъ и женщинъ изъ духовнаго вѣдомства, духовные отличаются наиболѣе высокимъ развитіемъ грамотности,— именно у мужчинъ. При наиболѣе видномъ процентѣ[1]) получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ у духовнаго сословія (и у мужчинъ и у женщинъ), у нихъ сравнительно малъ процентъ лицъ, окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, который наиболѣе великъ, наоборотъ, именно у дворянъ. Надо замѣтить кстати, что дворяне отличаются также и высшимъ процентомъ окончившихъ среднія военныя учебныя заведенія. Что же касается вообще окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то послѣ дворянъ наибольшій процентъ ихъ даютъ иностранные подданные и затѣмъ духовное сословіе. По распространенности средняго образованія слѣдующее мѣсто послѣ духовенства и дворянъ занимаютъ иностранные подданные, а затѣмъ городскія сословія, занимающіе такимъ образомъ четвертое (въ ряду указанныхъ сословныхъ группъ) мѣсто и по проценту лицъ имѣющихъ образованіе выше начальнаго. Послѣднее мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ сельскому сословію и въ немъ въ особенности женскому полу. Въ общемъ же итогѣ для всѣхъ названныхъ сословныхъ группъ (при условіи, что % грамотныхъ женщинъ значительно менѣе % грамотныхъ мужчинъ), въ числѣ грамотныхъ женщинъ получившихъ среднее образованіе вдвое больше, чѣмъ у мужчинъ. Но у обоихъ половъ процентъ лицъ, какъ получившихъ образованіе высшее, такъ и получившихъ образованіе среднее, чрезвычайно малъ, что опять указываетъ на слабое развитіе образованія въ населеніи края.

Надо признать вполнѣ естественнымъ, что при огромномъ преобладаніи русскаго элемента среди населенія края, грамотность на русскомъ языкѣ довольно развита и среди лицъ другихъ національностей. Изъ данныхъ переписи дѣйствительно видно, что у поляковъ, напр., лица грамотныя по-русски превышаютъ число

[1]) Къ общему числу грамотныхъ у нихъ.

лицъ грамотныхъ не по-русски, т. е. на другихъ только языкахъ (преимущественно на польскомъ?). То же явленіе наблюдается и у чеховъ и у евреевъ. Нѣмцы же Волынской и Подольской губ. усвоили русскую грамоту менѣе другихъ національностей, благодаря чему грамотные не по-русски у нихъ численно преобладаютъ надъ грамотными по-русски. Интересно также, что и у поляковъ и у нѣмцевъ въ числѣ грамотныхъ не по-русски женщины численно преобладаютъ надъ мужчинами.

Переходя къ даннымъ о промысловыхъ занятіяхъ населенія, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о степени точности этихъ данныхъ. Точная регистрація промысловыхъ занятій населенія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ подворной переписи даже въ земской статистикѣ, гдѣ это дѣло ведется людьми, обыкновенно вполнѣ подготовленными къ этой работѣ, интересующимися и преданными дѣлу. Не то при данныхъ условіяхъ, когда перепись производилась людьми неопытными и случайными, подъ руководствомъ людей, тоже не обладающихъ достаточнымъ опытомъ и знаніемъ дѣла, имъ порученнаго. Тутъ неточности данныхъ о промыслахъ должны, конечно, значительно усугубиться. Главную трудность правильнаго учета промышленниковъ составляетъ отношеніе самаго населенія къ этому вопросу. Во первыхъ, вопросъ о занятіяхъ обыкновенно вселяетъ въ опрашиваемыхъ подозрѣніе относительно дѣйствительныхъ цѣлей производимыхъ разспросовъ,—подозрѣніе въ томъ, что разспросы о занятіяхъ ведутся съ фискальными цѣлями, для какого-нибудь налога на промыслы. Это, конечно, побуждаетъ многихъ скрывать или по меньшей мѣрѣ умалчивать значеніе занятій, дающихъ имъ тѣ или иныя средства къ существованію. Во вторыхъ, многое зависитъ тутъ и отъ точки зрѣнія самого населенія на то или иное изъ своихъ занятій. Когда промыселъ осуществляется лишь въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени года, когда онъ маловыгоденъ, приноситъ лишь весьма небольшіе доходы, когда онъ является только нѣкоторымъ подспорьемъ къ какому

либо другому основному занятію (напр., къ земледѣлію) и т. п., многіе искренне не считаютъ его «промысломъ», не придаютъ значенія и умалчиваютъ о его существованіи. Стереотипные отвѣты въ родѣ «какіе наши промыслы: *только званье одно*... «*съ хлѣба на квасъ—вотъ и толку всего, а тоже промысломъ называется!*»... наилучше всего характеризуетъ отношеніе къ такимъ промысловымъ занятіямъ самого населенія. А при такомъ отношеніи, какъ само собою понятно, учетъ занятій населенія долженъ представить большія трудности даже для людей опытныхъ, искренно интересующихся полученіемъ точныхъ данныхъ, знающихъ народъ, умѣющихъ понимать и говорить съ нимъ.

Таковы причины, обусловливающія трудность точнаго учета знаній населенія и дающія несомнѣнное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ учетъ въ особенности долженъ страдать неточностью и неполнотою, т. е. что перепись 1897 г. установила меньшее число лицъ и хозяйствъ «занятыхъ въ томъ или иномъ промыслѣ», чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Этими же недостатками должно отличаться и устанавливаемое переписными таблицами раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ ихъ семей, въ виду трудности установленія въ отдѣльныхъ случаяхъ разницы между самостоятельно и несамостоятельно трудящимися въ томъ или иномъ промыслѣ. Кромѣ того и самое это «раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ семей», по признанію предисловія къ т. XXXII «Подольская губернія» «не даетъ полной численности дѣйствительно занятыхъ лицъ въ томъ или иномъ промыслѣ» и т. п.

Все это и надобно имѣть въ виду при пользованіи цифрами переписи, принимая ихъ какъ неисчерпывающія дѣйствительности [1]).

Въ дополненіе къ сказанному, прежде чѣмъ приступить къ изложенію выводовъ даннаго отдѣла относительно юго-западнаго

---

[1]) Само собою разумѣется, что безъ новой переписи опредѣлить предѣлы сдѣланныхъ ошибокъ и выяснить точныя дѣйствительныя цифры невозможно.

края, нелишне будетъ указать на тѣ трудности, съ которыми была сопряжена сводка цифръ о занятіяхъ по тремъ губерніямъ для настоящей статьи.

Дѣло въ томъ, что каждый томъ, составляющій сводъ переписныхъ данныхъ по отдѣльной губерніи (т. VIII Волынская г., т. XVI Кіевская и т. XXXII Подольская), состоитъ изъ таблицъ (составленныхъ по одинаковымъ формамъ) и текста, въ которомъ приводится «краткій обзоръ цифровыхъ данныхъ по губерніи». Въ «обзорахъ» цифры таблицъ подъитожены въ различныхъ комбинаціяхъ такимъ образомъ, чтобы дать читателю возможность, не прибѣгая къ таблицамъ, составить необходимое представленіе о главнѣйшихъ выводахъ изъ собранныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, пользуясь этими «краткими обзорами» и сводя приведенныя въ нихъ и одинаково скомбинированныя цифры по разнымъ губерніямъ въ одинъ общій итогъ, казалось бы легко можно было бы составить и «краткій обзоръ» для трехъ губерній юго-западнаго края, не прибѣгая къ необходимости спеціальныхъ подсчетовъ по таблицамъ. Но, къ большому сожалѣнію, краткіе обзоры по разнымъ губерніямъ составлены почему то не по одинаковымъ программамъ и съ далеко неодинаковою подробностью. Это устраняетъ возможность по однимъ обзорамъ, не пользуясь таблицами, ознакомиться въ одинаковой подробности съ главнѣйшими выводами изъ данныхъ переписи и вынуждаетъ каждаго составителя печатанныхъ обзоровъ (по нѣсколькимъ губерніямъ) прибѣгать для этого къ сложнымъ спеціальнымъ подсчетамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ то время какъ «краткій обзоръ» по Волынской губ. составленъ (г. Паткановымъ) сравнительно очень обстоятельно, такіе же обзоры по Кіевской (г. Львова) и Подольской губ. (г. Бечаснова) написаны чрезвычайно сжато и далеко не исчерпываютъ программы обзора г. Патканова. Помимо разницы въ степени подробности, и самыя цифры «обзоровъ» по разнымъ вопросамъ сгруппированы нерѣдко въ различныхъ комбинаціяхъ, что не даетъ возможности сравнивать ихъ между собою. Явленія эти замѣчаются вообще по всѣмъ отдѣламъ переписныхъ данныхъ. Но особенная разница въ сводкѣ перепис-

ныхъ цифръ замѣчается въ этихъ обзорахъ относительно занятій населенія. По Подольской губ. сводка данныхъ этого интереснаго отдѣла выдѣляется своей краткостью, а по Кіевской она, вульгарно выражаясь, короче куринаго носа[1]), въ то время какъ по Волынской занимаетъ нѣсколько страницъ текста. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на всю подробность послѣдней сводки и разнообразіе приведенныхъ въ ней цифровыхъ комбинацій, въ ней не оказалось именно тѣхъ изъ нихъ, которыя сдѣланы авторами обзоровъ по двумъ другимъ губерніямъ.

Все это, конечно, составляетъ крупный недочетъ названныхъ изданій. Въ данномъ же случаѣ обстоятельство это имѣло то значеніе, что вынудило меня произвести по названному отдѣлу много спеціальныхъ подсчетовъ для цѣлей настоящей статьи и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить разборъ цифръ этого отдѣла до возможныхъ предѣловъ, не исчерпывая даже комбинацій обзора Волынской губ., такъ какъ это повело бы къ слишкомъ большой затратѣ времени.

Данная работа усложнилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ группировкахъ промысловыхъ занятій по Подольской и Кіевской губ., примѣняясь къ которымъ (ради сокращенія подсчетныхъ работъ) пришлось произвести и подсчетъ однородныхъ данныхъ по Волынской губ., допущенъ, какъ выяснилось уже послѣ производства подсчетовъ по ней, недосмотръ, вынудившій затѣмъ произвести въ нѣкоторыхъ частяхъ пересчеты тѣхъ же данныхъ наново по всѣмъ тремъ губерніямъ. Дѣло въ томъ, что при комбинаціи занятій по группамъ всегда найдутся такія занятія, которыя могутъ быть, по усмотрѣнію, отнесены къ той или иной изъ намѣченныхъ группъ, между тѣмъ ни въ предисловіяхъ къ описаніямъ губерній, ни въ краткихъ обзорахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній относительно того, какіе именно виды занятій отнесены къ намѣченнымъ составителями группировкамъ. Въ данномъ случаѣ группировки занятій, намѣченныхъ составителями

---

[1]) Всего 16 строчекъ печати.

обзоровъ по Подольской и Кіевской губ., имѣли въ виду слѣдующее распредѣленіе занятій: 1) «непромысловыя», 2) «земледѣліе и добывающая промышленность», 3) «обрабатывающая промышленность», 4) «торговля и средства передвиженія» и 5) «остальныя». Недочетъ этой группировки по двумъ губерніямъ (отсутствующій въ сходной группировкѣ по Волынской г.) заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ группу «остальныхъ» отнесено было вообще слишкомъ много разнообразныхъ занятій, которыя правильнѣе было бы обособить въ отдѣльныя группы, и въ томъ числѣ занятія общественною, сословною и административною службой, свободныя профессіи, учебная и медицинская дѣятельность, а также и «вооруженныя силы». Поэтому послѣднія, т. е. «вооруженныя силы», я совершенно выдѣлилъ при новыхъ разсчетахъ изъ счета промысловыхъ занятій, первыя же выдѣлилъ въ особую группу интелигентныхъ занятій[1]). Иначе приведенная группировка была бы слишкомъ груба и очень недостаточно группировала бы населеніе по профессіямъ. (Эта то необходимость перегруппировки занятій, какъ само собою понятно, и повела къ пересчету части промысловыхъ данныхъ наново по всѣмъ тремъ губерніямъ).

Здѣсь, заговоривъ о группировкахъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивая рѣчь о недочетахъ отдѣла о промыслахъ, нелишнимъ считаю указать на тотъ порядокъ, въ какомъ подсчитаны всѣ занятія населенія въ основныхъ таблицахъ. Промыслы распредѣлены здѣсь не по степени ихъ значенія и распространенности и не по главнѣйшимъ (только что указаннымъ выше) группамъ, намѣченнымъ затѣмъ въ обзорахъ (такъ какъ промыслы разныхъ группъ отчасти перепутаны въ таблицахъ между собою)

---

[1]) При этомъ, благодаря тому, что въ таблицахъ поденщина и прислуга неправильно соединены вездѣ съ «дѣятельностью и службой частною» (которая въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть отнесена къ интеллигентнымъ занятіямъ), эту группу занятій пришлось оставить въ «остальныхъ» въ силу невозможности разъединенія въ нихъ интеллигентнаго труда отъ простой работы.

и даже не просто по алфавиту названій отдѣльныхъ занятій, а до извѣстной степени случайно. Но не случайнымъ, конечно, является для такого бюрократическаго учрежденія, какъ центральный статистическій комитетъ, отнесеніе во главу всѣхъ занятій населенія подъ *первымъ* нумеромъ весьма немногочисленной, сравнительно, группы лицъ, служащихъ по «*администраціи, суду и полиціи*»!.. Надо сказать кстати по поводу тѣхъ же основныхъ таблицъ, что въ нихъ замѣчены и нѣкоторые, вызывающіе недоумѣніе, пропуски. Такъ, по Кіевской губ., въ таблицѣ XXII совершенно отсутствуютъ данныя о промыслѣ «№ 23, выплавка металловъ», тогда какъ онъ существуетъ въ губерніи и не дальше какъ въ таблицѣ XXI данныя о немъ проведены по всѣмъ многочисленнымъ графамъ ея.

Окончивъ съ краткой характеристикой отдѣла о промыслахъ, по скольку недочеты его могли повліять на вытекающіе изъ его цифръ выводы, перехожу къ этимъ послѣднимъ:

Группы занятій:	На 100 душъ обоего пола приходится		% населенія кормящагося отъ занятія.
	Лицъ самостоятельно трудящихся.	Остальныхъ членовъ семьи	
I Землѣдѣліе и добывающая пром.	20	80	74,4
II Обрабатывающая пром.	32,5	67,5	8,5
III Торговля и средства передвижен.	26,0	74,0	7,8
IV Интеллигентн. занятія и своб. проф.	32,5	67,5	2
V Непромысловыя	60	40	1,8
VI Остальныя	51.5	48,5	5,5
Всѣ занятія	24,0	76,0	100,0

Таблица эта показываетъ, что свыше 74% [1]) всего населенія края кормится отъ земледѣлія и добывающей промышленности, что свидѣтельствуетъ о его земледѣльческомъ характерѣ. Второй по важности группой занятій является промышленность обрабатывающая, отъ которой живетъ 8½% населенія, и затѣмъ занятія торговлей и средствами передвиженія—7,8% населенія. Послѣднее по распространенности занятій мѣсто принадлежитъ интеллигентнымъ занятіямъ и свободнымъ профессіямъ (2%), а затѣмъ группѣ, не занимающейся никакими промыслами—всего 1,8%. Отдѣльныя губерніи края въ отношеніи этого распредѣленія ихъ населенія по названнымъ группамъ въ общемъ даютъ тѣ же соотношенія. Какъ на болѣе выдающіяся отличія, можно указать только на сравнительно меньшій процентъ населенія, кормящагося отъ земледѣлія въ Кіевской губ. (71,5% вмѣсто 76% въ Подольской и 76% же въ Волынской) и на сравнительно бóльшій въ ней процентъ населенія, кормящагося отъ обрабатывающей промышленности (9,5% при 8% въ Волынской губ. и 7,7% въ Подольской), а также—отъ торговли и средствъ передвиженія (8,3% при 7,3% въ Подольск. губ. и 6,6% въ Волынской губ.).

Обращаясь къ той же таблицѣ (вертикальныя графы 1 и 2-ая), необходимо прежде всего отмѣтить, что въ среднемъ по краю изъ 100 душъ жителей на 24 самостоятельно работающихъ приходится 75 членовъ ихъ семей. Какъ видно изъ таблицы, на этотъ итогъ по краю оказываютъ наибольшее вліяніе цифры, относящіяся къ группѣ занятій: «земледѣліе и добывающая промышленность», какъ безусловно и значительно преобладающія по величинѣ. Въ ней именно, какъ разъ, это соотношеніе наиболѣе рѣзко: на 20 человѣкъ самостоятельно трудящихся тамъ приходится 80 членовъ ихъ семей. Объясненіемъ такой значительной разницы цифръ въ этой группѣ занятій служитъ то указанное въ самихъ же трудахъ по переписи обстоятельство, что у нашего

[1]) См. третью вертикальную строку только что приведенной таблички.

крестьянства неотдѣлившіеся взрослые сыновья еще не считаются самостоятельными въ своемъ занятіи (какъ то имѣетъ мѣсто въ другихъ видахъ занятій), и потому они оказались зачисленными въ составъ семей. Наиболѣе близкія цифры къ только что указанной нормѣ даетъ занятіе торговлей и средствами передвиженія (на 26 самостоятельно трудящихся 74 членовъ семей). У непромысловыхъ (живущихъ доходами отъ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, средствами отъ родныхъ, отъ казны, обществен. учрежденій и частныхъ лицъ, а также небольшой группы лицъ лишенныхъ свободы и отбывающихъ наказаніе) отношеніе это совершенно обратное, такъ какъ на 60 самостоятельныхъ лицъ въ нихъ приходится 50 членовъ семей, такъ же какъ въ группѣ «остальныхъ занятій» (низшіе служащіе при церквахъ, кладбищахъ и т. п., прислуга, поденщики, дѣятельность и служба частная[1]), занятія, касающіяся чистоты и гигіены тѣла, проститутки, лица неопредѣленныхъ занятій и неуказавшія ихъ и лица непричисленныя къ предыдущимъ группамъ занятій), гдѣ это отношеніе опредѣляется цифрами 51,5 на 48,5.

Таковы соотношенія этихъ цифръ въ итогѣ для всего края. По отдѣльнымъ губерніямъ онѣ нѣсколько видоизмѣняются. Прежде всего надо указать, что въ итогахъ для Подольской (24,5 на 75,5) и въ особенности для Кіевской губ. (25,8 на 74,2) отношеніе между числомъ самостоятельно трудящихся и питающихся около нихъ членами семей болѣе благопріятно, чѣмъ въ Волынской губ., гдѣ на 22,8 самостоятельно трудящихся приходится 77,2 членовъ ихъ семей. Наибольшее вліяніе на эту разницу между итогами по губерніямъ оказываетъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, наиболѣе многочисленная группа занимающихся земледѣліемъ и добывающею промышленностью, такъ какъ именно въ ней по Волынской губ. на 18,5 самостоятельно трудящихся приходится 81,5 членовъ семей, тогда какъ въ остальныхъ двухъ губерніяхъ эти цифры равны: 20 на 80 въ Кіевской губ. и 20,5 на 79,5 въ Подольской. Въ общемъ же соотношенія вышеуказанныхъ цифръ

[1]) О причинахъ включенія ихъ сюда сказано выше.

въ остальныхъ изъ болѣе крупныхъ группъ занятій (II и III) по Волынской и Подольской губ. въ одно и тоже время и близки къ среднимъ по краю, и сходны между собою; цифры же по Кiевской губ. и не такъ сходны съ таковыми же по остальнымъ двумъ губерніямъ, и не такъ близки къ вышеприведеннымъ среднимъ по краю, что видно изъ нижеприведенной таблицы (и на что оказываютъ вліяніе цифры, относящіяся къ г. Кіеву, гдѣ во II группѣ занятій % самостоятельно трудящихся 52, а въ III—45):

Группы занятій:	Кiевская		Волынск.		Подольск.		Весь край.	
	на 100 душъ обоего пола.							
	Трудящих. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.
I Земл. и доб. пром.	20	80	18,5	81,5	20,5	79,5	20	80
II Обраб. промышл.	35	65	31	69	31	69	32,5	67,5
III Торг. и ср. передв.	28,5	71,5	24,5	75,5	24,5	75,5	26	74
IV Инт. зан. и св. пр.	30	70	32,5	67,5	35	65	32,5	67,5
V Непромысловыя.	59	41	66	34	50	50	60	40
VI Остальныя.	55	45	48	52	49	51	51,5	48,5
Всѣ занятія	25,8	74,2	22,8	77,2	24,5	75,5	24,5	75,5

Что касается размѣровъ участія обоихъ половъ въ самостоятельной работѣ по различнымъ занятіямъ, то процентъ самостоятельно работающихъ женщинъ въ общемъ незначителенъ (въ среднемъ на 21 самостоятельно трудящихся мужчинъ 5 таковыхъ же женщинъ) и только въ группахъ занятій: «остальныхъ» и «непромысловыхъ» процентъ самостоятельно трудящихся женщинъ болѣе или менѣе приближается къ таковому же проценту мужчинъ. Но такъ какъ обѣ эти группы незначительны по численности своей, то и оказывается въ итогѣ, что самостоятельный женскій трудъ всетаки развитъ слабо и главное его примѣненіе остается для домашняго хозяйства.

При разнообразіи состава мѣстнаго населенія, весьма интереснымъ является вопросъ о размѣрахъ сравнительнаго участія

отдѣльныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій. Размѣры этого участія видны изъ нижеприводимой таблицы, гдѣ указанъ % участія каждой народности въ соотвѣтствующихъ занятіяхъ (при чемъ выдѣлены въ особыя группы малороссы, великороссы и бѣлорусы, чего почему то не сдѣлано въ обзорѣ Подольской губ., гдѣ, вопреки характернымъ особенностямъ этихъ народностей, всѣ онѣ соединены въ одну группу подъ именемъ «русскихъ!»:

	Землед. и добыв. пр.	Обраб. пром.	Торг. и ср. пер.	Интел. зан. и своб. пр.	Непромысл.	Остальныя.	
Малороссы	90,0	3,6	0,9	0,7	0,5	4,3	100
Евреи	2,5	31,5	47,5	4,5	3,5	10,5	100
Великорос.	18,4	21,0	13,5	17,0	12,8	17,0	100
Поляки	50,9	13,8	5,8	3,3	6,5	20,6	100
Нѣмцы	82,4	8,1	1,2	1,4	1,3	5,6	100
Чехи	70,3	17,4	3,8	1,2	1,5	5,8	100
Бѣлоруссы	31,7	33,0	11,5	4,8	5,2	13,8	100

Эта табличка показываетъ, что малороссы заняты главнымъ образомъ земледѣліемъ и добывающею промышленностью, что и вполнѣ понятно въ земледѣльческомъ районѣ, гдѣ они составляютъ главную массу сельскаго населенія. Нѣмцы и чехи тоже по преимуществу живутъ этими же занятіями, также какъ и половина поляковъ, но всѣ эти три національности даютъ въ то же время и довольно значительные проценты занимающихся обрабатывающею промышленностью, а частію (кромѣ нѣмцевъ) торговлей и средствами передвиженія. Но наиболѣе высокій процентъ живущихъ отъ этого рода занятій (торговля, средства передвиженія и обрабатывающая промышленность) даютъ евреи, у которыхъ, наоборотъ, наиболѣе слабо развито земледѣліе. Евреи, вмѣстѣ съ поляками, бѣлорусами и въ особенности съ великороссами (все это, какъ мы видѣли, національности, составляющія значительный процентъ жителей городскихъ поселеній) даютъ и наибольшее, сравнительно, количество лицъ, кормящихся отъ интеллигентныхъ занятій (максимумъ у великороссовъ—17%), а также и наибольшій % непромысловыхъ.

Что касается уже затронутаго выше вопроса о соотношеніи между количествомъ самостоятельно работающихъ и числомъ ѣдоковъ (остальныхъ членовъ семьи), кормящихся отъ ихъ занятія, то у національностей, по преимуществу занимающихся земледѣліемъ (малороссы, чехи, нѣмцы), замѣчается наименьшій % самостоятельно трудящихсл къ общему число ѣдоковъ. Но выше уже было замѣчено относительно мѣстнаго крестьянства, что явленіе это объясняется тѣмъ, что въ его средѣ неотдѣленные сыновья, занимающіеся земледѣліемъ на семью, не считаются самостоятельными работниками; слѣдовательно, на цифры эти оказываетъ извѣстное вліяніе самая условность этого дѣленія (о которомъ въ текстѣ одного изъ обзоровъ приведена оговорка, что оно не имѣетъ исчерпывающаго характера). Надо думать, что та же причина вліяетъ на уменьшеніе % самостоятельно работающихъ (къ общему числу ѣдоковъ) также и у другихъ двухъ національностей, занимающихся преимущественно земледѣліемъ, т. е. у чеховъ и нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ предположеніе это подтверждается сопоставленіемъ у нихъ % самостоятельно работающихъ въ группѣ земледѣльческой съ таковыми же процентами въ группахъ неземледѣльческихъ.

Группы занятій:	Малороссы къ общему числу ѣдоковъ:		Нѣмцы къ общему числу ѣдоковъ:		Чехи къ общему числу ѣдоковъ:	
	% самост. раб.	% остальныхъ	% самост. раб.	% остальныхъ	% самост. раб.	% остальныхъ
Земледѣліе и добыв. пром.	20	80	20,1	79,9	33	67
Остальныя занятія:	46,7	53,3	44,5	55,5	44	56,

изъ которой видно, что дѣйствительно среди національностей, занимающихся главнымъ образомъ земледѣліемъ малый % самостоятельно работающихъ наблюдается только въ группѣ, занимающейся земледѣліемъ. Поэтому проведенное въ обзорахъ дѣ-

леніе это по отношенію къ земледѣльческой группѣ занятій является очень условнымъ и приблизительнымъ. Устранивъ же названную группу по этой причинѣ изъ разсмотрѣнія и примѣняя тотъ же пріемъ дѣленія населенія только къ остальнымъ группамъ занятій, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что самое невыгодное соотношеніе между числомъ самостоятельно работающихъ и количествомъ ѣдоковъ при нихъ имѣется у евреевъ (27,7%) [1]), что видно изъ слѣдующаго сопоставленія процентовъ самостоятельно трудящихся къ общему числу ѣдоковъ:

	Мал.	Евреи	Вел.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Бѣлор.	Въ средн. выводѣ
у всѣхъ группъ занятій кромѣ землед. и добыв. пром.:	46,5	27,7	51	42	42	42,5	68	37,5

Наиболѣе выгодное соотношеніе, какъ видно изъ этихъ же цифръ, наблюдается у бѣлорусовъ (68%) [2]) и великороссовъ (51%).

Ограничиваясь сводкой только этихъ главнѣйшихъ выводовъ изъ опубликованныхъ данныхъ переписи 1897 г., относящихся къ Юго-западному краю, необходимо оговориться, что самое статистическое изслѣдованіе 1897 г. носило исключительно демографическій характеръ и лишь въ дополненіе къ даннымъ по демографіи попутно собраны были краткія свѣдѣнія о занятіяхъ населенія. Изъ программы переписи 1897 г. совершенно были исключены данныя по экономикѣ населенія, и эта самая перепись послужила даже препятствіемъ къ производству спеціальнаго статистико-экономическаго изслѣдованія Юго-западнаго края въ періодъ генералъ-губернаторства графа А. П. Игнатьева, на что мною было уже указано въ статьѣ «Нужды статистики въ Юго-

[1]) Значительно ниже средняго (37,5) для всѣхъ національностей вмѣстѣ взятыхъ и каждой въ отдѣльности.

[2]) Что можетъ быть объясняется тою или иною случайностью, такъ какъ эта группа населенія въ краѣ весьма немногочисленна.

западномъ краѣ» [1]). Такимъ образомъ краткостью программы переписи 1897 г. опредѣляются и узкія рамки сдѣланной мною сводки выводовъ изъ переписныхъ данныхъ въ настоящей статьѣ. Съ другой стороны односторонность собранныхъ данныхъ (относящихся почти исключительно къ области демографіи) не даетъ возможности найти въ опубликованномъ переписномъ матеріалѣ объясненія нѣкоторыхъ полученныхъ выводовъ, которыя приходится поэтому только констатировать, не пытаясь ихъ объяснить. Надо замѣтить кстати, что хотя изслѣдованіе 1897 года и страдало, какъ сказано, односторонностью своей программы, тѣмъ не менѣе даже и то, что было собрано переписью, передъ опубликованіемъ подверглось значительнымъ сокращеніямъ. На производство переписи были, какъ извѣстно, ассигнованы спеціальныя и при томъ огромныя средства, размѣръ которыхъ предопредѣленъ былъ заранѣе составленной смѣтой. Но «Особое совѣщаніе, образованное по высочайшему повелѣнію, въ январѣ 1902 г., подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутр. дѣлъ, сенатора П. Н. Дурново, на которое, въ виду опредѣлившагося къ тому времени недостатка ассигнованныхъ на перепись суммъ, было возложено окончательное установленіе общаго плана дальнѣйшей разработки матеріаловъ первой всеобщей переписи населенія 1897 г. и опредѣленіе суммы необходимыхъ для сего расходовъ, нашло предположенную центральнымъ статистическимъ комитетомъ программу разработки *слишкомъ обширной* [2]) и признало необходимымъ съ цѣлью возможнаго сокращенія дальнѣйшихъ расходовъ, *значительно* [2]) ограничить ея рамки [3]).

Но несмотря на такія «значительныя» сокращенія, разработка и опубликованіе переписныхъ данныхъ значительно за-

---

[1]) «Кіевская Старина» 1898 № 11.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Предисловіе къ VIII т. переписи (по Волынск. губ.); тамъ же приведенъ и перечень произведенныхъ сокращеній программы разработки переписныхъ данныхъ.

поздали: данныя по 3 губерніямъ Юго-западнаго края опубликованы только во второй половинѣ 1904 года, слѣдовательно на седьмой только годъ послѣ производства переписи. Поэтому данныя эти и вытекающіе изъ нихъ выводы являются значительно устарѣвшими, что тоже нельзя упускать изъ виду какъ при пользованіи ими, такъ, конечно, и при чтеніи настоящей статьи.

Л. Личковъ.

Украиньски оповидання А. П. Стороженка

род. 1805, ум. 1874.

Историко-литературные отзывы о писателѣ. Біографія и литературные труды его. Повѣствовательные и описательные элементы; лиризмъ и юморъ автора. Историко-этнографическій характеръ повѣствованій. Марко Проклятый. Значеніе литературной дѣятельности Стороженка.

Въ очеркахъ исторіи малорусской литературы были попытки установить значеніе и отвести подобающее мѣсто малорусскимъ повѣствованіямъ А. П. Стороженка. Проф. Петровъ опредѣленно, но мало доказательно, утверждалъ, что всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней каррикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулакъ-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что темы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній. Проф. Дашкевичъ осторожно, но неопредѣленно, указалъ по поводу этого утвержденія, что не было ли бы удобнѣе выдѣлить нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ Н. В. Гоголя, Стороженка, Раевскаго, Свидницкаго, въ особую группу украинскихъ беллетристовъ-изобразителей народнаго быта и воспроизводителей народныхъ преданій и повѣрій? Проф. Огоновскій никакой новой точки зрѣнія на произведенія Стороженка не высказалъ,

несмотря на пространное изложеніе и подробную передачу содержанія ихъ. По его мнѣнію,—и фантастичности много, и исторической правды не мало: «Стороженко любовавъ ся въ романтызми и видтакъ прыкрашавъ фантастычными выдумкамы не тилько творы устнои словесности народнои, але иноди и подіи исторични... Все жъ таки зъ того фантастычного сяева вырынають справдешни запорожци, котрыхъ историчный образъ уважае ся подекуды идеализованнымъ тилько за-для фантастычнои декораціи». Огоновскій не согласенъ съ Петровымъ по поводу его оцѣнки этнографически-бытовыхъ повѣствованій, но ничего яснаго не даетъ, только взамѣнъ ея стороною дѣлаетъ намекъ на нѣкоторое сближеніе таланта Стороженка и Квитки-Основьяненка. Дѣйствительно, кое что сходно въ ихъ литературной физіономіи, но многое различно. Оба они владѣли малорусской народной рѣчью въ совершенствѣ, оба были мастерами въ веденіи разсказа, оба, кромѣ повѣстей и разсказовъ, обращались еще и къ драматической формѣ (мелодраматическія сцены Стороженка «Гаркуша»), но избѣгали размѣренной стихотворной рѣчи, наконецъ, оба оставили послѣ себя нѣсколько произведеній, полныхъ настоящаго южно-русскаго юмора. Но далѣе сходство двухъ малорусскихъ писателей не идетъ, и занимаютъ они въ исторіи малорусской литературы мѣста весьма различныя: Квитка—одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ натурализма въ малорусской (отчасти и великорусской) литературѣ, одинъ изъ первыхъ писателей-народниковъ въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова, онъ же — создатель малорусской, такъ называемой, «прозы»; Стороженко — временный и до извѣстной степени случайный гость въ малорусской литературѣ, талантливый и сильный разсказчикъ — и ничего больше. Въ этомъ, мы надѣемся, можно убѣдиться изъ самаго краткаго обзора его жизни и литературной дѣятельности.

Прежде всего мы должны помнить, что Стороженко, съ одной стороны, малорусскій писатель (произведенія его на великорусскомъ языкѣ весьма малоцѣнны), а съ другой — представитель крайней бюрократіи, настоящій «государственный чиновникъ». Происхожденіемъ онъ былъ изъ козацкаго рода (подъ 1610 г.

упоминается его предокъ, какъ «полковникъ войскъ запорожскихъ»). Родился А. П. въ Полтавской губерніи ровно сто лѣтъ назадъ; установить точнѣе дату его рожденія мы никакъ не могли: вѣрнѣе всего, что онъ родился 17-го марта, когда, по старинному обычаю, и праздновалъ свои именины. Воспитанный въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, Стороженко съ 1823 по 1831 г. проходилъ военную службу, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, усмирялъ польское возстаніе, а потомъ перешелъ на гражданскую службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Кіевск. Генер. Губернат., извѣстномъ Д. Г. Бибиковѣ, а затѣмъ—при немъ же, какъ министрѣ внутр. дѣлъ. Въ 1863 г. мы застаемъ его въ томъ же положеніи при М. Н. Муравьевѣ въ сѣверо-западномъ краѣ. Онъ, между прочимъ, обладалъ большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ, хотя не былъ слѣдователемъ по служебной профессіи, но къ данному его таланту ген. Бибиковъ обращался иногда въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Въ концѣ 60-хъ гг. Стороженко жилъ въ своей усадьбѣ «Горишинъ» около гор. Бреста Литовскаго, состоя уѣзднымъ брестскимъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, т. е. находился въ рядахъ обрусителей-чиновниковъ, осѣвшихъ въ западномъ краѣ послѣ возстанія. Тамъ же онъ и умеръ 7 ноября 1874 г. и похороненъ. Отмѣтимъ, что это былъ упорный и безусловный врагъ поляковъ, которые рисовались ему и въ исторіи, и въ современномъ быту исключительно своевольными шляхтичами. Рвеніе его по службѣ въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ иногда выходило даже за предѣлы правительственныхъ намѣреній: такъ, когда онъ служилъ въ западномъ краѣ, былъ поднятъ вопросъ о богослужебномъ языкѣ для католиковъ этого края, и Стороженко явился горячимъ защитникомъ введенія русскаго языка, но встрѣтилъ отпоръ во взглядахъ нѣкоторыхъ администраторовъ («Правда», 1875, VIII). Таковы немногія біографическія данныя, которыя извѣстны до сихъ поръ объ А. П. Стороженкѣ. Среди этой чиновничьей дѣятельности онъ отдавался отъ времени до времени литературной работѣ. Объемъ литературнаго матеріала, оставленнаго имъ, не

великъ. Въ 1863 г. вышло два томика его «Украинськихъ оповиданнь»—21 повѣствованіе. «Споминки про Ник. Коржа» и истор.-драматич. картины «Гаркуша»; въ 1879 напечатана поэма «Марко Проклятый»; кромѣ того, въ «Основѣ» же, гдѣ помѣщено и большинство разсказовъ двухтомнаго изданія, появились «Стехинъ Рогъ» (1861 г. № 1) и «Матусине Благословення» (1861 № 9); по великорусски напечатаны — «Братья Близнецы» («Библіотека для чтенія» 1857), «Сотникъ Петро Серпъ» (изъ XVII в.) 1858 г., переводы на великорусскій языкъ повѣстей Квитки «Свѣтлый праздникъ мертвецовъ», «Солдатскій портретъ» и «Козырь-дѣвка» (1860 — 1861 г.); остальныя печатныя произведенія и другія мелочи, помимо развѣ воспоминаній о Гоголѣ («Отеч. Зап.» 1859 г. № 4), не имѣютъ никакого значенія. Отсюда мы видимъ, что почти вся малорусская литературная дѣятельность А. П. Стороженка, кромѣ поэмы, относится къ неполнымъ двумъ годамъ, 1861-му и 1862-му, т. е., во-первыхъ, носила диллетантскій характеръ [1]), во-вторыхъ, поддерживалась въ немъ украинскимъ народническимъ настроеніемъ до польскаго возстанія, послѣ котораго сочинительства А. П., уже исключительно на общелитературномъ языкѣ, могли появляться только въ такихъ изданіяхъ, какъ пресловутый «Вѣстникъ Западной Россіи», и не имѣли никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Остановимъ свое вниманіе на художественной дѣятельности Стороженка и сдѣлаемъ обзоръ его украинскимъ оповиданнямъ, чтобы опредѣлить общія черты литературнаго творчества. Прежде всего мы должны отмѣтить, что онъ былъ необыкновеннымъ мастеромъ разсказа. Нѣкоторые разсказы А. П.—небольшіе пустяки, «приказки» анекдотическаго характера, передача народныхъ сказаній и бродячихъ разсказовъ. Таковы: «Се така баба, що чортъ їй на маховыхъ вылахъ чоботы оддавъ», «Вчы линывого не мо-

---

[1]) Диллетантомъ былъ онъ и въ другихъ проявленіяхъ своихъ поэтическихъ настроеній: Стороженко хорошо игралъ на віолончели: какъ скульпторъ, имѣлъ даже академическую медаль; какъ художникъ, извѣстенъ проектомъ памятника Нестору лѣтописцу.

лотомъ, а голодомъ», «Нехай лучче буде злый, чимъ дурный», «Скарбъ», «Чортова корчма», «Дурень», «Жонатый чортъ», «Два браты», «Стехинъ Рогъ» и др. Иногда искусство разсказа, выразительность и сила изложенія достигаетъ высокой степени. Наряду съ этимъ часто встрѣчаются необыкновенно сжатыя, сильныя и образныя описанія малорусской природы: почти каждая повѣсть, даже небольшой разсказъ, сопровождаются художественными описаніями большой яркости. Въ оповиданни «Закоханый чортъ» мы на первой же страницѣ читаемъ описаніе природы Слободской Украины:

Якъ перехопыся черезъ ричку Харькивъ... тутъ заразъ почынаетця оттой велыкый боръ, що высоки сосны ажъ хмару пидпырають. Оцежъ вамъ и Основа, де батько нашъ Квитка збывъ соби зъ своихъ повистей такый мицный човенъ, що до вику вичнёго буде плавать по плюгавій ричці Лети. (Далѣе слѣдуетъ сцена народнаго гулянья въ Основѣ). Пройхавши килька верстовъ боромъ, станешъ пидниматця на гору. Тутъ вже темна сосныва почына мишатця зъ дубомъ, лыпою, клыныною, уже стае густише, густише; дерево переплелось витами, якъ те волосся; оришныкъ, глодъ, шепшина позростались, стоять, якъ добра огорожа. Чимъ дальше йидешъ, тимъ краще врода: пишлы и долынкы зъ прогалынамы, якъ рута зеленымы, и яры зъ проваллямъ, що якъ глянешъ, то голова закрутытця. Мій Боже мылый, що за лисъ! Якого тутъ нема дерева! И высокыхъ, велычезныхъ, и старыхъ, скорченыхъ и похнюпыхъ, що вже вику свого дожывають. Инше, зламане хуртовыною и опалене блыскавкою, стоить соби край дороги, якъ чернець; тамъ трухлявый пень схылывсь, якъ той старець зъ торбою. Куды ни глянь—усе тебе чаруе, прывитае, усе тоби всмихаетця. Здаетця, сама ридна наша Украина выйшла тоби на зустричъ: то спогляне на тебе гарячимъ сонцемъ, то прытулытця пахучымъ холодкомъ изъ темного лису, то промовыть писнею, то озоветця соловейкомъ жайворонкомъ, то неначе граетця зъ тобою: затурчыть у вухо горлыцею, залоскоче тыхесенькымъ витерцемъ... Якъ одйидешъ одъ Харькова верстовъ двадцять, лисъ почына ридиты. Зъ высокои горы уже выдко село Мерехву, зъ церквамы, дзвиныцямы, садкамы и левадамы—геть-геть розкынулось по долыни. За селомъ блыщать течіи, затоки и озера

Мжи. Потекла вона у-ливо промижъ кущивъ верболозу и вильхи; а напроты гладко стелетця зъ могыламы шырокый степъ. Сывіе старенькый, якъ море, мріе, мріе, поки не зійдетця зъ небомъ, а небо зъ землею. Гуляйте очи, гуляйте думы, якъ колысь гуляло по сему степу вильне козацтво!

Въ повѣствованіяхъ и описаніяхъ Стороженко является не только мастерскимъ разсказчикомъ, но и глубокимъ лирикомъ. Многія страницы въ его оповиданняхъ проникнуты сильнымъ лиризмомъ, иногда нѣсколько искусственнымъ, чаще искреннимъ, мягкимъ, полнымъ грусти и печали. Прочтите, напримѣръ, разсказъ стараго гайдамаки въ одной изъ лучшихъ повѣстей «Киндратъ Бубненко Швыдкый» о прошломъ народномъ горѣ, которое выливается тяжелой, горячей, кровавой слезой въ народно-козацкихъ возстаніяхъ... Мы напомнимъ читателю одно только мѣсто изъ оповиданья «Прокипъ Ивановичъ». Тамъ два козака—Прокипъ и Грыцько Клюшныкъ—трогательно прощаются съ Сичью послѣ ея разрушенія:

Мы перейихалы у човни на другый берегъ Днипра, зійшлы на гору и глянулы на Кошъ. Якъ на долони передъ намы. Зовсимъ опорожнывсь, де ни де побачышъ козака, и курени поразвалювалысь, други зовсимъ розйбрани; тильки стоить одна церковця, неначе стара ненька, выпроводывшы диточокъ и попрощавшысь зъ нымы на вики вични. Прокйпъ Ивановычъ упавъ на колина и ставъ прощатця зъ Сиччью. Що винъ казавъ—не памьятаю, тай не чувъ—такъ важко стало! Здавыло серце, неначе обценькамы; не стямывсь, якъ и самъ упавъ, на колина и, вже не знаю зъ чого, ставъ чытать: «ныни отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему зъ миромъ». Хочъ, правду кажучы, и не було того мыру, та вже бачу, такъ уста промовылы одхидну молытву нашому бездольному козацтву. Всталы, обнялысь, крипко прытулылысь одынъ до одного и гйрко заплакалы. «Въ першый разъ, якъ жыву на свити», каже Прокйпъ Ивановычъ, «оце заплакавъ». «И я въ першый», кажу. «Було до чого и прыберегаты цю слезу», каже Прокйпъ, «Теперечки мы, Грыцьку, не сичовыкы, не лыцари, та все таки честни люде: свое отдалы, та чужого не загарбалы! Охъ, важко, каже, и не вымовышъ: здается, якъ бы

все те лыхо, що на серци, выхопылось словомъ, то й каминь, почувшы, триснувъ бы и вылывъ зъ себе роднык слизъ». «Такъ, кажу, такъ!» Та прыхылывшысь одынъ до другого плачемо. Ще разъ глянулы на кошъ, поклонылысь на вси чотыри стороны, перехрестылысь тай пишлы. Идемо мовчки; у кожного одно горе на думци.

Какъ лиризмъ, особенно въ описаніяхъ, такъ юморъ въ повѣствованіяхъ, являются постоянными настроеніями автора, сопровождаютъ и проникаютъ весь характеръ его разсказовъ изъ украинской жизни. Въ оповиданни «Закоханый чортъ», цѣнномъ только отдѣльными картинами и блестками неподдѣльнаго юмора, запорожецъ Кирило съ чортомъ Трутикомъ, какъ разсказываетъ Стороженко,

пишлы поручъ, якъ товарыши. Дидъ изъ свого рижка натрусыть чортови кабаки, а чортъ ему натрушуе своеи—такый вслужлывый. Скоро дидъ набье люльку, а чортъ заразъ вогню выкреше. Дидъ згадавъ про горилку, а чортъ заразъ и частуе, и на закуску тягне зъ сумки печену качку и пшенышный буханець. Выпывшы и попойившы, дида взяла охота подратувать чорта: хотивъ бувъ перехрестыть его, та подумавъ: цуръ ему, хоть винъ и чортъ, а все таки товарышъ,—не честно товарыша обижать. Дали якъ глянувъ на чорта, то ажъ жаль его стало: иде, звисывшы голову, неначе на шыбеныцю его ведуть (дѣдъ пообѣщалъ чорту помочь въ сватовствѣ на Одаркѣ, за что онъ долженъ былъ ему служить 5 лѣтъ конемъ; но запорожецъ усумнился въ правдивости чортоваго слова; тотъ далъ ему отвѣтъ:) «Намъ не велено — не то обманювать, а и зачепляты Запорожцивъ; бо воны бьютця за православну виру. Та не велика и корысть, каже, колы якого и завербуешь: убьють его на війни, а винъ вже й не нашъ. Видки визьметця Петро зъ ключемъ и одбывъ: такъ и товче на того брата, не розглядаючы чы де око, чы де морда; а ще якъ выхопытця Мыкола, то швыдче втикай, бо вернешся у пекло безъ хвоста,—отдыре!» «А багато у васъ у пекли запорожцивъ?» пыта дидъ. «Ни однисенького: яки булы, то й тихъ повыганялы». «За що жъ ихъ повыганялы?» пыта дидъ. «Для нашого брата вамъ жалко и кутка въ пекли?» «Колыжъ такый гармидеръ роблять»,

> каже чортъ, «що усихъ чортивъ изъ пекла порозгонялы. Хиба не чувъ про того Марка, що товкся по пеклу?» «Щожъ воны вамъ роблять?» спытавъ дидъ. «Понапываютця горячои смолы», розсказуе чортъ, «якъ тіеи горилки, позалазять у печи, тай почнуть шпурлять видтиля головешкамы. Разъ трохи пекла не спалылы. Або ляже на сковороду, тай звелыть пидпалювать себе. Печешъ его, печешъ, ажъ шкура на тоби трискаетця, а вйнъ тебе лае, кепкуе зъ тебе та крычыть на усе пекло, що змерзъ. Бида зъ нымы». Идуть чортъ и дидъ дальше. Якъ пишли по надъ Лыманомъ, той переличыты не можно, що тихъ чортенятъ повыскакувало зъ болота. «Здрастуйте, дядечку!» озываютця до чорта, а дида такъ жахаютця: бачуть, що Запорожець. «Не бійтесь, дитки», каже чортъ, «се, щобъ вы зналы, мій сватъ Кырыло». Дидъ розсказувавъ, що бисенята поки ще молоди, то зелени, якъ осытнякъ,—нема у ныхъ ни рижкивъ, ни кигтивъ. Тай втишни-жъ, розсказувавъ: бигають, крутятця, якъ жабы, граютця, якъ кошенята; пирне у воду, а нижки высуне зъ болота тай дрыга. Дидъ хотивъ бувъ ихъ подратувать, показавъ имъ дулю (кукишъ), такъ воны у одынъ голосъ такъ и запыскотилы: «Спасыби вамъ, дядечку Кырыло, за вашу ласку». А чортъ и каже: ты ихъ и цукеромъ не годуй, тильки покажы имъ дулю.

Тотъ же дѣдъ разсказывалъ, что онъ,

> разъ заспорывсь и въ закладъ пишовъ, що пойиде у Бахчисарай и самому Крымському ханови у вичи плюне. И що бъ вы думалы? Пойихавъ тай плюнувъ, тай ще добре вылаявъ. Дидъ знатно лаявсь,—у якогось москаля вчывсь: «ты, каже, хане, покійного чорта племеннькъ, бусурманськый, кателыцькый, анахвемськый, гаспытивъ сынъ, трыста тоби чортивъ у жывитъ».

Эта сценка какъ то невольно напоминаетъ картину Рѣпина «Запорожцы, пишущіе отвѣтъ Султану». Но наиболѣе цѣльнымъ изъ подобныхъ полныхъ юмора разсказовъ являются, конечно, «Вусы». Кто не помнитъ всей этой трагикомедіи съ усами, кто не любовался картиной появленія старосвѣтскихъ дворянъ изъ Опошни, выборныхъ засѣдателей, въ передней предсѣдателя передъ невѣдомой книгой для записи визитеровъ? Самый «пысьменный» изъ нихъ Кирилло Онуфріевичъ Пищи-Муха изобразилъ въ ней стихи:

И вчора галушки, и сегодня галушки,
Прыйды, прыйды, серденько, на били подушкы.
И учора кулишъ, и сегодня кулишъ,
Прыйды, прыйды, серденько, мое серце потишъ.

Другой засѣдатель начерталъ:

Спробувавъ пера й чернила,
Що въ ему за сыла.
Такъ перо пыше,
Якъ муха дыше.

А Назаръ Семеновичъ Тупу-Табунець-Буланенький «при сей вирной оказіи щей жалобу на свого сусида напысавъ, що зйивъ у него «многоплоднаго» индыка». Самъ разсказчикъ, полагая, что роспиской въ книгѣ посѣтителей они приглашаются предсѣдателемъ на закуску, написалъ: «буду, хлиба—соли не цураюсь». Да хто его и сподивавсь, яка тамъ хлибъ-силь буде»... Кто могъ подумать, что придется перенести и разносъ начальства, и усы сбрить... Однако, среди смѣхотворнаго приключенія, среди «смишкивъ», въ разсказѣ этомъ звучитъ и другая нота, напоминающая о чиновничьемъ произволѣ,—когда, говоритъ авторъ, разыскивали среди законовъ статью о томъ, распространяется ли на военныхъ въ отставкѣ съ мундиромъ ношеніе усовъ или не распространяется, авторъ вспоминаетъ время, когда законовъ, за неприсылкою ихъ, никакъ не могли розыскать и тогда: «таке було лыхо, що не повирыте: колы скажуть, що право ношенія не то вусивъ— головы на твоихъ плечахъ не распространяетця, то не турбуйтесь и шукать (законовъ) чи воно правда, чи брехня,—стынай голову, та такъ и ходы».

Какъ мы уже упоминали и какъ можно было видѣть изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше отрывковъ, въ повѣствованіяхъ Стороженка преобладаютъ историко-этнографическіе элементы. Онъ относился своеобразно къ этой важнѣйшей сторонѣ своихъ произведеній. Историческое прошлое украинской жизни А. П. идеализировалъ и рисовалъ рѣзкими, яркими, такъ сказать, «героическими» красками. Этнографическій же матеріалъ перераба-

тывалъ, комбинировалъ и излагалъ, нисколько не гоняясь за этнографическою точностью. Такой характеръ носятъ почти всѣ разсказы Стороженка. Одна сказка, впрочемъ, записана была стенографически,—это «Тры сестры» «Спомынки про Ник. Леон. Коржа» носятъ наибольше сохранившуюся близость къ этнографической записи; въ нѣкоторыхъ же оповиданняхъ непосредственная характерность разсказа остается на лицо, что особенно можно сказать объ одномъ изъ лучшихъ произведеній А. П. «Межигорськый дидъ». Въ немъ старая бабуся Орыся разсказываетъ о давнемъ прошломъ, и колоритность разсказа ея сохранена въ цѣлости:

Ну, такъ бачите... Що жъ я таке розсказувала? Отъ ій же Богу забула... Якъ згадуешъ молоди лита, то здаетця и не вернулась би назадъ,—тамъ бы зъ думкою и осталась! Эге, про думки, про ченця (межигорського дида). «Хочешъ, каже, я тебе навчу писнямъ и думкамъ? Якъ я вмру, то воны ще зъ тобою прожывуть якый часъ». Отъ я и вывчылась, и старшу дочку навчыла, такъ шкода́-жъ: дочка моя вмерла, а зъ нею и писни и́ думки. Та ще якъ небога вмерла! наглою смертю: глыныще завалыло, и іи й прыдавыло... Писля себе оставыла двое диточокъ,—хлопчыка и дивчынку, манюсенькыхъ, ще такъ тильки що одъ земли пи́днялысь. Тай сыротамъ не давъ Богъ талану: унука отдалы въ некруты и пигналы пидъ турка, то тамъ десь у шпитали и вмеръ, а унучка... Опьять забрехалась! Що бо я розсказувала? Ій же Богу забула! Эге! Навчывъ мене чернечый дидъ писнямъ и думкамъ, и яки жъ гарни булы ти писни и́ думки! Такъ до серця и прыкыпилы. Дебъ не була, куди бъ не пи́шла, а воны за мною, якъ курчата за квочкою. Засну, такъ и въ сонъ мій залитають, якъ ти бжилки, що гудуть въ витахъ лыпы, якъ вкрыетця вона пахучимъ цвытомъ; а теперечки усе забула, усе развіялось, якъ та роса, що нихто й не зна, куды вона ховаетця и т. д.

Какъ на образецъ сильной литературной переработки народныхъ разсказовъ и «приказокъ», мы укажемъ хотя бы на оповидання «Дурень», въ которое вошелъ рядъ бродячихъ разсказовъ, искусно скомбинированныхъ Стороженкомъ. Историческая идеализація,

особенно запорожцевъ—лидивъ», достигаетъ высшей точки въ изображеніи и характеристикѣ пасичника Дороша (разсказъ того же названія).

Особенно, однако, выразительно сказываются указанныя особенности литературныхъ пріемовъ повѣствователя, переходящія въ недостатки, въ его послѣднемъ по времени созданія литературномъ трудѣ «Марко проклятый» (напеч. 1879). Это повѣствованіе Стороженко пожелалъ назвать поэмой и самъ цѣнилъ ее выше всѣхъ своихъ произведеній. Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ, что Марко Проклятый—«отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: товчетця, якъ Марко по пеклу, стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о похожденіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ много собрать. По народнымъ преданіямъ, похожденія Марка относятся къ далекимъ временамъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 г., бывшею послѣдствіемъ возстанія Хмельницкаго. Поэма эта выношена подъ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ». Мы отказываемся признать за предсмертнымъ произведеніемъ Стороженка какую то особенную цѣнность, несмотря на долгое собираніе матеріала и долгую работу надъ излюбленной поэмой: она не только не представляетъ шага впередъ сравнительно съ болѣе ранними повѣствованіями, но рельефно выказываетъ недочеты литературнаго таланта и литературныхъ пріемовъ автора, подчеркиваетъ въ гораздо большей степени тѣ несовершенства, которыя сказывались, но не такъ рѣзко, въ предшествующій періодъ его художественнаго творчества. Въ поэмѣ переплетены въ одно цѣлое какъ этнографическій матеріалъ, такъ и историческія свѣдѣнія изъ эпохи Богд. Хмельницкаго. Все это насыщено измышленіями авторской фантазіи и сдобрено гиперболическими по ужасу разсказами и «патріотическими» тирадами. Благодаря прикрасамъ, этнографическій матеріалъ въ поэмѣ теряетъ всякую цѣну. Съ этой точки зрѣнія, гораздо, напримѣръ,

и цѣннѣе, и интереснѣе запись вирши о «Маркѣ пекельномъ», помѣщенная въ «Кіев. Старинѣ» 1885 г. № 8. Историческая обстановка носитъ подобный же прикрашенный и невѣрный колоритъ. Хотя авторъ старается яко бы сохранить историческую точность (есть и ссылки на источники), но далекъ отъ нея даже въ разсказѣ о Вовгуряжцахъ, похожденія которыхъ могъ бы изобразить хотя бы по «Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ XVII в.». Желаніе автора произвести «ужасное» впечатлѣніе приводятъ самаго непредубѣжденнаго и нетребовательнаго читателя къ обратному настроенію. Смѣшно становится, когда читаешь описаніе умиранія, видѣній и возврата къ жизни величайшаго въ мірѣ преступника Марка, убившаго мать, сестру, невѣсту, ея возлюбленнаго и мн. др., или же вскармливанье его кровью живыхъ птицъ, изображеніе лютѣйшихъ истязаній поляковъ надъ козаками и обратно и т. п. Вотъ ведутъ козаковъ подъ изряднымъ конвоемъ для мученій и казни изъ замка Вишневецкаго къ лобному дубу, на которомъ ихъ вѣшали. Одинъ изъ пановъ Пидпальскій,

> Зибравши кинци (веревки, связывавшей запорожца Кобзу) у ливу руку, подравея на дуба и выбравшись на середыну сухого гилля, прымостывся якъ разъ надъ Кобзою и гукнувъ: «А пидіймайте «харцыза». «Тай важкый же діявольскый сынъ», крехтилы патеръ и жолниръ, пидіймаючи Кобзу. Панъ Пидпальскій натягнувъ виревку и ставъ завьявувать. Не вспивъ винъ у друге завузлыть, якъ зъ лыствы просунулась здоровенна рука и вхопыла его за чубъ; блыснувъ кинжалъ, и окомъ не змыгнуть, якъ разомъ зъ обезголовленнымъ трупомъ звалывся зъ дуба чоловикъ въ чорному кобеняку и татарській кучми. Но доторкуючись ще до земли, винъ одною рукою затопывъ патера по тимью, а другою жолнира у высокъ такъ, що обыдва попадалы мертви. Щука (стремянный кн. Вишневецкаго), побачывши се, выхопывъ шаблю, та не вспивъ замахнутця, якъ той чоловикъ пирнувъ ему кинжалъ у груды, у саме серце. Жолниры схопылысь було за палаши, та бачать, що вже и Кобза зъ розвязанными рукамы хапаетця за саблю Щуки, повернулы назадъ тай чкурнулы на втикача.

Понятно, что герой этотъ былъ никто иной, какъ Марко—вѣчный освободитель козацтва въ трудныя минуты. Идеализація козацтва, особенно запорожской удали, доведена въ послѣдней поэмѣ Стороженка до высшихъ предѣловъ, далеко превосходящихъ всякую дѣйствительность и вѣроятность. При этомъ не только симпатіи, но слѣпое преклоненіе руководитъ авторомъ по отношенію къ землякамъ, и самая глубокая ненависть--ко всему польскому и, въ значительной степени, къ еврейскому. Испытывая всевозможныя нечеловѣческія муки, подвергаясь жесточайшимъ казнямъ, козаки ни въ чемъ не выказываютъ человѣческихъ слабостей, весело шутятъ, издѣваются надъ мучителями и гордо гибнутъ безъ единаго звука о пощадѣ или снисхожденіи. Конечно, иначе ведутъ себя враги ихъ, когда попадаютъ въ подобное же положеніе, — они малодушны и смѣшны, громко раздаются ихъ просьбы и вопли о пощадѣ, а одинъ, напримѣръ, претолстый и заносчивый (это ужъ само собою разумѣется) панъ «крычыть особлыво», когда съ него живого сдираютъ кожу, проклинаетъ и козаковъ, и патеровъ, и тотъ день, когда родился, и даже самого папу и т. п. Вообще въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ «пановъ-ляховъ» Стороженко не жалѣетъ густыхъ мазковъ и черныхъ красокъ. Любопытно, что широко набросанная картина жизни богатой польской шляхты въ Лубенщинѣ (Полт. г.) въ срединѣ XVII в. мало носитъ характерныхъ чертъ именно этого времени, а можетъ быть скорѣе отнесена къ характеру магнатской и вельможной жизни второй половины XVIII в. (и позже). Черты эти относятся, безъ сомнѣнія, и къ самодурству нѣкоторыхъ представителей польскаго высшаго класса, владѣвшаго тогда уже землями на западъ отъ Днѣпра, но если говорить о лѣвобережной Украинѣ (да вообще о Россійскомъ государствѣ того времени), то собранныя и сгруппированныя А. П. черты нравовъ крѣпостной эпохи, какъ нельзя лучше, могутъ характеризовать и нѣкоторыя (не менѣе частыя, чѣмъ въ польскомъ обществѣ) проявленія самодурства въ XVIII в. и среди великорусскихъ, и среди малорусскихъ помѣщиковъ, предковъ и земляковъ того же Стороженка. Евреямъ авторъ удѣляетъ меньше вниманія, болѣе отдѣлывается насмѣш-

ками, характеризуя только въ самомъ концѣ поэмы всѣхъ ихъ, огуломъ, какъ націю.

«Скильки Марко не вештався по свиту Божому, а ниде не бачывъ, щобъ жыдъ бувъ якымъ небудь хлиборомъ и щобъ хоть зерно хлиба зйивъ одъ своихъ робочихъ у степу рукъ, або збудувавъ хату, або зробывъ колесо, або полагодывъ его, або бувъ ковалемъ; а то ничогисенько того не роблючи, джиркочуть тильки та дурять людей хрещеныхъ, та обманствомъ добувають гроши и жывуть соби панамы».

Стороженко писалъ, что «каждый народъ имѣетъ своего скитальца: древніе греки — Одиссея, французы — вѣчнаго жида, испанцы — Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечтешь, у русскихъ—Кащей Безсмертный, а у малороссіанъ — Марко Проклятый, но, кажется, малороссійскій Марко *заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ*». Вообще же это не только не «кажется», но весьма сомнительно, а въ частности въ томъ изображеніи, которое ему придалъ нашъ авторъ, совершенно невѣрно. Отзывъ о поэмѣ престарѣлаго малорусскаго писателя Гулака-Артемовскаго: «зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю»,—конечно, одно только недоразумѣніе. Поэма Стороженка и съ этнографической, и съ исторической, и съ художественной, и съ общественно-этической точки зрѣнія самое большее по объему, но и самое слабое по литературному значенію произведеніе повѣствователя.

Такимъ образомъ, мы могли убѣдиться, что въ дѣйствительности А. П. Стороженко краткое время, всего около двухъ лѣтъ, серьезно отдался творчеству на малорусскомъ языкѣ. Попытка его слишкомъ черезъ десять лѣтъ выступить на то же поприще съ большой художественной поэмой, въ которой онъ какъ бы старался ссумировать свое литературное творчество, оказалась вполнѣ неудачной. То, что было недостаткомъ малозамѣтнымъ и нехарактернымъ въ первыхъ произведеніяхъ Стороженка, проявляется въ послѣднемъ съ особенною и настойчивою рѣзкостью: онъ хотѣлъ придать поэмѣ цѣльность, а она оказалась мозаикой,

сложенной изъ неискусно обдѣланнаго матеріала, раскрашенной въ фантастическіе кричащіе, неестественные цвѣта; онъ хотѣлъ придать Марку Проклятому широкій, обобщающій, даже какой то идейный смыслъ, а поэма оказалась ходульно-тенденціозной мелодрамой сомнительной идейности и художественной цѣнности. Нѣкоторые блестки прежняго таланта разсказчика, мастерского изобразителя украинской природы, лирическаго настроенія расплываются въ общей нагроможденной массѣ фантастически историческихъ и этнографическихъ картинъ; тонкій юморъ совсѣмъ отсутствуетъ. Между тѣмъ этотъ своеобразный описательно-повѣствовательный характеръ таланта Стороженка, сильно выраженный лиризмъ и юморъ его и составляютъ наибольшую цѣнность и придаютъ значеніе его украинскимъ оповиданнямъ 1861—1862 годовъ. Правда, въ теченіе всей жизни автора не покидалъ ни его талантъ разсказчика, ни лиризмъ и юморъ и выражался и въ устной живой бесѣдѣ, и въ набросках для себя и для близкихъ, но только временно онъ отдался дѣйствительному малорусскому литературному движенію—это время связано для него преимущественно съ изданіемъ журнала «Основа» и съ именами Кулиша, Костомарова и друг. Не даромъ они тогда же издали нѣкоторыя его оповидання для народа въ видѣ маленькихъ дешевыхъ брошюръ, такъ называемыхъ «метелыкивъ». Не даромъ А. П. посвятилъ имъ нѣкоторыя свои произведенія, напримѣръ, «Вусы»—Кулишу, «Сужена»—Костомарову, а всѣ свои оповидання—«любымъ моимъ землякамъ». Эти люди и это движеніе толкнуло его на путь литературной малорусской дѣятельности, вскорѣ угасшей. Оно осталось для Стороженка въ прошломъ, какъ только въ прошломъ рисовалась ему и его родина, и ея козацкіе сыны, и ея мирные обитатели, ихъ радости и горести, и та «чудная украинская природа, согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ», которая недолгое время навѣвала на его душу «сѣмена поэзіи и чаръ». Въ заключительныхъ словахъ «Матусыного благословення» авторъ говоритъ: «Пойихавъ я и все думавъ, яка то гарна старовына була! Що за люде, що то за души булы у насъ пидъ ту велыку Руину! Та дежъ воно дилося? На що переводы-

лось, що теперъ мало такихъ людей задержалось на свити, простыхъ, щырыхъ и богобоязлывыхъ... Тильки и жыты намъ спомынкамы»... Да, Стороженку оставалось жить только ими, что лишь и было для него цѣннымъ въ его родной Украинѣ...

Думается намъ, что мы не ошибемся, если скажемъ, что малорусская литературная дѣятельность нашего автора, именно его украинскія оповидання, опредѣляетъ не извѣстную стадію въ поступательномъ движеніи въ общемъ развитіи малорусской литературы, а только характеризуетъ одну изъ сторонъ историческаго момента, пережитаго украинскимъ движеніемъ въ концѣ 50-хъ и самомъ началѣ 60-хъ годовъ: въ этихъ ограниченныхъ рамкахъ и заключается значеніе украинской литературной дѣятельности А. П. Стороженка.

Иг. Житецкій.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность).

(Окончаніе[1]).

ГЛАВА XII.

Могила и портреты В. Н. Каразина. Заключеніе. Генеалогическая таблица рода В. Н. Каразина.

Погребенъ Василій Назаровичъ Каразинъ въ г. Николаевѣ. Могила находится за кладбищенскою церковью, на восточной сторонѣ ея; надъ могилой былъ поставленъ памятникъ, представлявшій собою обыкновенную небольшихъ размѣровъ каплицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй; въ сѣверо-восточномъ углу каплицы стоялъ столикъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадкой[2]. Изображеніе надгробнаго памятника помѣщено въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ I-мъ томѣ «Исторіи Харьковскаго Университета» проф. Д. И. Багалѣя. Къ 1889 году старый памятникъ былъ уже очень ветхъ: во многихъ мѣстахъ сверху до низу образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія близкое и совершенное разрушеніе памятника»[3]. Теперь могила Василія Назаровича имѣетъ еще болѣе жалкій видъ. У задней стѣны памятника была похоронена старушка, сопровождавшая В. Н. Каразина въ Крымъ и бывшая свидѣтельница его смерти. Она нѣкоторое время ухаживала за могилой умершаго господина и, умирая, просила по-

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 7—8.

[2]) «Южный Край» 1889 г. 17 января, № 2766.

[3]) Тамъ-же.

хоронить себя какъ можно ближе къ могилѣ Вас. Наз—ча. Теперь могила этой старушки провалилась, началъ заваливаться въ сторону ея ямы и памятникъ-каплица В. Н. Каразина. Харьковскій университетъ ассигновалъ нѣкоторую сумму на реставрацію надгробнаго памятника.

Портретовъ В. Н. Каразина существуетъ 4, по крайней мѣрѣ мы имѣли 4 разныхъ копіи съ нихъ. Двѣ копіи съ портретовъ Каразина (въ болѣе молодомъ возрастѣ), можетъ быть, сдѣланы даже съ одного и того же оригинала, ибо лицо В. Н. Каразина поразительно одинаково. Разница только въ позѣ: на одномъ снимкѣ, гравированномъ въ Лейпцигѣ Геданомъ и приложенномъ къ біографіи В. Н. Каразина, составленной Я. В. Абрамовымъ, изображенъ бюстъ Каразина, находящагося въ прямомъ положеніи; на другомъ, приложенномъ впервые въ Русской Старинѣ 1875 г. (апр.), изображенъ, повидимому, бюстъ Каразина тѣхъ же лѣтъ, при чемъ голова склонена на лѣвую руку. Оригиналъ послѣдняго снимка написанъ (акварелью) на слоновой кости французскимъ эмигрантомъ Де-Шатобуромъ[1]), проѣзжавшимъ въ 1803 году черезъ Харьковъ и списавшимъ съ братьевъ Каразиныхъ (Вас. Наз — ча и Ивана Наз — ча) одинаковой величины портреты. Портретъ Ивана Назаровича сохранился у его сына Ивана Ивановича Каразина и находится въ имѣніи его Основинцахъ (Богод. уѣзда), а портретъ В. Н. Каразина теперь неизвѣстно гдѣ; у И. И. Каразина сохранился списокъ съ этого портрета въ нѣсколько увеличенномъ форматѣ, срисованный Б. И. Каразинымъ. При жизни Филадельфа Вас. Каразина портретъ хранился у него въ футлярѣ, на крышкѣ котораго выбито было самымъ Василіемъ Назаровичемъ золотыми буквами: «для моихъ друзей», а съ другой стороны: «въ 1803 г. на тридцатомъ году жизни». Вас. Наз. изображенъ оченъ моложавымъ (даже для своихъ лѣтъ) съ голубыми глазами и темно-русыми густыми, недлинными волосами; на немъ синій сюртукъ-плащъ, какіе тогда носили. Шея новязана пестрымъ платкомъ-галстухомъ. Съ этого портрета была снята фотографія Филадельфомъ К — нымъ, которая передана въ свое время комитету по постановкѣ Каразину памятника. Въ 1847 году академикъ Шведе списалъ масляными красками съ упомянутаго портрета копію въ увеличенномъ видѣ; этотъ списокъ висѣлъ до 1880 года въ библіотекѣ Харьковскаго универси-

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1892 г. № 287. «Опытъ ист. Х. ун — та» т. I, проф. Д. И. Багалѣя.

тета, а теперь хранится въ музеѣ университета. Наверху портрета, по срединѣ, на серебряномъ щитѣ, находится слѣдующая надпись печатными буквами: «Василій Назаровичъ Каразинъ, Почетный членъ Императорскаго Харьковскаго Университета наиболѣе содѣйствовавшій къ его учрежденію», затѣмъ курсивомъ: «Изображенъ на 30 году жизни (1803). Скончался 1842, ноября 4-го въ г. Николаевѣ, Херсон. губ.». Копіи съ портрета напечатаны, какъ сказано, въ Русской Старинѣ за 1875 годъ (апр.), также въ Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1892 г. № 287, Южномъ Краѣ 1892 г. № 3793, Кіевской Старинѣ за 1892 г. (февраль).

Одинъ изъ портретовъ В. Н. Каразина въ старческомъ возрастѣ написанъ масляными красками художникомъ Е. И. Колтуновскимъ, которому покровительствовалъ и такъ старался помочь въ поѣздкѣ его за границу для окончанія художественнаго образованія В. Н. Каразинъ. Портретъ написанъ послѣ смерти Каразина «вѣроятно по наброскамъ, которые относятся къ 1842 году» [1]). Оригиналъ въ 6 вершк. въ вышину и полуовальной формы, съ лѣвой стороны монограмма Колтуновскаго. Вас. Назаровичъ изображенъ въ профиль сморщеннымъ старичкомъ съ рѣдкими волосами на головѣ и нависшими бровями. Этотъ портретъ принадлежитъ теперь проф. Н. Ѳ. Сумцову, а копія была помѣщена въ Южномъ Краѣ за 1892 г. № 4066.

Другой портретъ В. Н. Каразина въ преклонномъ возрастѣ помѣщенъ въ «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» т. I. проф. Д. И. Багалѣя. Это портретъ вырѣзанный на деревѣ съ дагерротипа, снятаго въ Одессѣ, передъ смертью В. Н. Каразина въ 1842 году [2]).

Какой же смыслъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина? Была ли продуктивна его работа и соотвѣтствовали ли ея содержанію достигнутые результаты?

«Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести *нѣкогда* [3]), можетъ быть, не прежде, какъ уже по смерти моей, пользу дра-

---

[1]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Южный Край 1892 г. № 4066, 4-е ноября.

[2]) Украинская Старина, стр. 164. Тотъ же портретъ былъ помѣщенъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1900 г., іюнь.

[3]) Курсивъ подлинника.

жайшему моему отечеству. *И тогда*[1]) уповаю быть оправданъ». Вотъ самое краткое и, въ то же время, замѣчательно вѣрное опредѣленіе жизненнаго пути В. Н. Каразина, имъ самимъ сдѣланное[2]). Въ самомъ цѣлѣ, вся жизнь Каразина представляетъ рядъ порывовъ, стремленій создать нѣчто грандіозное, великое. Цѣль — благо и слава родины, средство — общественная дѣятельность. И сочиненія, и образъ дѣйствій В. Н. Каразина носятъ одинаковый характеръ — стремленія соединить на совмѣстную работу всѣхъ членовъ великой родины или, по крайней мѣрѣ, «полуденной Россіи». Основаніе Харьковскаго университета, образованіе филотехническаго общества, крестьянскія учрежденія, характеръ благотворительности Каразина, настойчивость предложеній составлять акціонерныя общества для промышленныхъ предпріятій[3]), проекты о всероссійскомъ метеорологическомъ комитетѣ[4]), о совмѣстномъ и повсемѣстномъ въ Россіи собираніи историческихъ документовъ, взгляды на роль «общественнаго мнѣнія», наконецъ, постоянное стремленіе къ публицистической дѣятельности[5]), — все это доказываетъ, что Каразинъ «шелъ впередъ» на

---

[1]) Курсивъ подлиника.

[2]) Въ «письмѣ къ гр. А. А. Арачкееву отъ 12 янв. 1814 года. Сборн. Ист. мат. Канц. Е. Вел. СПБ. 1878 г., стр. 439.

[3]) Кромѣ Филотехническаго общества, Каразинъ проектировалъ акціонерныя общества въ статьяхъ: 1829 года «О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на больш. разст. перевозить питательн., цѣлебн. и въ рукодѣліяхъ употребл. вещества изъ царства животн. и раст.»; 1838 г. «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами»; 1840 г. «О химическихъ превращеніяхъ»; 1841 г. «О значеніи Харькова для полуден. Россіи».

[4]) «Письмо къ В. Г. Муратову», (Сынъ Отечества 1817 № II). Тоже: «Письмо Муратова — Марченку» (Сборн. ист. мат. в. II, Спб. 1889, стр. 508 — 512) и письмо В. Н. Каразина В. Р. Марченку (Тамъ же, отр. 514).

[5]) Въ продолженіи своей жизни В. Н. Каразинъ издавалъ 4 журнала:

«Журналъ для Императрицы Маріи Θеодоровны» (1801 г.) рук.

«Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803 г.)

«Акты Филотехническаго Общества» (1817 — 1829) и

«Гражданинъ Вѣрноподанный» (1834 г.) рукописн.

Кромѣ того проектировалъ неудавшіяся изданія:

«Собесѣдникъ изъ Украйны» (1806 г.).

«Отечественный Архивъ» (1828 г.)

и неизвѣстно подъ какимъ названіемъ журналъ, замышленный въ 1820 г. (См. Письмо митроп. Евг. Болоховит. къ В. Г. Анастасевичу отъ 16 апр. 1820 г. Русс. Арх. 1889 г. т. II, стр. 342).

поприщѣ *общественной* дѣятельности. Онъ стоялъ выше современнаго ему общества, но недостаточно понималъ, или, вѣрнѣе, считался съ окружающей его обстановкой; эту послѣднюю ему приходилось *чувствовать*.

Попытки подвинуть по пути прогресса современное общество привели къ самымъ жалкимъ результатамъ. Отъ грандіознаго проекта южно-русскаго, а можетъ быть и славянскаго, университета — осталась жалкая тѣнь «по нѣмецкому образцу устроеннаго» [1]), «испорченнаго и портимаго Харьковскаго» [2]). Это единственный существенный успѣхъ В. Н. Каразина, при жизни, о которомъ можно сдѣлать категоричное заключеніе. Значеніе дѣятельности В. Н. Каразина было понято близко знавшими его людьми и немногочисленнымъ кругомъ ученыхъ современниковъ, предложившихъ ему званіе почетнаго члена 7 ученыхъ корпорацій [3]). Большинство же общества не понимало В. Н. Каразина и нерѣдко надъ нимъ издѣвались и «убивали пренебреженіемъ» [4]) его творчество. Достаточно вспомнить «тернія», доставляемыя Каразину членами интеллигентнаго общества — нападки Воейкова, Державина, Васильчикова, насмѣшку Аракчеева и иронію Гулакъ-Артемовскаго; надо только прослѣдить хоть исторію Филотехническаго Общества, чтобы представить себѣ, сколько добрыхъ начинаній и открытій гибло въ «стремнинахъ» неподвижности провинціальнаго и чиновной важности столичнаго общества.

---

[1]) Слова В. Н. Каразина. Письмо къ Аракчееву отъ 12-го янв. 1814 г. «Сборн. Ист. мат. 1-го отд. Канц. Е. Вел. Спб. 1878г. стр. 440.

Тоже самое повторяетъ Фил. Вас. Каразинъ въ „Письмѣ къ Тройницкому о жизни отца. Русс. Арх. 1894 г. т. I.

[2]) Письмо В. Н. Каразина къ С. Н. Муханову отъ 21-го сент. 1831 г. Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 16.

[3]) Каразинъ числился:

«Почетнымъ членомъ Московскаго университета» (съ 1805 г.).

«Ординарнымъ членомъ Московскаго Общества Естествоиспытателей» (по даннымъ — въ 1807 г.).

«Почетнымъ членомъ Харьковскаго университета» (съ 1811 г.).

«Почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской словесности при Московс. университ.» (съ 1818 г.).

«Почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности» (по даннымъ — 1820 г.).

«Почетнымъ членомъ Общ. Ист. и Древн. Росс.» (по даннымъ — 1827 г.).

Членомъ Вольно-Экономическаго Общества.

[4]) Слова Вас. Наз. Каразина.

Но можно ли сказать, что значеніе Каразина исчерпалось ролью его въ жизненной дѣятельности? Можно ли сказать, что съ Каразинымъ умерли его недосказанныя мысли, его идеи набросанныя смѣлой кистью художника? Нѣтъ! Еще при жизни Василія Назаровича стали приводиться въ исполненіе имъ составленные, можетъ быть, у него заимствованные проекты [1]); еще задолго до смерти онъ сознавалъ, что опередилъ окружавшее его общество, что «нѣкогда», — когда общество разовьется до возможности понять *Каразина* — идеи его воскреснутъ и «принесутъ ему больше славы, чѣмъ даже основаніе Харьковскаго университета» [2]).

И правда! Кто знаетъ, что теперешнія чаянія обновленія университетской жизни были высказываемы В. Н. Каразинымъ еще въ 1802 и 1810 годахъ, что школы Общества Грамотности выполняютъ только отчасти идею его «о воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», что современные Сборники Историческихъ Матеріаловъ даютъ только слабое понятіе о проектѣ «Отечественнаго Архива», что предсказанія за годъ впередъ погоды—лишь начало богатыхъ идей Каразина о метеорологіи и воздушномъ электричествѣ... Кто знаетъ, какова судьба прочихъ многочисленныхъ идей Василія Назаровича Каразина, сохранившаяся часть которыхъ скоро будетъ доступна разбору всѣхъ свѣдущихъ лицъ? Не Фусы, а новые Каразины поймутъ и продолжатъ дѣло Василія Назаровича и статуя «оправданнаго» вдохновеннаго труженника, съ протянутой рукой, будетъ долго указывать *путь* сынамъ родного «любезнаго» [3]) края — идти впередъ».

Н. Тихій.

---

[1]) Разумѣемъ идею о паровомъ отопленіи, опубликованную Кипферлингомъ, и о паровомъ водяномъ двигателѣ. См. Х. Г. В. 1841 г. № 20 и «Москвит.» 1842, II, 3.

[2]) Неизв. авт. статьи: «В. Н. Каразинъ и господство надъ природою». Рус. Арх. 1982 г. кн. 5.

[3]) Такъ любилъ называть Украйну Василій Назаровичъ.

Генеалогическая таблица Каразиныхъ.

Григорій Караджи, (Софійскій Архіепископъ въ Болгаріи).

Александръ Караджи (капитанъ русской гвардіи).

Назаръ Каразинъ (отецъ В. Н. Каразина).

Василій

Иванъ

Иванъ

Борисъ Иванъ.

Василій, Георгій, Филадельфъ, Александръ, Николай, Валеріанъ.

Николай

Николай, (извѣстный художникъ и беллетристъ).

Вадимъ †.

Борисъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Научная критика, памфлетъ или пасквиль?[1]

(По поводу брошюры г. И—ва «В. Н. Каразинъ, мнимый основатель харьковскаго университета»).

„...Недостатки не умалятъ общепризнанныхъ заслугъ, а только освѣтятъ ихъ истиннымъ свѣтомъ".
(Н. А. Лавровскій).

Недавно появилась въ свѣтъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ брошюра г. И—ва, силящагося доказать, что В. Н. Каразинъ былъ не выдающійся общественный дѣятель, а преступникъ, достойный тяжкихъ уголовныхъ каръ. Авторъ называетъ В. Н. Каразина знаменитымъ авантюристомъ (стр. 5), жалкимъ маніакомъ, страдавшимъ маніею величія и преслѣдованія (стр. 6), человѣкомъ съ разстроеннымъ воображеніемъ (10), невмѣняемымъ (26), малообразованнымъ коллежскимъ совѣтникомъ (10), мелкопомѣстнымъ дворяниномъ (6), мелкимъ чиновникомъ (7), канцелярскою крысою, письмоводцемъ (10), мелкою чиновничьею сошкою (24), лжецомъ (12—13), обманщикомъ, желавшимъ выпутаться изъ обмана новымъ обманомъ (14—16), «пошлымъ доносчикомъ» (23), доносившимъ и на губернатора Артакова (17), и на попечителя Румовскаго (23), и на Министровъ народнаго просвѣщенія Завадовскаго и на кн. А. Н. Голицына (23), и на харьковскій университетъ (30), и на журналы, и на писателей (37), и на Библей-

---

[1]) Перепечатано изъ „Южн. Края" № 8467.

ское Общество, и на секты (38), шельмовавшимъ въ своихъ-доносахъ всѣхъ и вся и такимъ образомъ какъ бы укоряющимъ самого Императора (42), сдѣлавшимъ въ Петербургѣ изъ доносовъ и шпіонства свое ремесло (33) и имѣвшимъ своихъ собственныхъ доносчиковъ (40); онъ противопоставляетъ тайныхъ совѣтниковъ и графовъ, занимавшихъ высокіе государственные посты, мелкой сошкѣ, нищему богодуховскому дворянину (23), обвиняетъ его въ подкупѣ царскихъ лакеевъ (6) и дворянъ (15), въ сочиненіи подложнаго письма къ Императору Павлу и извращеніе исторической правды (5), въ неудачной попыткѣ прикарманить 4,000 руб. университетскихъ денегъ и въ присвоеніи денегъ Каретникова и Захаржевскаго (19), основываясь на «явной преступности его въ растратѣ университетскихъ суммъ», готовъ признать его воромъ (21), обзываетъ «Предначертаніе» его о харьковскомъ университетѣ «глупѣйшимъ фантастическимъ планомъ» (14), дѣятельность по части найма мастеровъ и пріобрѣтенія эстамповъ «дѣлишками», роль его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета неблаговидной (29), а замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга, имъ пріобрѣтенную, «ненужнымъ хламомъ» (18); заявляетъ, что отзывъ Державина о немъ, какъ о человѣкѣ не весьма завидной честности, нужно признать слишкомъ умѣреннымъ (5—6), что «проекты», поданные имъ Императору Александру, не удостаивались другого мѣста, кромѣ корзины подъ столомъ (8), чтъ «этотъ маньякъ былъ ни при чемъ въ ассигнованіи харьковскаго дворянства и сыгралъ въ данномъ случаѣ скорѣе отрицательную роль (13), что благодаря поведенію его и нѣсколькихъ его благопріятелей, это благое дѣло превратилось въ пошлую интригу (15), *единственная* же заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ велѣлъ прибить къ зданію, отведенному подъ университетъ, доску съ надписью: Государственный университетъ, за что памятникъ поставить нельзя (17); говоритъ, что «этотъ поборникъ мракобѣсія предупредилъ и далеко опередилъ въ своихъ ретроградныхъ взглядахъ даже знаменитаго гасителя просвѣщенія Магницкаго» (32), что основанное имъ Филотехническое Общество чрезъ нѣсколько лѣтъ было закрыто, и Каразинъ преданъ суду по обвиненію членами его въ мошенничествѣ акціями (33), что Императоръ Александръ учинилъ ему «Высочайшую головомойку» и указалъ на всю мерзость его поступка, ибо онъ, дворянинъ, сообщаетъ Императору чрезъ придворныхъ лакеевъ свои пасквили (24), что совѣтъ харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены, боясь его доносовъ (29);

утверждаетъ, что столяры, слесаря и т. п., по его мысли, должны были занять *каѳедры* по своей спеціальности въ университетѣ (17); по поводу заключенія его въ крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи выражается такъ: «по поводу бунта въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. онъ *угодилъ* въ Петропавловскую крѣпость» (34), а затѣмъ прибавляетъ: «В. Н. Каразинъ дѣйствуетъ не по сезону, невпопадъ и безтактно, подобно Иванушкѣ-дурачку. И потому неудивительно, что и его такъ же вздули, какъ и послѣдняго» (42); «всѣ современники смотрѣли на него, какъ на несчастнаго и вреднаго человѣка! И ужъ конечно, *презирали* совсѣмъ не за то, за что думалъ самъ Каразинъ» (44).

Заключаетъ свою критику авторъ такимъ обличеніемъ университета и харьковскаго общества: «На основаніи всего изложеннаго читатель, мы увѣрены въ этомъ, пойметъ, что́ за личность былъ Каразинъ. Памятникъ ему въ Харьковѣ будетъ вѣчнымъ позоромъ и для харьковцевъ, и для харьковскаго университета» (45).

Я извиняюсь передъ читателями, что заставилъ ихъ ознокомиться со столькими гнусными обвиненіями, направленными противъ давно уже почившаго общественнаго дѣятеля, которому общество и университетъ ставятъ памятникъ. Очевидно, такой «заборной» литературы, испещренной столькими непристойными эпитетами, не могло помѣстить на своихъ страницахъ ни одно уважающее себя повременное изданіе— и данное произведеніе должно было по необходимости выйти отдѣльною брошюрою. Приведенныя in extenso выдержки, совершенно не соотвѣтствующія достоинству печатнаго слова, ясно показываютъ, съ какого рода произведеніемъ мы имѣемъ дѣло. Къ критической исторіи, которая должна быть безпристрастна, эта, брошюра во всякомъ случаѣ никакого отношенія не имѣетъ. Ее нельзя причислить и къ популярно историческимъ трудамъ, потому что эти послѣдніе, основываясь не на первоисточникахъ, а на пособіяхъ, все же добросовѣстно излагаютъ ихъ содержаніе.

Изъ дальнѣйшаго разбора мы убѣдимся, что это — не историческій трудъ, а нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ, и если мы останавливаемся на немъ, то только потому, что тема, затронутая авторомъ, представляетъ глубокій общественный интересъ. Само собою разумѣется, что въ настоящей замѣткѣ нѣтъ возможности подвергнуть систематическому разбору всѣ измышленія и

ложныя заключенія автора.—Такой раборъ, одобренный историко-филологическимъ факультетомъ, сколько мнѣ извѣстно, будетъ напечатанъ скоро въ запискахъ харьковскаго университета однимъ молодымъ специалистомъ въ этой области; — я же ставлю себѣ одну цѣль, — доказать, что брошюра не имѣетъ никакого научнаго значенія, и что ею нисколько не разрушены выводы о В. Н. Каразинѣ даже старыхъ работъ проф. Н. А. Лавровскаго.

О дѣятельности В. Н. Каразина и въ частности о роли его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета существуетъ цѣлая литература. Авторъ разбираемой брошюры кореннымъ образомъ расходится со своими предшественниками въ оцѣнкѣ дѣятельности и личности В. Н. Каразина; выходитъ такимъ образомъ, что *всѣ* заблуждались, и при томъ не въ какихъ либо частностяхъ, а въ самыхъ существенныхъ, коренныхъ вопросахъ. Конечно, возможно допустить ошибки у каждаго изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ. Но совсѣмъ невѣроятно, чтобы всѣ писавшіе о В. Н. Каразинѣ ранѣе автора брошюры такъ грубо ошиблись въ самомъ основномъ — признали полезнымъ, выдающимся общественнымъ дѣятелемъ человѣка, достойнаго презрѣнія. Невозможно этого допустить, между прочимъ, и потому, что каждый изъ предшественниковъ г. И — ва основывался на документальныхъ данныхъ и стремился добросовѣстно къ достиженію научной истины. Авторъ же брошюры не только не вводитъ никакихъ новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ, которые позволили бы ему освѣтить личность его съ иной стороны, а, наоборотъ, очень мало освѣдомленъ въ пособіяхъ и еще менѣе того въ первоисточникахъ.

Чтобы сказать «новое слово» о В. Н. Каразинѣ, необходимо было предварительно опровергнуть выводы и Г. П. Данилевскаго, и Н. А. Лавровскаго, и Я. В. Абрамова, и мои, и наконецъ, г. Тихаго. Г. П. Данилевскій первый привелъ въ извѣстность значительный запасъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ, и далъ монографію о немъ, нашедшую компетентную оцѣнку со стороны Императорской академіи наукъ. Н. А. Лавровскій въ своихъ работахъ преимущественно остановился на центральномъ вопросѣ — уясненіи роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета и сдѣлалъ это на основаніи богатыхъ данныхъ университетскаго архива. «Свѣдѣнія эти, говоритъ онъ, сами отвѣчаютъ за свою точность. Мы позволили себѣ дѣлать выводы изъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти

выводы прямо вытекаютъ изъ фактовъ, заключающихся въ означенныхъ оффиціальныхъ документахъ». Я. В. Абрамовъ хотя далъ популярный очеркъ (въ Павленковской серіи біографій замѣчательныхъ дѣятелей), но воспользовался въ немъ для оцѣнки политической дѣятельности его цѣнными данными, опубликованными сыномъ В. Н. Каразина, Филадельфомъ Васильевичемъ. Мнѣ также удалось найти рядъ новыхъ документовъ для біографіи В. Н. Каразина и характеристики его роли въ дѣлѣ просвѣщенія и основанія харьковскаго университета, и я воспользовался ими въ своей статьѣ «о просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина» и въ «Опытѣ исторіи харьковскаго университета». Въ настоящее время, по порученію совѣта Императорскаго харьковскаго университета, я занятъ собираніемъ и редактированіемъ перваго собранія сочиненій и писемъ В. Н. Каразина. Дѣлами писателя являются главнымъ образомъ его мысли, т. е. сочиненія. Понятно, слѣдовательно, какъ важны для оцѣнки В. Н. Каразина его труды, относящіеся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, политической и общественной жизни [1]. Само собою разумѣется, что я не дѣлаю никакого подбора и напечатаю все, что удалось розыскать, въ томъ числѣ и переписку, не предназначавшуюся къ опубликованію, хотя бы она и подавала поводъ къ разнымъ кривотолкамъ. Часть новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ я напечаталъ въ «Запискахъ харьковскаго университета». Не имѣя возможности лично заняться составленіемъ полной біографіи В. Н. Каразина и считая появленіе въ свѣтъ такого труда крайне желательнымъ (въ особенности въ виду скораго открытія памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ), я предложилъ студентамъ темою очереднаго сочиненія по русской исторіи для соисканія медалей вопросъ о жизни, общественной дѣятельности и значеніи В. Н. Каразина. На эту тему было представлено два сочиненія, изъ коихъ одно — студента Тихаго — было удостоено золотой медали, въ настоящее время печатается въ журналѣ «Кіевская Старина» и выйдетъ скоро отдѣльнымъ изданіемъ. Это — обстоятельная, крити-

---

[1] Свои поиски я дѣлалъ систематически, наводя справки во всѣхъ нашихъ архивохранилищахъ, не исключая и такихъ, доступъ въ которыя сопряженъ съ особыми затрудненіями. И съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія могу сказать, что мнѣ удалось найти цѣнные документы, лежавшіе подъ спудомъ болѣе 100 лѣтъ.

ческая монографія, дѣлающая честь усердію и добросовѣстности молодого автора.

Авторъ брошюры, оставивъ безъ разсмотрѣнія всѣ перечисленные выше труды, почему то дѣлаетъ исключеніе только для меня и, хотя я схожусь въ своей оцѣнкѣ со всѣми перечисленными выше авторами, выставляетъ меня *одного* виновникомъ распространенія въ обществѣ ложныхъ свѣдѣній о В Н. Каразинѣ. Такимъ образомъ брошюра г. И—ва посвящена не только развѣнчиванію общественныхъ заслугъ В. Н. Каразина, но и развѣнчиваніе моихъ заслугъ, какъ историка университета. Неутомимый изобличитель рѣшилъ, такъ сказать, одновременно убить двухъ зайцевъ и въ своемъ «произведеніи» «далъ, какъ выражается самъ, не одну, а двѣ повѣсти» — повѣсть о мнимомъ основателѣ харьковскаго университета В. Н. Каразинѣ и повѣсть объ историкѣ, сдѣлавшемъ изъ мухи слона. Не знаю, чѣмъ объяснить такое *исключительное* ко мнѣ вниманіе г. И—ва, но невольно напрашивается выводъ, что если бы *я* ничего не писалъ о В. Н. Каразинѣ, то не было бы и изобличенія послѣдняго, и вспоминается нѣмецкая пословица—da ist der Hund begraben! Пріемы изобличенія меня, какъ историка, столь же гомерически просты, какъ и пріемы «развѣнчиванія» В. Н. Каразина. Чтобы не утруждать себя непосильнымъ разборомъ моей «Исторіи харьковскаго университета», имъ очевидно, не прочитанной, авторъ брошюры роняетъ мимоходомъ о ней такой свой авторитетный приговоръ: «Опыты» Д. И. Багалѣя написанные такъ, что въ нихъ исторической правды и на волосъ не видно, не говоря уже о томъ, что такъ писать и грѣхъ и стыдно!» (стр. 32). Вышло даже нѣчто вродѣ стиховъ, очевидно, подъ вліяніемъ чувства или лирическаго настроенія критика. Къ сожалѣнію, г. И—въ не приводитъ въ пользу своего уничтожающаго приговора рѣшительно никакихъ доказательствъ, а немотивированное впечатлѣніе его было бы для меня интересно только въ томъ случаѣ, если бы подъ загадочными иниціалами И—въ скрывался дѣйствительно какой-либо извѣстный спеціалистъ, что однако, по содержанію брошюры, отнюдь недопустимо. Неужели мало-мальски серьезный ученый могъ высказать такое абсурдное положеніе, что въ двухтомномъ сочиненіи, состоящемъ изъ 2300 страницъ текста, основанномъ почти исключительно на офиціальныхъ данныхъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ и т. п., не оказалось ни на волосъ правды, когда въ большинствѣ случаевъ авторъ вмѣсто своихъ словъ приводитъ прямо

in exstenso эти документы? И какого же наивнаго и довѣрчиваго читателя г. И—въ имѣлъ въ виду при составленіи своей брошюры? Вѣдь, его «повѣсть», очевидно, недалеко ушла отъ сказокъ про Бову королевича и Еруслана Лазаревича. И развѣ возможно мнѣ, работавшему 12 лѣтъ надъ этими 2 томами и получившему уже оцѣнку 1-го изъ нихъ отъ Академіи наукъ. отвѣчать на такую (sit venia verbo!) «критику»?!

Впрочемъ, для опроверженія «новыхъ взглядовъ» г. И—ва мнѣ нѣтъ надобности пользоваться своими сочиненіями о В. Н. Каразинѣ. Мы можемъ совершенно устранить ихъ, такъ же точно, какъ и свидѣтельства самого В. Н. Каразина, и, пользуясь однѣми старыми работами Н. А. Лавровскаго, которыя не только не опровергаются г. И—вымъ, а, наоборотъ, служатъ главнымъ его источникомъ въ вопросѣ объ основаніи харьковскаго университета, рѣшить вопросъ о томъ, какова была роль В. Н. Каразина въ этомъ дѣлѣ.

Съ какимъ научнымъ багажомъ выступаетъ авторъ брошюры?

Съ самымъ скуднымъ и совершенно недостаточнымъ для рѣшенія поставленной себѣ имъ задачи. Главнымъ матеріаломъ для него служили пособія (въ особенности Н. А. Лавровскій) и въ самой ничтожной степени собственныя сочиненія В. Н. Каразина. А какъ можно изучать писателя, не зная его мыслей?

До какой степени доходитъ невѣжество автора въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ смѣло и рѣшительно разрѣшаетъ, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Чтобы отвергнуть во что бы то ни стало заслуги В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета, онъ силится доказать, что Харьковъ 1800—1802 гг. и самъ по себѣ, безъ В. Н. Каразина, могъ быть избранъ мѣстомъ для учрежденія университета, и прибавляетъ, что «здѣсь уже существовали серьезные разсадники просвѣщенія — коллегіумъ, главное училище и семинарія» (стр. 11). Но кому же неизвѣстно, что коллегіумъ и семинарія это одно и то же учебное заведеніе, а не два разныхъ, что въ Харьковѣ тогда былъ только коллегіумъ, переименованный въ семинарію въ 1841 году, и что, слѣдовательно, въ Харьковѣ было тогда не три, а только двѣ среднихъ школы. Очевидно, авторъ брошюры не только не заглядывалъ въ прекрасную монографію о харьковскомъ коллегіумѣ проф. А. С. Лебедева, но даже и въ 1-ю главу моего «Опыта исторіи харьковскаго университета» (т. 1-й), гдѣ также говорится о коллегіумѣ; это, однако, не помѣшало ему высказать о немъ уничтожающій при-

говоръ! Недостатокъ данныхъ авторъ брошюры восполняетъ смѣлостью заключеній; здѣсь для него не существуетъ никакихъ затрудненій; здѣсь полетъ его фантазіи безграниченъ. Впрочемъ необходимо сдѣлать оговорку: фантазія его работаетъ всегда только въ одномъ направленіи—обличительно-ругательномъ, но зато здѣсь она не знаетъ удержу. Гдѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, онъ выдумываетъ отъ себя, сочиняетъ. Гдѣ есть отрицательныя, неудобныя для него данныя—онъ сознательно умалчиваетъ о нихъ. Гдѣ есть и положительныя, и отрицательныя данныя, онъ беретъ только тѣ, которыя ему нужны, нанизывая ихъ на свою предвзятую тенденцію.

Но самый излюбленный его пріемъ—это гипербола, которою онъ пользуется постоянно, смѣло и систематически и переходя въ область совершенно неправдоподобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грубаго, неприличнаго; къ этому у него особенное тяготѣніе, и мы не находимъ у него даже самой элементарной научной добросовѣстности; вездѣ преувеличеніе или искааженіе истины; нѣтъ даже добросовѣстнаго изложенія чужихъ изслѣдованій. свойственнаго и научно-популярнымъ трудамъ. Вся его брошюра отъ первой до послѣдней страницы представляетъ сплошное отрицаніе элементарнѣйшихъ требованій научной критики, рядъ умолчаній, недомолвокъ, произвольныхъ толкованій текста, явныхъ преувеличеній. Перефразируя слова автора брошюры, можно сказать, что это именно онъ сдѣлалъ изъ мухи слона, раздулъ недостатки В. Н. Каразина, которые были отмѣчены въ предшествующей литературѣ, широко и безъ всякой критики использовавъ тѣ пересуды и сплетни, которые ходили о В. Н. Каразинѣ и отъ которыхъ не можетъ гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а въ особенности такая сложная, какъ В. Н. Каразинъ, исполненная противорѣчій,—смѣси выдающихся достоинствъ и значительныхъ недостатковъ.

Пересуды и сплетни современниковъ В. Н. Каразина, конечно, понятны, но не извинительны въ устахъ автора, выступающаго въ роли историка.

Авторъ брошюры силится доказать охарактеризованными выше пріемами, что В. Н. Каразинъ ни при чемъ въ основаніи харьковскаго университета. Единственно несомнѣнная услуга, которую Каразинъ оказалъ харьковскому университету, замѣчаетъ авторъ (стр. 17), состояла въ томъ, что онъ приказалъ прибить къ университетскому дому доску съ надписью—Государственный университетъ. В. Н. Каразинъ, по его словамъ, не повліялъ даже на выборъ Харькова, какъ

мѣста для университета. А вотъ что говоритъ по этому поводу Н. А. Лавровскій: «Каразинъ, состоявшій въ должности правителя дѣлъ сначала въ коммиссіи училищъ, а потомъ и въ главномъ правленіи училищъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому, имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для университета въ пользу Харькова» (стр. 59). Въ доказательство вліянія, какимъ пользовался В. Н. Каразинъ въ главномъ правленіи училищъ, Н. А. Лавровскій ссылается на то, что при обсужденіи проекта общаго устава университетовъ принято было за основаніе его предначертаніе университетскаго устава, служившее началомъ имъ же составленнаго предначертанія устава объ общественномъ воспитаніи. (Ibidem). Авторъ же брошюры отрицаетъ всякое вліяніе В. Н. Каразина въ этихъ учрежденіяхъ, презрительно называя его письмоводителемъ и письмоводцемъ.

О выборѣ Харькова для университета Н. А. Лавровскій высказываетъ такое категорическое сужденіе. «Выборъ незначительнаго тогда во всѣхъ отношеніяхъ Харькова для южнаго университета, помимо старѣйшаго и представлявшаго дѣйствительно важныя преимущества Кіева [1]) объясняется еще болѣе, независимо отъ общаго вліянія Каразина на ходъ сужденій объ этомъ предметѣ въ главномъ правленіи училищъ, весьма значительными для того времени пожертвованіями, какія поспѣшилъ сдѣлать Харьковъ».

Въ указѣ 24 января (1803 года) прямо сказано, что университетъ учреждается въ Харьковѣ «во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи» (стр. 59—60). Авторъ брошюры отрицаетъ тотъ очевидный фактъ, что именно В. Н. Каразинъ подвинулъ дворянское общество на «патріотическое пожертвованіе». А Н. А. Лавровскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: «*Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и гражданъ Харьковской губерніи принадлежитъ тому же Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является на всѣхъ пунктахъ единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета; безъ него это назначеніе, конечно, никому и въ голову не пришло бы, даже Чарторижскому, Фуссу и Озерецковскому; такимъ горячимъ участіемъ Кара-*

[1]) Конкуррентомъ Харькова являлся Кіевъ.

зинъ навсегда связалъ свое имя съ основаніемъ харьковскаго университета» (стр. 60).

Далѣе Н. А. Лавровскій разсказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояли В. Н. Каразину въ Харьковѣ, во время дворянскаго собранія 11-го августа 1802 года. «Это было торжественное собраніе, говоритъ онъ, весьма знаменательное въ существованіи харьковскаго университета, *какъ исходная точка его исторіи»* (стр. 64). И судьбу пожертвованій рѣшила, по словамъ Н. А. Лавровскаго, именно страстная рѣчь В. Н. Каразина и все то, что ее сопровождало. «Имъ руководило страстное воодушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не былобъ и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно и означено въ Высочайшемъ указѣ 24 января объ устройствѣ училищъ» (стр. 65). О томъ, что дворянское пожертвованіе ускорило открытіе университета въ Харьковѣ, упоминается и въ утвердительной грамотѣ его (5 нояб. 1804 г.), гдѣ читаемъ: «Учреждая новый образъ существованія училищной части въ Имперіи, съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣли мы поревнованіе слободско-украинскаго дворянства и гражданства, которые, ускоривъ вѣрноподданническимъ прошеніемъ объ устроеніи въ Харьковѣ университета, отъ собственныхъ стяжаній въ пользу онаго принесли государству достойное признательности нашей и вѣчной памяти потомковъ пожертвованіе» (стр. 75—76).

Документальными данными доказываетъ Н. А. Лавровскій живѣйшее участіе В. Н. Каразина во всемъ дѣлѣ учрежденія университета въ Харьковѣ

Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, говоритъ Н. А. Лавровскій, что всѣ дѣла по устройству университета попечителемъ первоначально предоставлены были Каразину, такъ что во все время, отъ начала 1803 до 11 апрѣля 1804 года (день перваго засѣданія комитета правленія) онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета на первое время всѣмъ необходимымъ (стр. 77). Далѣе Н. А. Лавровскій сообщаетъ, что сотрудникомъ его сдѣлался проф. Тимковскій. Авторъ брошюры, основываясь исключительно на

статьѣ Н. А. Лавровскаго, приходитъ къ выводу о «явной преступности Каразина въ *растратахъ* университетскихъ суммъ», (стр. 21), обвиняетъ его въ попыткѣ *«прикарманить»* 4,000 руб. университетскихъ суммъ, *присвоеніи* денегъ Каретникова и пожертвованія Захаржевскаго (стр. 19). Но что же дѣйствительно говоритъ объ этомъ самъ первоисточникъ обличителя—Н. А. Лавровскій?

На основаніи имѣвшихся у него документальныхъ данныхъ, онъ ни слова не говоритъ ни о *растратѣ* университеткихъ суммъ, ни о попыткѣ *прикарманивать* ихъ, ни о *присвоеніи* денегъ Каретникова и Захаржевскаго. Онъ отмѣчаетъ только замѣшательство въ денежныхъ разсчетахъ съ В. Н. Каразинымъ, явившееся результатомъ его «патріархальнаго обращенія съ казенными денежными суммами, его непрактичности и самонадѣянности (стр. 82). Изъ дальнѣйшаго выясняется, что подъ этимъ «патріархальномъ обращеніемъ съ казенными суммами» онъ разумѣлъ исключительно недостатки счетоводства, бухгалтеріи, а не отсутствіе безкорыстія. Вотъ его подлинное выраженіе. «Такая путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ нашего перваго дѣятеля въ пользу харьковскаго университета. *Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина*, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скоро обнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты» (стр. 84).

Покупку эстамповъ Н. А. Лавровскій называетъ «непроизводительной растратой денегъ» въ смыслѣ нераціональнаго употребленія; но самъ же доказываетъ, что уплату для нихъ Аделунгу сдѣлалъ В. Н. Каразинъ изъ своихъ средствъ и потому былъ правъ, когда добивался возвращенія себѣ всей этой суммы. Что же касается другихъ денегъ, которыя хотѣли вычесть изъ этой суммы, то на 2,000 руб., взятыхъ изъ городской думы, В. Н. Каразинъ выдалъ росписку и затѣмъ вручилъ ихъ на расходы по университету своему довѣренному лицу Шишкину. И на то, чтобы эти деньги не были возвращены имъ думѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній въ документахъ.

То же самое произошло и съ 2.000 руб., взятыхъ у Аникѣева— нѣтъ указаній, чтобы они не были истрачены на нужды университета, а В. Н. Каразинъ обязался вернуть ихъ университету, когда окончательно ликвидировались его сложные счеты съ этимъ послѣднимъ. То же самое нужно сказать и о деньгахъ Донца-Захаржевскаго. Каретникову онъ выслалъ деньги, но не получилъ отъ него росписки.

Отсутствіе средствъ, необходимыхъ на расходы, сопряженнные съ мѣрами къ скорѣйшему открытію университета, невольно заставляли В. Н. Каразина прибѣгать къ такимъ позаимствованіямъ и даже затрачивать собственныя средства въ экстренныхъ случаяхъ, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ съ ремесленниками, которымъ онъ выдалъ первоначально изъ своихъ денегъ болѣе 9½ тыс. руб. Конечно, это ставило его въ затруднительное положеніе, потому что собственныя средства его были довольно скудныя. Неожиданное устраненіе отъ дѣлъ въ разгаръ хозяйственной дѣятельности еще болѣе усложнило денежные счеты В. Н. Каразина съ университетомъ—вотъ почему ихъ трудно было распутать правленію и совѣту. Такимъ образомъ, вышеприведенныя обвиненія автора брошюры явно пристрастны, ибо не доказаны, а между тѣмъ порочатъ честь и доброе имя В Н. Каразина.

Столь же недобросовѣстно поступаетъ авторъ брошюры, совершенно умалчивая о томъ, какъ опредѣлилъ роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета самъ *университетъ*. Предумышленность умолчанія его доказывается тѣмъ, что онъ позаимствовалъ у Н. А. Лавровскаго извѣстіе о выборѣ В. Н. Каразина въ почетные члены харьковскаго университета, но ни единымъ словомъ не упомянулъ о той спеціальной мотивировкѣ, которая была сдѣлана по этому поводу Совѣтомъ А въ ней-то и заключается вся сила. Ad hunc virum eligendum, говорится въ протоколѣ, Senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta» (стр. 101), т. е. къ выбору этого мужа Совѣтъ былъ подвинутъ, кромѣ его превосходныхъ выдающихся познаній, также чувствомъ благодарности, ибо *единственно его заботѣ и труду нужно приписать то, что университетъ былъ учрежденъ въ Харьковѣ.*

Не менѣе опредѣленно професора и преподавателя харьковскаго университета выразили свой взглядъ на его роль въ дѣлѣ основанія

харьковскаго университета въ 1833 году, о чемъ также сообщилъ Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ, прочитанной въ торжественномъ университетскомъ собраніи по поводу столѣтія со дня рожденія В. Н. Каразина. Узнавъ о денежномъ взысканіи. предъявленномъ къ В. Н. Каразину гр. Подгоричани, они собрали между собою добровольно 1280 р. въ его пользу, «движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ Каразину, какъ *первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета*, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству» (Ж. М. Н. П. 1873, февраль, стр. 310). Такое же признаніе заслуги В. Н. Каразина передъ университетомъ и *городомъ* Харьковомъ мы находимъ и въ третьемъ документѣ, опубликованномъ Н. А. Лавровскимъ и относящемся къ тому же 1833 году. О немъ, однако, также умолчалъ авторъ брошюры. Вотъ этотъ документъ: «Увѣдомился я, писалъ харьковскій городской голова А. Мотузокъ предсѣдателю харьковской гражданской палаты, что ст. сов. В. Н. Каразинъ имѣетъ въ слободской украинской гражданской палатѣ дѣло; къ окончанію онаго потребна сумма въ 2000 р. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ *труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ* блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго монарха *Александра I объ учрежденіи въ Харьковѣ университета*; который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ свое состояніе—сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, мил. госуд., прошу оную сумму принять и употребить по дѣлу выше прописанному». (Ib.). Спрашивается: имѣетъ ли авторъ брошюры самое минимальное стремленіе къ исторической правдѣ и справедливости, если, при вполнѣ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о роли В. Н. Каразина въ основаніи харьковскаго университета, не только не опровергнулъ этихъ основныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ не В. Н. Каразину, а двумъ коллегіямъ, но сознательно умолчалъ о нихъ, дабы ввести въ заблужденіе своихъ читателей? Какъ назвать такой пріемъ? И можно ли причислить его брошюру къ разряду историческихъ трудовъ? Конечно, нѣтъ!

Подобно тому какъ для возстановленія нарушенной авторомъ брошюры истины о роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета намъ достаточно было напомнить содержаніе неизвѣстной широкой публикѣ статьи Н. А. Лавровскаго [1]), такъ точно и для опроверженія его характеристики В. Н. Каразина, какъ общественнаго дѣятеля, достаточно обратиться къ тому же Н. А. Лавровскому. И теперь его заключеніе остается въ силѣ, несмотря на произвольныя обличенія г. И—ва. Вотъ какъ характеризуетъ В. Н. Каразина Н. А. Лавровскій. «В. Н. Каразинъ, *какъ бы ни судили о немъ*, безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей начала нашего вѣка. Уже одна его близость къ Императору Александру, *доходившая до дружескихъ отношеній*, особенно въ то время, когда мы переживали въ мѣсяцы больше, чѣмъ прежде въ цѣлые годы, одно участіе его въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и университетовъ и вообще въ начертаніи новой образовательной системы, достаточно объясняютъ значеніе его дѣятельности для того времени и способны возбудить въ ней живѣйшій интересъ. Можно указывать на недостатки его характера, на преобладаніе фантазіи надъ умомъ, чѣмъ и объясняются всѣ его увлеченія и крайности, на недостатокъ практическаго житейскаго такта, на его самонадѣянность, заносчивость, неровность въ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, вообще на недостатки, отъ которыхъ прежде всего и больше всего приходилось страдать ему самому, но при самомъ легкомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ его дѣятельностью, а также съ нѣкоторыми напечатанными его сочиненіями, невозможно отказать ему, съ одной стороны, въ искреннемъ, горячемъ, подчасъ восторженномъ отношеніи къ каждой занимавшей его мысли и въ глубокомъ патріотическомъ чувствѣ, а съ другой—въ основательности и многосторонности его образованія, рѣдкихъ въ то время и дѣлавшихъ его вполнѣ достойнымъ того положенія, которое такъ внезапно выпало ему на долю въ самомъ началѣ новаго царствованія. Можно часто не соглашаться съ его мыслями, но нельзя не уважать ихъ искренности и тѣхъ побужденій, изъ которыхъ они исходили, и нельзя не пожалѣть, что оффиціальная его дѣятельность

---

[1]) Она помѣщена была болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ спеціальномъ журналѣ и отдѣльнымъ изданіемъ не выходила.

прекратилась такъ быстро. При ближайшемъ точнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною личностью, можно встрѣтиться и съ нѣкоторыми уклоненіями ея отъ прямыхъ путей, и это естественно: кто можетъ похвалиться безупречностью и безусловною чистотою своихъ дѣйствій?» (стр. 57—58).

Въ специальной статьѣ о В. Н. Каразинѣ [1]), какъ о замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ вообще, Н. А. Лавровскій даетъ слѣдующую основу для оцѣнки его значенія. «Дѣятельность каждаго человѣка, великая и малая, съ ея средствами и цѣлями, оцѣнивается съ нравственной точки зрѣнія, прежде всего чистотою своихъ побужденій, достоинствами руководящей его идеи. Чѣмъ возвышеннѣе эти побужденія, чѣмъ рѣшительнѣе возвышаются они надъ частными и личными интересами и проникаются интересами общими; чѣмъ больше вносится въ эту дѣятельность жизни, страсти, самопожертвованія, чѣмъ полнѣе и цѣльнѣе она охватываетъ всѣ силы и способности человѣка, тѣмъ выше достоинство самой дѣятельности... Эти общія замѣчанія полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ общественной дѣятельности Каразина. Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ его записокъ, мнѣній, писемъ—къ сожалѣнію немногаго сравнительно съ тѣмъ, что остается еще не обнародованнымъ—можно, кажется, вывести то заключеніе, что онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, что онъ былъ одушевленъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва ли позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы, большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться, имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка»...

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ В. Н. Каразина по существу, Н. А. Лавровскій прежде всего останавливается на его извѣстномъ письмѣ къ Императору Александру I, которое заключало его

---

[1]) Статья эта извѣстна автору брошюры; ее онъ цитируетъ на стр. 10—11.

profession de foi, и характеризуетъ его такъ: «На *что* же надѣялся и *чего* ожидалъ отъ новаго царствованія Каразинъ вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ явился представителемъ? Онъ ожидалъ отъ наступившаго царствованія непреложныхъ законовъ, вмѣстѣ съ государственнымъ постановленіемъ, составленнымъ «совѣтомъ мужей мудрыхъ, окружающихъ престолъ, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ... Онъ ожидалъ *праваго суда*, предоставленнаго избраннымъ изъ народа, суда при открытыхъ дверяхъ, съ правомъ тяжущихся публиковать опредѣленія.

Онъ ожидалъ улучшенія финансовъ и доведенія ихъ до избытка государственнаго не посредствомъ умноженія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей каждаго *по непреложному размѣру*... Онъ ожидалъ всевозможнаго распространенія въ народѣ воспитанія и образованія... Онъ ожидалъ *человѣческихъ правъ для помѣщичьихъ крестьянъ...*» (стр. 295—296). Иными словами, слѣдовательно, онъ выставилъ такую политическую и соціально-экономическую программу, какая выдвинута только теперь переживаемымъ нами историческимъ моментомъ и современнымъ общественно-освободительнымъ движеніемъ.

«Такіе идеалы, опереживающіе время, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, обыкновенно напечатлѣваются неизгладимыми чертами въ памяти народовъ и свято чтутся, какъ свидѣтельства великихъ дарованій, двигающихъ ихъ впередъ» (стр. 297).

Въ заключеніе своего обзора Н. А. Лавровскій высказываетъ мысль о необходимости постановки памятника В. Н. Каразину (стр. 311).

Итакъ, устранивъ свидѣтельства самого В. Н.Каразина и свои собственныя работы о В. Н. Каразинѣ, простыми справками изъ двухъ статей Н. А. Лавровскаго, основанными на документальнныхъ данныхъ и не опровергнутыхъ авторомъ брошюры, я достаточно показалъ читателю всю произвольность и бездоказательность заключеній г. И—ва. Останавливаться на той части брошюры г. И—ва, гдѣ онъ, понадергавъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ и писемъ В. Н. Каразина, обвиняетъ его въ мошенничествѣ акціями Филотехническаго Общества, въ доносахъ, шпіонствѣ и т. п., я не буду. Утверждаю только, что и здѣсь авторъ доказываетъ свои положенія такими же пріемами, какіе мы видѣли раньше: онъ совершенно извращаетъ роль В. Н. Каразина въ Филотехническомъ Обществѣ, на нужды котораго тотъ истратилъ

19,000 рублей изъ собственныхъ средствъ; онъ называетъ доносами всѣ записки В. Н. Каразина, въ которыхъ тотъ бичевалъ недостатки тогдашняго строя, за что подвергался многократнымъ политическимъ карамъ [1]); онъ говоритъ о презрѣнiи къ В. Н. Каразину современниковъ, когда, наоборотъ, фактическiя данныя доказываютъ ихъ полное уваженiе къ нему; по пословицѣ «не любо не слушай...» онъ приписываетъ В. Н. Каразину нелѣпую мысль назначать преподавателями въ университетѣ выписанныхъ имъ мастеровыхъ; онъ выставляетъ его бóльшимъ ретроградомъ, чѣмъ былъ Магницкiй, основываясь на письмѣ къ Реману, которое въ полномъ своемъ видѣ не только не имѣетъ ничего общаго съ идеями гасителей образованiя, а, наоборотъ, является гимномъ просвѣщенiя и т. д.. Прибавлю къ этому, что вновь открытые мной многочисленные и достовѣрные матерiалы еще болѣе способны утвердить всякаго непредубѣжденнаго читателя въ положительныхъ заключенiяхъ о В. Н. Каразинѣ. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ: ими въ значительной мѣрѣ воспользовался добросовѣстный бiографъ В. Н. Каразина г. Тихiй, и я отсылаю интересующихся къ его монографiи. Но чѣмъ же объяснить такую произвольность выводовъ г. И—ва? Характеромъ его труда!

Это нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ.

«Памфлетъ — это небольшое литературное произведенiе публицистическаго и чаще всего вызывающаго личнаго характера»... Онъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ размышленiй и свѣдѣнiй о данномъ вопросѣ. Памфлетистъ не разсчитываетъ на спокойное объективное разсужденiе публики; его цѣль — общественная сенсацiя, безпокойство, пробужденiе недовольства. Произведенiе по преимуществу боевое, созданное въ минуту и для цѣлей политической борьбы. Памфлетъ чаще всего чуждъ соображенiй безпристрастiя

[1] Что же касается предложенiя быть „обсерваторомъ", то это вопросъ сложный, и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнiя, не принявъ во вниманiе условiй того времени и внутреннихъ побужденiй самого В. Н. Каразина, который во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его признанiя, гнушался доносовъ. Изъ недавно опубликованныхъ документовъ видно, что и А. С. Пушкинъ въ 1831 г. принялъ предложенiе „употребить свое перо для политическихъ статей", т. е, издавать оффицiозный журналъ, чтобы такимъ образомъ руководить общественнымъ мнѣнiемъ въ интересахъ правительства.

и умѣренности, не считаетъ нужнымъ щадить врага и слѣдуетъ правилу: на войнѣ всѣ правила хороши. Но памфлетъ рѣзко отличается отъ пасквиля какъ своей основной цѣлью, такъ и тѣмъ, что касается не личной жизни извѣстнаго лица, а общественной стороны его дѣятельности». Пасквиль — сочиненіе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для кого либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати. Цѣль его — злостная обида.

Брошюра г. И—ва носитъ на себѣ всѣ типическія черты памфлета, но безъ благородства побужденій, присущаго этого рода произведеніямъ; наоборотъ, она заключаетъ въ себѣ основную черту пасквиля — распространяетъ *ложныя*, позорящія добрую память покойнаго В. Н. Каразина свѣдѣнія.

Перефразируя заключеніе г. И — ва, мы можемъ сказать, что памятникъ В. Н. Каразину въ Харьковѣ будетъ достойнымъ увѣковѣченіемъ его памяти, а разбираемая брошюра — вѣчнымъ и заслуженнымъ позоромъ для ея автора. И авторъ — мы увѣрены въ томъ — изъ опасенія этого позора никогда не откроетъ своей фамиліи, никогда не украситъ заглавіемъ ея списка своихъ ученыхъ трудовъ, особенно если онъ былъ питомцемъ харьковскаго университета, каковымъ себя называетъ.

Проф. **Д. И. Багалѣй.**

Нові і перемінні зьвізди. Написав проф. д-ръ І. Полюй. *Трете доповнене виданнє. У Відні 1905. Стр. 1—121.*

Еслибы въ лежащей передъ нами книжкѣ только помѣщено было то, что сказано въ заглавіи, то мы не считали бы нужнымъ отмѣчать на страницахъ нашего журнала этой брошюры, популярно излагающей ученіе о новыхъ и перемежающихся звѣздахъ, т. к. во 1-хъ содержаніе ея выходитъ за предѣлы программы „Кіевской Старины", а во 2-хъ—брошюрка эта не является новинкой, а повторяется уже третьимъ изданіемъ. Оказывается, впрочемъ, что не всегда надо довѣрять заглавію книжекъ: въ данномъ случаѣ мы находимъ въ книжечкѣ значительно бо́льшую часть посвященною воспоминаніямъ автора о П. А. Кулишѣ и его супругѣ Ганнѣ Барвинокъ, и при томъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ очень интересными подробностями, касающимися жизни, литературной и общественной дѣятельности П. А. Кулиша. Не будемъ останавливаться на подробномъ изложеніи той восторженной характе-

ристики, которую встрѣчаемъ здѣсь на каждомъ шагу по адресу П. А. Кулиша, т. к. считаемъ, что для характеристики лицъ гораздо важнѣе знакомство съ фактическими указаніями ихъ дѣлъ и поступковъ, нежели лирическія изліянія друзей. Мы хотимъ познакомить читателя только съ тѣми фактами, которые встрѣчаемъ въ этой книжечкѣ.

Въ первыхъ главахъ, гдѣ разсказывается объ извѣстномъ хуторѣ Кулиша Мотроновкѣ (около Борзны), авторъ помѣщаетъ стихотвореніе Кулиша „Молитва", навѣянное звѣздной ночью на Украинѣ и посвященное д-ру Полюю. Стихотвореніе это, съ эпиграфомъ изъ оды Державина „Богъ", написано въ стилѣ Державинскомъ. Вотъ оно:

Всесильний! я Тобі молюся,
Молекул космоса Твого...
Де Ти, хто Ти,—даремне бьюся,
Ні, не збагну во вік сього!

——

Во вік науці не обняти
Всього, що Ти создав еси...
Даремно розум наш крилатий
Шукае краю небеси.

——

Знемігшися, на ту пилинку
Спускается, що ми звемо
Вселенною, що на хвилинку
Іі в імперіі рвемо.

——

І тут безодня животвору,
І тут премудрість без кінця...
Однаково горі і долу
Сияе світ Твого лиця

——

Молюсь, не дай мені з розпуки
Зректися розуму мого:
Нехай не гасне сьвіт науки
В промінних сяева Твого!

——

Нехай мій дух, в земній юдолі,
Не знижуется до зьвірят;

З Твоеі пресьвятоі волі
Нехай во віки буде сьвятъ!

Тутъ-же, впрочемъ, въ письмѣ Кулиша къ д-ру Полюю находимъ и другое стихотвореніе, тоже молитву, обращенную къ Шекспиру, къ которой авторъ молится, какъ говоритъ онъ, *від щирого серця,* но молитва эта напоминаетъ намъ тѣ научныя статьи автора, въ которыхъ многое такъ и просится поскорѣе забыть его для бо́льшей славы Кулиша. Авторъ обращается въ этой молитвѣ къ Шекспиру со словами:

Нехай нас укротить твоя душа велика:
Нехай покине нас козацька воля дика,
Що кровью тішилась, хвалилась пожарами,
Туманила людей брехливими вістями,
Піснями славила безумне гайдамацтво,
Кляла культурників, як людожерне панство.

Въ этихъ-же первыхъ главахъ помѣщено нѣсколько писемъ къ автору Ганны Барвинокъ, гдѣ сообщаются интересныя подробности то о переводѣ и печатаніи Св. Письма въ переводѣ Кулиша, то о судьбѣ хутора Мотронівки и будиночка Кулиша, пріобрѣтеннаго и перевезеннаго М. Н. Кочубеемъ въ с. Конашевку, для того чтобы устроить въ немъ украинскій музей имени Кулиша.

До сихъ поръ все въ этой книжечкѣ читается не безъ удовольствія, но съ стр. 72-й начинается защита П. А. Кулиша отъ нападковъ критики, главнымъ образомъ д-ра Франка, имѣвшаго смѣлость высказать свое сужденіе о достоинствѣ переводовъ Шекспировыхъ произведеній. Горячая защита д-ромъ Полюемъ положительно переходитъ черезъ край: не говоря уже о рѣзкихъ полемическихъ выходкахъ автора, иногда изъ писемъ Ганны Барвинокъ д-ръ Полюй сообщаетъ ни къ сему ни къ тому какіе-то факты, скорѣе похожіе на сплетни, набрасывающія даже тѣнь на личности. Дружба—великое дѣло, но защищая друга,—скажемъ мы д-ру Полюю,—нужно помнить, что въ литературной полемикѣ должны быть вполнѣ корректные пріемы.

В. Н—ко.

Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи. *Вып. I-ый. Полтава 1905 г.*

Полтавская Ученая Архивная Коммиссія, начавшая свою дѣятельность съ 26 октября 1903 года, недавно выпустила въ свѣтъ первый томъ своихъ трудовъ. Въ этомъ томѣ помѣщены краткіе протоколы всѣхъ засѣданій коммиссіи до 1905 года (ихъ было 12) съ указаніемъ тѣхъ текущихъ дѣлъ и рефератовъ, которые были обсуждены въ нихъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что во 2-ой половинѣ 1904 года энергія коммиссіи значительно уменьшилась, т. к. съ мая мѣсяца до конца года состоялось только два засѣданія.

Вслѣдъ за протоколами напечатаны ученые труды членовъ Коммиссіи: 1) *В. И. Василенка.* Къ исторіи размежеванія земель въ Полтавской губерніи; 2) *Н. Г. Максимова.* Церковь въ с. Запсельѣ во имя св. Николая; 3) *А. Ф. Мальцева.* Св. Ефремъ Переяславскій, строитель первыхъ больницъ въ Россіи; 4) *И. Ф. Павловскаго.* Къ исторіи Малороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Н. Г. Репнина (цылый рядъ замѣтокъ по архивнымъ даннымъ; часть ихъ была напечатана раньше въ нашемъ журналѣ); 5) *Л. В. Падалки.* Древнія земляныя сооруженія въ предѣлахъ Полтавской губерніи. Ч. 1-ая: о древнихъ городкахъ, городищахъ и насыпанныхъ валахъ (съ рисунками и картами).

Въ концѣ тома помѣщены приложенія: 1) Отчетъ по межеванію въ Полтавской губерніи; 2) Положеніе о размежеваніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ; 3) Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка; сообщ. *В. Л. Модзалевскій*; 4) Къ родословной Гоголей-Яновскихъ. Заканчивается этотъ томъ спискомъ членовъ Коммиссіи, почетныхъ и дѣйствительныхъ; первыхъ — 19, вторыхъ — 60.

Отъ души привѣтствуемъ появленіе 1-го выпуска трудовъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи, давшей въ первый годъ своего существованія нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, и выражаемъ полную надежду, что она въ будущемъ внесетъ много свѣта для изученія и разработки матеріаловъ родной намъ Полтавщины.

В. Н.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на одномъ украинскомъ преданіи, записаномъ Я. П. Новицкимъ и помѣщенномъ въ его обширной статьѣ «Съ береговъ Днѣпра», напечатанной въ изданномъ къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ «Сборникѣ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края». Я говорю о преданіи объ островѣ Перунѣ на Днѣпрѣ, представленномъ Я. П. Новицкимъ въ четырехъ редакціяхъ (стр. 75 — 76).

Приведу цѣликомъ первую редакцію преданія. — «Колысь — говоритъ оно — кажуть, змій бувъ на неби и литавъ по всёму свиту, ёго вси боялысь, а инчи и кланялысь ёму. Якъ узнавъ Богъ, що ёму поклоняются, взявъ и пооднимавъ крыльця; винъ упавъ зъ неба въ Днипро и поплывъ. Идолопоклонци биглы берегомъ и крычалы: «Перуне, Перуне, прыплывы до берега!» Прыплывъ винъ до острова, и показалась ёму глыбока нора; винъ туды и пропавъ. Видъ того часу прозвано остривъ Перуновымъ». Вторая редакція говоритъ, что на этомъ островѣ приплылъ «змій видкильсь зъ горы», т. е. съ верховьевъ Днѣпра. Когда онъ плылъ, то по одному берегу шли идолопоклонники и звали его на берегъ, а «другимъ выйшлы назустричъ православни и почалы молебствовать и заклынать. Де стоялы нашы съ корогвамы, туды винъ пидплывъ и ставъ...» Третья редакція преданія повѣствуетъ: «Якыйсьто, кажуть, богъ Перунъ плывъ Днипромъ и ёго хвылею выкынуло на остривъ; тутъ ёго заховано, а потимъ одкопано. На ёму, кажуть, було золота тры пуды, а самъ зробленный зъ дерева. Видъ того и остривъ

ставъ Перунъ. На Перуни, видъ Днипра есть нора: колысь, кажуть, жывъ тамъ змій и ёму носылы людей...» Наконецъ четвертая редакція передаетъ слѣдующее: «До Хрыстового рожденія, кажуть, жывъ тамъ (въ пещерѣ на Перунѣ) змій; винъ гарбавъ пидъ себе жинокъ и дивокъ, а мужей пожыравъ. Якъ Хрыстосъ народывся — змія проклявъ; а потимъ звоювавъ его якыйсь богатырь. У змія було, кажуть, тры головы и крыла. Винъ якъ летыть — освищае весь свитъ, а огонь такъ и палае».

Постараемся анализировать преданіе и привести на память извѣстные намъ историко-литературныя данныя. Первая, отчасти вторая и третья редакціи преданія близки къ разсказу начальной лѣтописи о низверженіи въ Кіевѣ идола Перуна подъ 987 годомъ: «Влекому же ему (Перуну) по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его неверни людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ... (Перунъ) пройде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть». Лѣтопись точно опредѣляетъ мѣстонахожденіе Перуновой Рѣни, за порогами, гдѣ находится нынѣшній островъ Перунъ. Третья редакція преданія присоединяетъ къ тому же лѣтописную подробность о матеріалѣ, изъ котораго былъ сдѣланъ Перунъ: «Володимеръ .. постави кумиры... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ...»

Хотя и является вопросъ, дошли ли всѣ подробности, сообщаемыя преданіемъ, до нашего времени путемъ устнымъ изъ глубины вѣковъ, или же здѣсь сказывается послѣдующее книжное вліяніе, что вполнѣ возможно, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что самая основа преданія не могла явиться въ народѣ въ послѣдующее время извнѣ, но жила въ немъ изстари. Вѣдь народная топографическая номенклатура очень крѣпка, чему доказательствъ въ нашей исторіи много, и во всякомъ случаѣ вслѣдствіе постороннихъ вліяній на народъ, каково вліяніе книжное, никогда бы островъ Перунъ не получилъ среди народа своего настоящаго имени. Такимъ образомъ необходимо заключить, что, съ одной стороны, фактъ, который имѣетъ въ виду преданіе, и фактъ, передаваемый лѣтописью, тождественны, и что, съ другой стороны, украинское преданіе объ островѣ Перунѣ столь же древне, какъ и лѣтописное извѣстіе о низверженіи Перуна. Словомъ, наше преданіе является отголоскомъ той эпохи русской исторіи, когда происходила смѣна язычества на христіанство.

Разсматривая далѣе преданіе, мы видимъ, что вторая его редакція близка къ новгородскому преданію о Юрьевскомъ скитѣ, именуемомъ въ народѣ *Перюньскимъ*. Преданіе говоритъ, что жилъ «звѣрь-зміяка», который каждую ночь „ходилъ спать въ Ильмень-озеро съ волховскою Коровницею. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился Володимеръ князь въ Кіевѣ... Сказалъ Володимеръ князь: „всей землѣ Русской — креститься“. Ну и Новгороду — тоже. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить. Новый городъ схватилъ Зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ; поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору—и къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью—да и на берегъ. Володимеръ-князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нѣтъ!“ [1]) Какъ въ новгородскомъ преданіи о борьбѣ христіанъ со змѣемъ Перуномъ, такъ и во второй редакціи украинскаго преданія, мы, исключивъ детали, видимъ одну и ту же основу: змѣй Перунъ останавливается, безсильный передъ проявленіями христіанской вѣры. Такъ какъ къ Новгороду относится также лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ о низверженіи въ этомъ городѣ идола Перуна, то является предположеніе о мѣстномъ новгородскомъ происхожденіи преданія о „звѣрѣ-зміякѣ“. Но посмотримъ на это дѣло съ другой стороны.

Прежде всего отвѣтимъ на вопросъ, почему Перунъ, какъ въ украинскомъ, такъ и въ новгородскомъ преданіи, является въ видѣ змѣя?

Для этого обратимся наконецъ къ четвертой редакціи украинскаго преданія объ островѣ Перунѣ. Элементы данной редакціи таковы: огненный змѣй, похищающій женщинъ и пожирающій мужчинъ, проклятіе змѣя свыше, и пораженіе змѣя богатыремъ. Здѣсь передъ нами тѣ же элементы, какіе входятъ въ сюжетъ былины о борьбѣ богатыря Добрыни Никитича со Змѣемъ-Горыничемъ. Относительно же этой былины В. Ѳ. Миллеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Былина о змѣеборствѣ Добрыни имѣетъ въ своемъ основаніи историческій фактъ, а именно—дѣятельность прототипа былиннаго героя, дяди князя Владиміра, по введенію христіанства въ Новгородѣ, что въ памяти народа сохранилось въ видѣ пословицы: „Путята крести мечемъ, а

[1]) В. Миллеръ: „Очерки рус. нар. слов.“ — стр. 147.

Добрыня огнемъ". Это доказывается религіозною окраскою былины и реминисценціею о сотрудникѣ Добрыни въ Новгородѣ, выразившеюся въ отчествѣ героини былины Запавы — *Путятична*. По эпическому шаблону борьба Добрыни съ язычествомъ отлилась въ сказаніе о борьбѣ его со змѣемъ, какъ въ духовныхъ стихахъ о святыхъ змѣеборцахъ Георгіи и Ѳеодорѣ Тиронѣ. Согласно съ тѣмъ же этическимъ шаблономъ въ былинѣ является героиня подъ именами—Запавы, Марфиды, Марьи Дивовны. Таковы положенія относительно былины о змѣеборствѣ Добрыни, установленныя проф. В. Ѳ. Миллеромъ.

При этомъ мы замѣтимъ, что, хотя мотивъ о змѣеборствѣ принадлежитъ къ международнымъ литературнымъ мотивамъ, однако мы не можемъ признать его исконною принадлежностью русскаго эпоса, а относимъ его происхожденіе на русской почвѣ къ христіанской эпохѣ. Многочисленныя иконы съ тѣмъ же сюжетомъ (о св. Георгіи), а также житія святыхъ давали большой просторъ вліянію мотива о змѣеборствѣ на русскій народный эпосъ. Гораздо позже, въ XVII в. къ предыдущему вліянію присоединилось вліяніе западно-европейской повѣсти, пользующейся до сихъ поръ симпатіями народа, что, впрочемъ, въ нашемъ случаѣ значенія не имѣетъ. Въ этотъ-то книжный мотивъ и облеченъ былъ фактъ какъ вообще борьбы христіанства съ язычествомъ на Руси, такъ въ частности фактъ борьбы съ язычествомъ Добрыни Никитича. Къ этому надо прибавить, что самую мысль олицетворить язычество во образѣ змѣя подавало тоже христіанство, символизировавшее дьявола въ видѣ змѣя, а язычество представлявшее въ фигурѣ дьявола, какъ то мы видимъ, напр., въ лѣтописи.

Гдѣ же указанные факты получили данное выраженіе, т. е. гдѣ возникла легенда о змѣѣ Перунѣ и борьбѣ съ нимъ? Въ частности гдѣ возникла былина о змѣеборствѣ Добрыни?

Проф. В. Ѳ. Миллеръ по этому поводу высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ, можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области, гдѣ ходили о Добрынѣ преданія, сложенъ прототипъ былины о змѣеборствѣ. У насъ нѣтъ данныхъ для положительнаго рѣшенія этого вопроса, но въ виду тѣсной исторической связи Новгородской области съ Кіевской въ XI, XII вѣкахъ и въ виду не меньшаго участія историческаго Добрыни въ новгородскихъ событіяхъ, чѣмъ въ кіевскихъ, можно думать, что эпическій Добрыня равно при-

надлежалъ и южному—кіевскому и сѣверному—новгородскому эпосу"[1]. Такъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ проф. Миллеръ. Но теперь, когда намъ извѣстно украинское преданіе о Перунѣ, мы съ большею опредѣленностью можемъ отвѣтить, что легенда о змѣѣ, олицетворявшемъ язычество, и о борьбѣ съ нимъ Добрыни—продуктъ кіевскаго поэтическаго творчества.

Къ такому отвѣту приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Легенда о змѣѣ Перунѣ, какъ олицетвореніи отжившаго свой вѣкъ язычества, скорѣе могла появиться въ болѣе просвѣщенной христіанствомъ, болѣе культурной Кіевской области, чѣмъ въ землѣ Новгородской. На югѣ книжное вліяніе было сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и книжные мотивы широкимъ потокомъ лились въ народную поэзію, выражаясь въ духовныхъ стихахъ, былинахъ, сказкахъ. Затѣмъ, детальный анализъ былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла опредѣленно свидѣтельствуетъ объ ихъ южномъ происхожденіи. Въ этомъ отношеніи нѣтъ исключенія и для былины о Добрынѣ Никитичѣ и его борьбѣ со змѣемъ. Поэтому болѣе основаній предполагать, что вся легенда о змѣѣ-Перунѣ и въ частности преданіе о борьбѣ съ нимъ Добрыни возникли на югѣ, а не на сѣверѣ. Что же касается новгородскаго преданія о змѣѣ Перунѣ, то по нашему мнѣнію оно въ эпическомъ отношеніи является отзвукомъ легенды южнаго происхожденія, но по своей сущности представляетъ воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ низверженія идоловъ, о чемъ говорятъ и лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ и названіе Юрьевскаго скита *Перюньскимъ*.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что въ украинскомъ преданіи объ островѣ Перунѣ мы имѣемъ отзвукъ древней легенды Кіевской области о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, выразившейся подъ вліяніемъ христіанскихъ мотивовъ въ фантастической формѣ, а въ четвертой редакціи этого преданія находимъ далекій отголосокъ древняго южнорусскаго былиннаго творчества.

Владиміръ Даниловъ.

Къ исторіи пребыванія монаховъ-траппистовъ въ Россіи. Въ 1799 г. въ Россію прибыло нѣсколько французскихъ эмигрантовъ—монаховъ и монахинь ордена de la Trappe. Монахи этого ордена были

---

[1]) Очерки, 148.

помѣщены на жительство въ Жидичинскій и Дерманскій базиліанскіе монастыри; причемъ первый изъ этихъ монастырей долженъ былъ отпускать ежегодно на содержаніе прибывшихъ траппистовъ 5250 р. с. а второй—3750 р. с. Монахинямъ-трапписткамъ былъ назначенъ Оршанскій (мужской) базиліанскій монастырь, и на ихъ содержаніе поступало опредѣленное число денегъ изъ разныхъ бѣлорусскихъ монастырей. Въ слѣдующемъ 1800 году, по удаленіи монаховъ-траппистовъ, суммы отпускавшіяся на ихъ содержаніе, въ общей сложности 14,200 р., были обращены, по Высочайшему повелѣнію, на устройство школъ для бѣдныхъ дѣтей [1]).

В. Страшкевичъ.

О пранадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. „1822 г. въ одномъ изъ засѣданій 2 Департамента Римск.-Католическ. Духовн. Коллегіи митрополитъ унитскихъ церквей устно заявилъ, что, какъ ему обстоятельно извѣстно, „со времени присоединенія Польши къ Россіи базиліане не посылали въ Римъ никого изъ юныхъ лицъ своего ордена. Тѣ же 4 молодыхъ человѣка, которые посылаемы были туда за польскаго владѣнія, принимали науки и имѣли содержаніе въ двухъ папскихъ семинаріяхъ (два въ Collegia de propaganda fide, а два въ Греческой коллегіи при церкви св. Аѳанасія). Ихъ посылали черезъ каждые три года бывшія тогда двѣ базиліанскія провинціи Литовская и Русская. Оный фундушъ весь былъ папскій подъ вѣдомствомъ кардиналовъ конгрегаціи de propaganda fide; а что касается дома, принадлежащаго вообще къ польскимъ базиліанамъ, сей былъ поданъ и записанъ кардиналомъ изъ фамиліи князей Барбариныхъ, при коемъ домѣ находилась и небольшая уніатская церковь. Въ немъ прежде жилъ іеромонахъ, избранный въ повѣреннаго (прокураторъ) для ходатайства по дѣламъ ордена, послѣ того доданъ былъ и другой ему іеромонахъ для содержанія ризницы. Еще до 1790 г. отправленный изъ Русской базиліанской провинціи іеромонахъ и нынѣ тамъ находится и по присоединеніи не возвратился, и никто больше туда посланъ не былъ. Нынѣ же кто онаго дома владѣетъ, тотъ ли самый іеромонахъ

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1817 г. № 17 по каталогу 2 департамента Римск.-Католич. Духов. Коллегіи.

или кто другой, о томъ никакого формальнаго извѣстія не имѣется, но достовѣрно, что оный домъ къ учебному составу не принадлежитъ, но фундованъ прямо для прокуратора. Юноши тамъ не помѣщались. По окончаніи наукъ возвращались къ своимъ монастырямъ снабженные аттестатами на ученыя степени по выдержаніи экзамена по Академическимъ уставамъ папскаго государства" [1]).

Этотъ докладъ внесенъ митрополитомъ въ виду сдѣланнаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представленія о томъ, что въ Римѣ будто бы находится принадлежащій базиліанскому ордену домъ, въ которомъ содержится 4 монаха, посылаемые туда изъ ордена для усовершенствованія въ наукахъ, и что домъ этотъ пользуется будто бы покровительствомъ Императора.

В. Страшкевичъ.

Пѣсня на освобожденіе отъ панщины — въ 1861 году. Пѣсня эта представляетъ собою одинъ изъ откликовъ украинскаго народа, или отъ лица народа, на великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Она составлена въ видѣ *пародіи* на слѣдующую очень распространенную въ Малороссіи старинную народную любовную пѣсню:

Котылыся возы зъ горы
Тай въ долыни сталы.
Любылыся-кохалыся, —
Теперь перестали.

Ой такъ! моя мыла!
Коханая—чорнобрыва!
Я зъ тобою жыть не буду, —
По викъ тебе не забуду!

Котылыся возы зъ горы —
Поломалысь спыци,
А вжежъ мени не ходыты —
На ти вечорныци.

Ой такъ — и проч.

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1822 г. № 54 по каталогу 2 Департ., Римск.-Католич. Духовн. Коллегіи.

Котылыся возы зъ горы —
Поломались ярма;
А вжежъ мени не ходыты —
Де дивчина гарна!

Ой такъ — и проч.

И еще дальше есть нѣсколько куплетовъ...

—

Нижеслѣдующая пародія на эту пѣсню, осуждающая и осмѣивающая панщину и ея жестокости,—записана нами въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевск. губ., въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, — отъ одного изъ кіевскихъ семинаристовъ.

Котылыся возы зъ горы,
Тай въ долыни сталы!
Паны дуже щыро былы, —
Теперъ — перестали.

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацьтвомъ не тужыты!
Ой такъ, дождалысь!
Тай утерлы комусь нисъ!

Ругалыся, згнущалыся,
Якъ сами хотилы, —
А мы мовчки та кризъ слезы
Панщину робылы!

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы ярма:
Вжежъ намъ бильше не ходыты
На панщину дарма!

Булы паны, що й праздныки
По поламъ дилылы.
Про тежъ саме намъ й сусиды
Часто говорылы.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы оси:

Вжежъ намъ дворни не выдаты,
Де голи та боси...

Еще боси у застольни
Якъ небудь-бы жылы;
А то въ поли — зъ отарою
Безъ чобитъ ходылы.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы спыци:
Вжежъ панамъ не заглядаты
Дивкамъ пидъ спидныци!

Инши туды заглядалы,
Якъ булы сердыти;
Більшъ же того, що робылы
Не за тымъ, щобъ быты...

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы швирни;
Нема панамъ прежнёй воли. —
Будутъ жинкы вирни!

Першъ бувало якъ дивчину
Панъ яку полюбыть, —
Женыть хлопця противъ воли,
Долю ёго згубыть!..

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацьтвомъ не тужыты!
Ой такъ — дождалысь!
Тай утерлы комусь нисъ...

Сообщ. **Л. М.**

Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря, 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южнорусскаго духовенства и Кіевской Академіи. По указу Ея Імператорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ учиненного въ Сенатѣ экстракта по прошенію Вашему и всего той епархіи духовенства, которымъ просили: 1) о подтвержденіи указами Ея Імператорского Величества, дабы свѣтскіе командиры какъ священно, такъ и церковно-служителей безъ

вѣдома духовныхъ управителей къ мірскому суду, по силѣ прежнихъ указовъ, не привлекали и насильно не брали; 2) о подтвержденіи прежде данной отъ великого Государя и Царя и великого князя Іоанна Алексѣевича и государя императора Петра Великаго и благовѣрной государыни Царевны Софіи Алексѣевны въ 7194-мъ году грамоты Гедеону Святополку князю Четвертенскому, митрополиту Кіевскому, на право тамошняго духовнаго чина и протчія въ Малой Россіи поведенія Ея Императорского Величества грамотою вновь; 3) чтобъ въ Малой Россіи духовного чина людямъ покупку и продажу, доброхотное даяніе грунтовъ и протчихъ угодей къ монастырямъ и церквамъ попрежнему дозволить; 4) о защищеніи въ Польской области благочестиваго духовенства, къ епархіи Кіевской принадлежащихъ, понеже нынѣ великія тяжести, озлобленіи и гоненіи отъ ляховъ оные благочестивые претерпѣваютъ, и ищутъ они ляхи крайняго святому благочестію искорененія, и многія святыя Церкви отъ благочестивыхъ уже отняли насильно и обратили на унію; 5) чтобъ прежде данныя Академіи Кіевской жалованныя грамоты подтвердить Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшею грамотою и во оную опредѣленную на учителей и для содержанія и возобновленія церкви и чинамъ повсегодную сумму по двѣсти рублевъ, которые велѣно изъ Малороссійскаго войскового скарбу по давному обыкновенію и указу 741 года состоявшемуся отпускать; 6) чтобъ монастырскимъ Кіевской епархіи на сей сторонѣ Днѣпра обывателемъ за понесенные во время прошедшей войны многія тягости и за издержанныя отъ монастыря подъ слѣдующі[illegible]сійского и турецкаго пословъ на наемъ подводъ деньги 3091 ру[illegible] копѣекъ въ податяхъ учинить облегченіе; *приказалъ*: по 1, о небраніи [illegible]ховныхъ персонъ подъ свѣтской судъ безъ сношенія съ духовнымъ Правительствомъ подтвердить въ Малую Россію, въ Генеральную Войсковую Канцелярію, и въ Кіевъ, и въ Слободскіе полки указами, дабы въ томъ съ духовными персоны поступано было по силѣ состоявшагося блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Імператора Петра Великаго на докладѣ Св. Синода 1721 года марта 15 дня и посланныхъ изъ Правительствующаго Сената въ губерніи въ подтвержденіе оного въ нынѣшнемъ 742 году въ іюлѣ мѣсяцѣ указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе надлежащаго по указамъ штрафа; по 2-му, съ Иностранною Коллегіею справиться по силѣ данной Его Преосвященству въ 7194 году на прежнія тамошняго духовнаго чина права и поведеніи грамоты другія въ подтвержденіе

даваны были ль, и въ которыхъ годѣхъ имянно, и на такомъ ли основаніи, какъ оная дана, или съ какими при томъ отмѣнами, и буде даны были, со оныхъ въ Правительствующій Сенатъ сообщить точныя копіи, и какъ получены будутъ, тогда доложить; по 3-му, духовному чину къ монастырямъ и церквамъ недвижимыхъ имѣній не покупать ни подъ какимъ видомъ и никакими сдѣлками въ поминовеніе вкладомъ никому не давать и не укрѣплять, ибо то состоявшимися въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ 728 году рѣшительными пунктами точно отрѣшено; по 4-му, о защищеніи и охраненіи обрѣтающихся въ Польской области благочестивыхъ церквей и духовенства разсмотрѣть и опредѣленіе учинить коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и что учинено будетъ, въ Сенатъ прислать извѣстіе; по 5-му, данную Кіевской Академіи грамоту со внесеніемъ во оную о повсягодномъ по силѣ Правительствующаго Сената 741 году октября 2 дня опредѣленія на учителей и на починку церквей и школъ изъ войскового скарбу по двѣсти рублевъ отпускѣ подтвердить и нынѣ опредѣленную сумму ежегодно отпускать (и сочиня оную, предложить Правительствующему Сенату къ подписанію); 6, что же Ваше Преосвященство съ тамошнимъ духовенствомъ просили о полегченіи монастырскихъ подданныхъ въ общенародныхъ податяхъ для понесенныхъ отъ 733 году въ бывшихъ военныхъ тамо обращеніяхъ ихъ тягостей, и объономъ объявить, дабы обождано было до того времяни, когда, по силѣ имяного Ея Імператорского Величества указу, состоявшагося въ прошломъ 1741 году декабря 15 дня о всѣхъ въ Малой Россіи въ то время понесенныхъ убыткахъ генерально разсмотрѣно будетъ. Преосвященному Архіепископу, и проч. [1]).

Примѣчаніе. По содержанію сего указа, ходатайство возбуждено было Кіевской Духовною Консисторіею, въ составъ которой входили: Кіево-Никольскій архимандритъ Назарій Солонина, Кіево-Михайловскій архимандритъ Сильвестръ Душницкій, архимандритъ Платонъ (Левицкій), Выдубецкій игуменъ Гавріилъ (Леопольскій), Кирилловскій игуменъ Германъ (Конашевичъ), Кіево-Софійскій Намѣстникъ Іеронимъ (Миткевичъ), іеромонахъ Варсоноѳій Гуторовичъ, катедральный писарь іеромонахъ Модестъ (Стефановичъ) и архидіаконъ Викентій.

[1]) Книга указовъ въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи за 1743 годъ, № 11.

Представленіе о семъ архіепископа Рафаила Заборовскаго подписано 9 мая 1742 года и послано въ Москву къ отправившемуся туда для поздравленія Императрицы, архимандриту Кіево-Братскаго монастыря и ректору Кіевской Академіи Сильвестру Кулябкѣ[1]).

Сообщ. Проф. **Н. Петровъ.**

„Стужа" въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. Мартъ 1748 года выдался въ Малороссіи настолько холодный, что отъ „безмѣрной стужи" не только погибла масса скота, но были и человѣческія жертвы. Имѣются данныя о количествѣ погибшихъ людей и скота въ Полтавскомъ полку, гдѣ, какъ кажется, „стужа" была особенно сильна. Отъ этой мартовской „безмѣрной стужи" въ Полтавскомъ полку „змерзло" 10 человѣкъ, а скота погибло — 416 лошадей, 5485 головъ рогатаго скота и 72364 овецъ. Особенно сильна стужа была, надо полагать, въ сотнѣ „Керебердянской" (Келебердянской), гдѣ погибло—2 человѣка, 86 лошадей, 1733 головы рогатаго скота и овецъ — 16287. Были жертвы и въ самомъ городѣ Полтавѣ — 1 человѣкъ, 24 лошади, 360 головъ рогатаго скота и 2158 овецъ. Донося объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, малороссійская генеральная войсковая канцелярія добавляла: „небезупователно, что от той стужи і в других малороссійских полках таковъ же убытокъ послѣдовал", — только о другихъ полкахъ канцелярія не располагала цифровыми данными. (Моск. Арх. Министерства Юстиціи, № 151/1878).

Вл. П—ко.

Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1715—1717 г.г.). Какъ извѣстно, съ 1712 года стали расквартировываться въ Малороссіи великорусскіе полки. Помимо, конечно, цѣлей чисто экономическихъ, подъ этимъ фактомъ скрывалось желаніе правительства исключить всякую возможность повторенія тѣхъ событій, которыя совершились въ Малороссіи въ 1708—1709 годахъ... Поводъ къ такой мѣрѣ подалъ Шереметьевъ: по замѣчанію малоросс.

---

[1]) Тамъ-же.

лѣтописца, «въ року 1712 какъ сталъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ съ дивизіею своею на вѣнтер-квартирахъ въ Малой Россіи, с позволенія гетмана Скоропадского, такъ и по всякій годъ начала армия великороссійская въ Малороссіи имѣть зимніе квартири и сустентацію на себе и коней от обивателей получать» [1]). Продовольствіе всѣхъ этихъ войскъ и ихъ лошадей возложено было на всѣхъ обывателей; какъ самый провіантъ, такъ и доставка его были безъ платы со стороны правительства; мука, крупа, овесъ, сѣно, сало и пр. должны были доставляться въ натурѣ. Для сбора продовольствія на консистентовъ были учреждены въ полкахъ и сотняхъ коммиссары, которые должны были собирать съ обывателей «порціоны и раціоны»... Само собой разумѣется, что стоянка великорусскихъ войскъ въ Малороссіи ложилась тяжкимъ бременемъ на народъ, который имѣлъ на своихъ плечахъ еще и державцевъ; къ тому-же при пріемкѣ и доставкѣ провіанта имѣла мѣсто масса злоупотребленій со стороны русскихъ офицеровъ, сопровождавшаяся надругательствами и насмѣшками надъ малороссіянами [2]). Понятно поэтому, что Скоропадскій, подавая въ 1722 г. челобитную Петру Великому, въ первомъ ея пунктѣ поставилъ просьбу объ отмѣнѣ „стаціи", „ибо, писалъ онъ, такъ козаки, яко и посполитые остались малочислены, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити и по званію своему Вашему Величеству служити" [3]). Небезъинтересно поэтому привести цифры, въ которыхъ выражалась эта повинность малороссіянъ, — содержаніе великорусскихъ полковъ.

„Вѣденіе, сколко чрез тры года, 1715, 1716 и 1717, въ лѣтніе мѣсяцѣ од людей рейменту нашего на полки армейскіе, зде консистуючіе, видано провіанту, якихъ консистентовъ монаршимъ указомъ, в премощнѣйшихъ его царского пресвѣтлого величества грамотахъ изображеннимъ провіантомъ з магазеновъ кгуберніи кіевской в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ велено сустентовать, да онихъ не сустентовано".

1-mo. Року 1715. Въ семъ выжей намѣненномъ року виданый на два мѣсяцѣ лѣтніе провіантъ декляровалъ словесно его княжое сіателство господинъ Димитрій Михайловичъ Голицинъ, кгубернаторъ

---

[1]) Краткое описаніе Малороссіи, стр. 211, изд. 1878 г.

[2]) См. Маркевичъ. II, стр. 541—43.

[3]) Маркевичъ. III. 338.

кіевскій, приняти в зачотъ за Камянозатонскій; когда ѣхалъ его сіятелство до Санктъ Пѣтербурха, и мы на встрѣть посилали тогда до Конотопу пана писара нашого войскового енералного в року 1717, хочай тотъ провіантъ прежде указовъ сенатскихъ и прежде листовъ кгубернаторскихъ подлугъ енералного расположенія виданъ:

На одинадцать полковъ, рахуючи в томъ же числѣ главный коммѣссаріатъ, полевую аптеку и инные придатки за полкъ, видано провіанту на два лѣтніе мѣсяцѣ:

Муки четверичковъ (якихъ в четверти осмъ числится) — 52800; з того чинитъ четвертей — 6600.

Крупъ на одного человѣка по два кгарци в мѣсяцъ, виноситъ за два мѣсяца кгарцовъ — 52800; з того числа кгарцовъ чинитъ четверичковъ — 6600; з четверичковъ виноситъ четвертей — 825.

Соли по два фунти на человѣка в мѣсяцъ, виноситъ на два мѣсяци фунтовъ — 52800; з того чинитъ каменей – 1320 [1]).

Сала по пятнадцять фунтовъ на одного человѣка в мѣсяцъ, виноситъ на два мѣсяцѣ фунтовъ — 396000; з того чинитъ каменей — 9900.

2-do. Року 1716. На одинадцять же полковъ армейскихъ видано на пять лѣтныхъ мѣсяцей:

Муки четверичковъ 132000; з того чинитъ четвертей—16500.

Крупъ кгарцей виноситъ — 132000; з того чинитъ четверичковъ—16500; з того четвертей—2062 и четверичковъ—4.

Соли фунтовъ—132000; з того чинитъ каменей—3300.

Сала фунтовъ—1980000; з того чинитъ каменей — 49500.

В. В сихъ виражениыхъ рокахъ были полки в комплетѣ и числилося в нихъ людей—13200, которіи всѣ вижей спецѣфікованную муку, крупи, соль и сало получали.

3-tio. Року 1717. На девять армейскихъ полковъ, в которихъ комплетъ чинилъ людей 10800, такожъ видавано в лѣтніе мѣсяцѣ на шесть, а поневажъ з тихъ же полковъ было коммендеровано на работу людей—2400 (которимъ в дорогу такожъ на мѣсяцъ провіанту

---

[1]) Слѣдовательно, *камень* (единица вѣса, употреблявшаяся въ старой Малороссіи) равнялся 40 фунтамъ.

видано),—теды на 8400 тилко провіантъ даванный на шесть мѣсяцей зде числится, а именно видано:

Муки четверичковъ - 100800; з того чинитъ четвертей—12600.

Круповъ кгарцей—100800; з того четверичковъ виноситъ--12600; з тихъ чинитъ четвертей—1575.

Соли фунтовъ—100800; з того чинитъ каменей—2520.

Сала фунтовъ—864000; з того чинитъ каменей—21600.

За сіе всѣ три роки счисливши вкупу виданный провіантъ виноситъ in summa:

Муки четвертей—35700.

Круповъ четвертей—4462 и четверичковъ 4.

Соли каменей—7140.

Сала каменей -81000

Вѣденіе, сколко подлугъ листовъ подлинныхъ од сіателнѣйшого князя его милости господина Димитрія Михайловича Голицина, кгубернатора кіевского, до насъ писанныхъ, выдано чрез два года, 1716 и 1717, в лѣтніе мѣсяцѣ на войска армейскіе од людей рейменту нашего за Камянозатонскій провіанту:

1-mo. Року. 1716. На одинадцять комплетовихъ полковъ на два лѣтніе мѣсяцѣ видано:

Муки четвертей--6600; крупъ четвертей—825; соли каменей—13200; сала каменей—9900.

2-do. Року 1717. На девять полковъ некомплетовихъ (бо з каждого по 300 человѣкъ посилано на роботу, опрочъ коммѣссаріату, полевой аптеки и проч., що за полкъ числилося) видавано на шесть мѣсяцей, а именно на человѣка--8400:

Видано теды: муки четвертей—12600; круповъ четвертей—1575; соли каменей—2520; сала каменей—21600.

Да в семъ-же року 1717 коммендерованнымъ 2400 человѣкамъ в Санктъ Пітербурхъ видано провіанту на одинъ мѣсяцъ, которого чинитъ:

Муки—600 четвертей; крупъ—75 четвертей; соли—120 каменей; сала—900 каменей. Итого всего учинитъ: муки—19800 четвертей; крупъ — 2501 четверть; соли — 3960 каменей; сала — 32400 каменей.

В сихъ двохъ рокахъ виданного провіанту, соли, крупъ и сала виноситъ сумма:

Муки четвертей—19200.

Крупъ четвертей—2400.

Соли каменей—3840.

Сала каменей—31500.

Сюю чрезъ трилѣтнее время од обывателей рейменту нашего на войска армейскіе, зде консистуючіе, в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ провіанту выдачу для лучшого достовѣріа рукою нашею подписуемъ.

Іванъ Скоропадский, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского.

Такое віденіе за собственною рукою рейментарскою подано в канцелляріи Кіево-кгубернской року 1719, мая дня 23",

(Съ современной подлиннику копіи, находящейся среди бумагъ А. М. Лазаревскаго).

В. Модзалевскій.

Извѣщенія Редакціи. Редакція журнала «Кіевская Старина» симъ извѣщаетъ нижепоименованныхъ лицъ, что ею получены въ теченіе іюня, іюля и августа 1905 г. слѣдующія суммы.

1) На сооруженіе *памятника Т. Г. Шевченку:* а) Отъ Единецкаго кружка любителей драматическаго искусства — 25 р; б) изъ Петербурга — Н. Кармалыга 3 р., И. Калениченко 3 р., Я. Калениченко — 2 р., Т. Кальмуцкій, И. Порубаймихъ, К. Назаренко, В. Цехмистренко, Г. Ченакалъ, А. Калениченко, С. Мотинъ, Адамовичъ, Н. Кожикинъ — по 1 р., — итого 17 рублей; в) черезъ магазинъ «Кіевской Старины» — Иванъ Слыва 20 к., Степаныда Щербынына и Харитонъ Горощенко по 15 к., Федько Царенко 10 к., — итого 60 к. Всего поступило—*42 р. 60 к.;* что, вмѣстѣ съ прежними 502 р. (см. № 4-ый), составитъ *544 р. 60 к*, которые будутъ храниться въ редакціи до времени учрежденія постоянной коммиссіи по устройству памятника Т. Г. Шевченку. Туда-же будутъ направлены и всѣ новыя пожертвованія.

2) На поддержаніе *магилы Т. Г. Шевченка*: а) черезъ *г. П-цкаго* Катря Рябоконь и Григорій Кузнецъ по 50 к., Мотря Сичова, Окса-

на Сичова, Иванъ Зимніусъ, Наталка Квитковская, Василь Тарасенко. Владимiръ Бойко, Степанъ Шкуратъ, Михайло Кужиль, Василь Долженко — по 25 к., П-цкій 20 к., — итого 3 р. 45 к.; б) отъ И. и З. Мѣрныхъ — 5 р. Всего *8 р. 45 к.*, что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 434 р. 75 к. (см. № 3-й), составитъ *443 р. 20 к.* На эти средства будетъ устроена каменная лѣстница на могильный курганъ, а также будетъ произведена посадка деревъ и кустарниковъ на площади, вновь прирѣзанной г. Каневомъ къ усадьбѣ Шевченковой Горы.

ЛИТЕРАТУРА

О

В. Н. КАРАЗИНѢ.

Источники и пособія.

Абрамовъ, Я. В. „В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность“. Спб. 1891 г.

Анастасевичъ, В. „Записка о Василіи Назарьевичѣ Каразинѣ“. Чтеніе въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3-й.

Проф. Багалѣй, Д. И. „Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ“, т. I-й. Харьковъ, 1893 — 1898 гг.

Его-же. „Просвѣтительная дѣятельность Василія Назаровича Каразина“. Записки Императ. Харьковск. университ. 1893 г. кн. 3.

Его-же. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филол. Общества, т. 3. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Матеріалы для біографій южно-русскихъ научно-литературныхъ дѣятелей XIX вѣка“. Кіевъ, 1903 г.

Его-же. „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ“. Кіевская Старина, 1892 г. ноябрь.

Его-же. «Каразинъ Василій Назаровичъ». Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 27.

Барсуковъ. Н „Жизнь и труды М. П. Погодина“ кн. 2, 3, 6 и 7. Спб 1888 — 1893 г

Бодянскій, О. „Замѣчаніе къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Отзывъ по поводу „замѣчанія къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3.

Его-же. „Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1866 г. т. 3.

Бочаровъ. „Памяти В. Н. Каразина“. Московская Иллюстрирован. Газета, 1892 г. № 307.

То-же въ „Южномъ Краѣ“ 1892 г. № 4070 (отъ 8 ноября).

Геннади, Г. Н. „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 гг. т. II. Берлинъ, 1880 г.“.

Герценъ. „Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ“. Полярная звѣзда 1862 г. изд. Герценомъ т. VII, вып. II стр. 57 — 72. Лондонъ.

Гулакъ-Артемовскій. „Солопій та Хивря або Горохъ пры дорозі“.— Казка. Украинскій Вѣстникъ, 1819 г. ч. 16, кн. 8, октябрь.

Данилевскій, Г. П. „Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Украинская Старина, Харьковъ, 1866 г.

Его-же. „В. Н. Каразинъ“. Харьковск. Губернск. Вѣдомости за 1860 г., №№ 67—68.

Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ“ Русская Старина, 1872 г. т. VI.

Державинъ, Г. Р. „Записки“ Изд. Русской Бесѣды, Москва, 1860 г.

Дубровинъ, Н. „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“. Русская Старина, 1900 г.—октябрь, ноябрь; 1901 г.—октябрь.

Его-же. „Графъ А. А. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ“. Русская Старина, 1903 г.—апрѣль.

Его-же. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I-го (съ 1807 по 1829 гг.), Спб. 1883 г.

Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива 1-го отдѣленія Канцеляріи Его Величества“. Вып. I-й, Спб. 1878 г.

Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“. В. 2-й, Спб.—1889 г.; вып. 5-й—1892 г.; вып. 7-й—1895 г.; вып. 9, Спб. 1897 г.; вып. 11-й, Спб. 1898 г. (подъ редакціей Дубровина).

Н. Д. (Дубровинъ) „Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 году“ (не принадл. Каразину). Русская Старина, 1903 г. сент. стр. 558.

Жихаревъ. „Записки современника или записки студента“, т. II-й, стр. 444.

Иконниковъ, В. С. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. Спб. 1873 г.

Его-же. „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. 1-я, стр. 702, 803, 847; т. I-й, кн. 2-я, стр.: 925, 935, 938, 1154, 1161, 1181, 1183, 1184.

Илляшевичъ, Л. В. „Очеркъ исторіи харьковскаго дворянства“. Харьковъ, 1885 г.

Каразинъ, Ф. В. „Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета“. Русская Старина 1875 г., т. XII, XIII и XIV.

Его-же. „Отвѣтъ г. Оресту Миллеру“. Голосъ, 1871 г. № 38.

Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ. Біографическія замѣтки“. Русская Старина, 1871 г. т. 3;

— Также—Русская Старина 1870 г., т. 2.

Его-же. „Письмо Ф. В. Каразина (біографич. записка) объ отцѣ его А. Г. Тройницкому“. Русскій Архивъ. 1894 г., т. I-й.

Его-же. „Замѣтки на біографіи В. Н. Каразина“, составленныя Г. П. Данилевскимъ и напечатанныя въ Сѣверной Пчелѣ за 1860 г. № 92.

Его-же. Статья въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1855 г. № 4.

См. также въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1854 г. № 235.

Его-же. „Письмо къ Г. П. Данилевскому“. Современная лѣтопись, 1865 г. № 16. Ст. Н. Н.

Калайдовичъ, К. Ф. „Записки важныя и мелочныя“. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. III, стр. 81 и 105. М. 1861 г.

Кеппенъ, Г. „Нѣкоторыя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1863 г., т. III-й смѣсь.

Проф. Лавровскій, Н. А. „Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CLIX, Спб. 1872 г.

Его-же. „Воспоминаніе о Василіи Назаровичѣ Каразинѣ“. Журн. Минист. Народн. Просв., ч. CLXV, 1873 г., февраль.

Прот. о. Н. Лащенковъ. „Василій Назарьевичъ Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручина“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 годъ.

Л. (Лесли). „Иванъ Филипповичъ Вернетъ“. Современникъ 1847 г., т. I-й, стр. 172—173.

Лопаревъ Хрvсанѳъ. — „Описаніе рукописей импер. общ. любител. древней письменности“, ч. I, Спб. 1892 г. CXXXI, 15, 16, 17, 18, 21 и 22.

Лященко, А. „Къ исторіи Харьковскаго университета“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. 8-й. Харьковъ, 1896 г.

Межовъ. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской и по всеобщей исторіи, т.т. I-й, II-й, III-й и IV.

Жозефъ-де-Местръ. „Письма изъ Петербурга въ Италію“. Русскій Архивъ, 1871 г, стр. 135—138.

Миллеръ, Д. П. „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г. - апрѣль.

Его-же. „В. Н. Каразинъ и кн. П. И. Трубецкой“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г.—іюнь.

Миллеръ, О. „Каразинъ и Карамзинъ“. Голосъ, 1871 г., № 18.

N, N. „Ст. о В. Н. Каразинѣ“. Голосъ, 1870 г., № 340, фельетонъ, (переписка съ Кочубеемъ и критич. записки К—на).

Петровъ, Н. И. „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Кіевъ, 1884 г.

Погодинъ, М. „Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“, ч. II. Москва, 1866 г.

Пыпинъ, А. Н. „Общественное движеніе въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“. Изд. 3-е. Спб. 1900 г.

П. Е. Статья въ „Николаевскомъ Вѣстникѣ“ за 1873 г. № 13.

Рождественскій, С. В. „Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв. 1802—1902“. Изд. Мин. Нар. Просв. Спб. 1902 г.,

Проф. Роммель. „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета“. Харьковъ, 1868 г.

Сахаровъ, И. П. „Записки“, Русскій Архивъ, 1873 г., т. I-й.

Семевскій, В. И. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I-й. Спб., 1888 г.

Его-же. „Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ“. Вѣстникъ Европы, 1893 г.—февраль.

Семевскій, М. И. „О сооруженіи памятника В. Н. Каразину“. Русская Старина, 1873 г., т. 7, стр. 418.

Сербиновичъ, К. „Н. М. Карамзинъ и А. О. Воейковъ“. Русская Старина, 1872 г., т. 5.

Срезневскій, И. „Каразинъ Василій Назаровичъ“. Русскій біографическій словарь Половцева. Спб., 1897 г.

Проф. Сумцовъ, Н. Ѳ. „Три письма В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общества, кн. III. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Культурный уголокъ Харьковской губерніи (Поповская Академія)“. Харьковъ, 1888 г. Отд. оттискъ „Харьк. Сборн.“ за 1888 г.

Сухомлиновъ, М. „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CXXVIII, Спб. 1865 года и ч. CXXXII, Спб. 1866 годъ.

Сушковъ, Н. „Изъ записокъ о времени Александра I-го“. Вѣстникъ Европы, 1867 г., т. II-й.

С—ій. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. День, 1865 г. № 16.

Тихонравовъ, Н. „Лѣтописи русской литературы и древностей“, т. III. Москва, 1861 г.

Tourgeneff, N. „La Russie et les Rusees, t. I. Paris, 1847.

Трифильевъ, Е. „Бѣгство В. Н. Каразина за границу“. Записки Харьковскаго ун—та, 1901 г. кн. 2-я.

Тройницкій, А. Г. „Некрологъ“. Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 95 (28 ноября). — Также „Одесскій Вѣстникъ“, 1873 г. № 23.

Толль, Ф. „Настольный Словарь“, т. II: „Каразинъ“. Изд. 1864 г.

Т. В. „Письмо къ Издателю“ Сынъ Отечества. Критики статьи В. Н. Каразина: „Чистая Правда“. Сынъ Отечества, 1819 г. ч. 57, № 44.

Фойгтъ, К. „Историко-статистическія записки о Харьковскомъ унив—тѣ“. Харьковъ, 1859 г.

Его же „Матеріалы для исторіи основанія Харьковскаго уни-та“. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1878 г. №№ 9—47.

Фортунатовъ, Ѳ. „Памятныя записки Вологжанина“ Русскій Архивъ, 1867 г.

Х*** „О В. Н. Каразинѣ“ Харьков. Губернск. Вѣдомости, 1875 г. № 241.

Шашковъ, С. „Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка“. Дѣло, № 6.

Шильдеръ, Н. К. „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“, т. II, Спб. 1897 г.; т. IV Спб. 1898.

Его же „Имп. Ник. I-ый“, т. I-ый Спб. 1903. 528 стр.

Его же. „Два доноса въ 1831 г.“ Русская Старина, 1899 г. т. 97, стр. 294—5; 608—9.

Шмидъ, Е. „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“. Переводъ съ нѣмец. А. О. Нейлисова, Спб. 1878 г.

Шугуровъ, Н. „Илья Өедоровичъ Тимковскій. педагогъ прошлаго времени“. Кіевская Старина, 1891 г. т. 34.

Ярославскій, В. И. „Воспоминанія“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 г.

Z. „Дополненіе къ „Запискѣ“ Каразина императору Александру I-му“. С.-Петербургскія Вѣдомости, 1871 г. № 9.

„В. Н. Каразинъ и господство надъ природой“. Рус. Арх. 1892 г. кн. 5.

„Данныя о сочиненіяхъ В. Н. Каразина“. Кіевская Старина, т. 38, стр. 180.

Записка губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ“. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 153.

„Чествованіе памяти В. Н. Каразина въ Харьковскомъ универ-тѣ по случаю 50-лѣтія со дня его кончины“. Кіевская Старина, 1892 г. декабрь.

Молодикъ, журналъ на 1844 г.; изд. И. Е. Бецкимъ. Спб. 1844. стр. 241-243.

Московскія Вѣдомости, 1842 г. № 101, стр. 766 То же: 1861 г. № 114 стр. 914.

Харьковскія Вѣдомости, 1869 г. № 1—51. То же, 1873 г. № 27 и № 140. То же, 1874 г. № 241. То же, 1880 г. № 155. То же, 1892 г. №№ 283, 287, 288, 290, 291.

Южный Край, 1889 г. № 2766 (отъ 17-го янв.) 1890 г. № 3108 (отъ 17-го янв.). То же, 1891 г. № 3793 (отъ 17-го янв.). То же, 1892 г. № 4066 (отъ 4 нояб.), № 4070 (отъ 8 нояб.) и № 4071 (отъ 9 ноября).

„Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1878 г. Спб. 1879, стр. 23—25.

„Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія т. I (1802—1825 гг.). Спб. 1864 г.

„Сборникъ статей по славяновѣдѣнію“, изд. учениками В. И. Ломанскаго [1]).

„Евгеніевскій Сборникъ“ XV—XVI [1]).

„Собраніе мнѣній Н. Р. Мордвинова“, т. X. Отвѣтъ В. Н. Каразину о состояніи финансовъ въ Россіи отъ 28-го мая 1832 г. [1]).

---

[1]) На эту книгу найдено лишь указаніе; ею мы не пользовались и указываемъ лишь въ интересахъ полноты литературы о В. Н. Каразинѣ.

„Труды Общества любителей россійской словесности“ за 1819 г. тт. VIII и IX.

„Циркуляръ по Харьковскому Учебному Округу“, 1875 г., № 7.

Нѣкоторые матеріалы помѣщены также въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1863 г. стр. 461, 469; и за 1875 г. т. I-ый, стр. 352.

Рядъ статей изъ Энциклопедич. Слов. изд. Брокгауза и Ефрона.

Письма.

Н. Карамзина къ В. Н. Каразину отъ 25-го мая 1818 г. Русская Старина, 1900 г. апрѣль, стр. 138.

Н. М. Карамзина къ Каразину. Тамъ же, мартъ, стр. 684.

Н. М. Карамзина къ князю Вяземскому отъ 11-го сентября 1818 г.— „Старина и Новизна“. Историч. Сборникъ, изд. при Обществѣ ревнителей русскаго просвѣщенія имп. Александра III, Спб. 1897 г. стр. 61—62.

Тамъ же справки о В. Н. Каразинѣ, стр. 296.

„Письма Карамзина къ Дмитріеву“, изданныя Гротомъ и Пекарскимъ, Спб.

М. Н. Муравьева къ В. Н. Каразину. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 56.

Тамъ же отъ 28-го марта 1805 г. и „Дипломъ В. Н. Каразина на званіе почетнаго члена Московскаго ун-та. Русская Старина 1900 г. апрѣль, стр. 186.

Коновницына П. къ В. Н. Каразину отъ 26-го мая 1813 г. Тамъ же, т. 103, стр. 392.

О. Козодавлева къ В. Н. Каразину, по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго Общества. Русская Старина, 1901 г. стр. 200, іюль, (отъ 17 апр. 1815 г.).

Прокоповича-Антонскаго: „Избраніе Василія Назаровича Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей россійской словесности“. Тамъ же, февраль, стр. 470 (отъ 22-го апрѣля 1818 г.).

Кіевскаго митрополита Амвросія къ петербургскому митрополиту отъ 7-го марта 1804 г. Русская Старина, 1901 г. мартъ. стр. 742.

Гр. В. Кочубея къ В. Н. Каразину отъ 13-го февр. 1811 г. Русская Старина, 1900 г. іюнь, 592.

Е. Константиновича В. Н. Каразину отъ 9-го іюля 1801 г. Русская Старина, 1900 г. октябрь, стр. 192.

Г. Р. Державина къ В. Н. Каразину, по поводу его рѣчи, произнесенной въ Филотехническомъ Обществѣ, отъ 5-го марта 1814 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, 482.

Императора Александра I-го къ кн. Салтыкову. Русскій Архивъ 1876 г., № 1, стр. 59.

Три письма Сперанскаго къ Каразину 1801 г. Харьковскія Губерн. Вѣдомости 1875 г. № 241.

NN къ Каразину. Тамъ же.

Өедора Манжаренки. Тамъ же.

А. А. Палицына къ В. Н. Каразину. Молодикъ на 1844 г. Харьковъ, 1843 г. стр. 204—205.

И. В. Васильчикова къ кн. А. С. Меньшикову. Русскій Архивъ 1875 г. т. III, стр. 417—418.

И. В. Васильчикова къ императору Александру І-му отъ 26 ноября 1820 г. Тамъ же, т. II, стр. 925.

М. Погодина къ Шевыреву Русскій Архивъ 1894 г. I 561—572. 1882 г. кн. 5—6.

Митрополита Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу. Русскій Архивъ 1889 г. кн. 2-я.

„Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства". Украинскій Вѣстникъ, 1818 г. январь.

Переписка митр. Евгенія съ гр. Д. И. Хвостовымъ.

29 писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ лицъ въ періодъ отъ 1801 по 1841 гг. напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ" за 1860 г. № 92.

Матеріалы собраны до 1903 года включительно. Мелкія замѣтки въ Харьковскихъ газетахъ не указаны за незначительностью ихъ.

Кромѣ указанныхъ печатныхъ пособій, матеріаломъ для монографіи служили многочисленные документы въ рукописяхъ, частью которыхъ далъ намъ воспользоваться проф. Д. И. Багалѣй; другая часть найдена нами въ архивахъ Харьковск. И. Ун-та, Х. Дворянскаго Деп. Собранія, церкви села Крючика и рукописяхъ, хранящихся въ Фунд. Библ. Харьк. ун-та. Между прочимъ найдены и разсмотрѣны слѣдующія „Дѣла" еще не опубликованныя:

„О внесеніи въ дворянскую родословную книгу Василія Назарьева сына Каразина 1799 года" на 5 листахъ. По описи дѣлъ Слоб. Укр. Деп. Двор. Собр. о внесеніи въ родосл. кн. № 8.

„Объ отправленіи Депутатовъ въ г. Москву для принесенія имп. Алексанру I вѣрноподд. благодарности за подтвержденныя грамоты дворянамъ, жалованными Екатериной Второю, и обзорѣ для таковой поѣздки на содержаніе", 1801 г. на 184 л. По описи дѣлъ Харьк. Деп. Собр. и Губ. Предв. Двор. 1783—1827 г. № 6.

„О разсылкѣ къ Уѣздкымъ Предводит. Двор. по 4 экземпляра Филотехническаго Общества правилъ" 1811 г. на 15 л. По той же описи № 10.

„О внесеніи въ двор. родосл. кн. Каразина В. Н. ст. сов.. жены его Александры и дѣтей Василія, Егора, Филадельфа, Александра, Николая, Валеріана и Пелагеи" 1828 г. на 12 л. По описи дѣлъ Сл. Укр. Деп. Дв. Собр. о внес. въ родосл. кн. № 32.

„По отношенію гражд. губернатора о дополненіи формул. списка о службѣ ст. сов. Василія Каразина" 1829 г. на 15 л. По описи дѣлъ Губ. Предв. Двор. 1828—1835 гг. № 22.

„Харьковскаго Губ. Предв. Дворянства о ст. сов. Василіи Каразинѣ, кандидатѣ въ Предсѣдатели Палаты Уголовнаго Суда здѣшней губерніи и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе“ 1829—1830 гг. на 77 л. По той же описи за № 65.

„О предложенномъ отъ ст. сов. Каразина средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время года на хлѣбъ“ 1830 г. на 7 л. По той же описи за № 27.

„Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ ст. сов. Каразинымъ въ канцеляріи Правленія Харьк. ун-та 1835 г. на 8 л. Фунд. Библ. Харьк. ун-та, шкафъ рукописей $^{10}/_{3}$.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о самоправномъ взятіи Каразинымъ аттестата“ 1835 г. Тамъ же $^{10}/_{24}$ на 9 л.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о выдачѣ ст. сов. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и проч.“ 1839 г. Тамъ же $^{10}/_{8}$.

„Дѣло Правленія Харьк. ун-та о сдѣланіи надлежащаго полиціи отношенія, въ разсужденіи свободнаго выѣзда въ деревню ст. сов. и кав. Каразина Крючекъ мастерамъ“ 1805 г. на 6 листахъ. По описи Правл. Х. ун. за № 47.

„Дѣло Совѣта Харьк. ун-та объ учрежденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего ун-та“ 1811 г. на 9 л. По описи дѣлъ совѣта Х. ун. за № 5.

„Біографія В. Н. Каразина“, составленная въ рукописи помощн. библіотекаря Харьковскаго ун—та Чириковымъ еще въ 70-хъ годахъ, также разсмотрѣна нами; (рукопись эта содержитъ свыше 400 страницъ (четвертушекъ) и заключаетъ въ себѣ цѣнныя данныя, гл. обр., по судебнымъ тяжбамъ В. Н. Каразина) находится она въ Архивѣ Историко-Филолог. Общ. при Харьк. ун—тѣ.

Въ архивѣ церкви с. Кручика (бывшаго имѣнія В. Н. Каразина) найдено нами нѣсколько писемъ В. Н. и церковныя приходо-расходныя книги имъ собственноручно веденныя. Эти матеріалы будутъ помѣщены въ собраніи сочиненій В. Н. Каразина, которое теперь печатается.

Кромѣ документовъ, при составленіи монографіи имѣлись въ виду показанія устныя лицъ, лично помнившихъ В. Н. Каразина, потомковъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, разсказы родственниковъ Каразина, крестьянъ и жителей села Кручика, а также личныя наблюденія автора на мѣстѣ дѣятельности В. Н. Каразина (въ Кручикѣ).

Сочиненія В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядкѣ (1798 — 1842).

Письмо къ имп. Павлу I отъ „14 августа 1798 г. Ковно“, (помѣтка В. Н. Каразина). Письмо это въ пересказѣ по памяти „многіе годы

спустя послѣ 1798" (Прим. М. И. Семевскаго). Русская Старина 1873 г. апрѣль стр. 567—568.

Письмо къ имп. Павлу I отъ «30 августа, 1798 г. Г. Ковно». Подпись: Дворянинъ Слободско-Украинской Губерніи, Василій Каразинъ». Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1866 г. т. III, Смѣсь, стр. 32—33.

Показаніе В. Н. Каразина, данное въ Петербургѣ «Октября 1-го, 1798 г.». Подпись: «Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ». Тамъ же стр. 34 — 35. Этотъ и два приведенные выше документа напечатаны также въ Запискахъ Харьковск. ун—та за 1901 г., кн. II, стр. 171—179 — въ статьѣ Е. Трифильева: «Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу».

«Возлюбленному царю! одинъ изъ прямыхъ его подданныхъ». Письмо писанное имп. Александру I-му 12 — 22 марта 1801 года». Безъ подписи. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I». Томъ второй, Спб 1897. Приложеніе III-е, стр. 324 — 330.

«Мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ». «15 маія, 1801 г.», въ сноскѣ къ заглавію значится: «Подано Д. П. Трощинскому». Подпись В. Каразинъ. «Чтенія» 1863 г. т. III, Смѣсь, стр. 115—122.

«О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный». «Списокъ съ бумаги, которая между прочими подана была Государю въ іюнѣ 1801 года». Безъ подписи. Бумага эта (или копія съ нея) передана В. Н. Каразинымъ издателю „Молодика"— Бецкому. „Чтенія"... 1861 г. т. III, Смѣсь, стр. 177 — 191. Подлиная бумага носила названіе: „Предначертаніе прожекта о одобреніи торговли, государственныхъ долговъ и пр.". Сборн. Ист. Мат. канц. Е. В. вып. 11, стр. 14.

Письмо къ о. Василію Фотіеву отъ „2 мая 1802 года" Первоначально въ Харьк. Губ. Вѣд. за 1860 г. № 35, часть неофф.; затѣмъ въ „Украинской Старинѣ" Г. П. Данилевскаго Харьковъ, 1866 г. стр. 135—139 и во мног. друг. изд.

„Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ", читанное собранію дворянъ 20 августа 1802 г. и

„Пояснительная записка къ предначертанію о Харьковскомъ университетѣ", поданная кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому. Русс. Стар. 1875 г. т. 13, стр. 66—71—76.

„Рѣчь, говоренная, августа 31-го дня 1802 года, въ собраніи Харьковскаго дворянства, депутатомъ его, коллежскимъ совѣтникомъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ г. Харьковѣ университета". „Молодикъ" на 1844 г. Харьковъ 1843 г., стр. 245—250. Тоже самое помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы" 1803 г. № 16. Смѣсь, стр. 235 — 242 и въ „Русской Старинѣ" 1875 годъ т. XII, стр. 333 — 336.

Отчетъ о дѣятельности по устроенію Харьковскаго университета Н. Н. Новосильцову 10-го іюня 1803 года. Подпись: „Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ". Въ „Опытѣ Исторіи Харьковскаго университета" проф. Д. И. Багалѣя. Т. 1, гл. II, стр. 107—112.

Письмо къ князю Адаму Чарторыжскому: „21 Novembre 1804. Au Prince Czartoryskij". Подпись: Basile Karasine. Оригиналъ по-французски.

„Supplement à me lettre du 21 Novembre (à son Altesse le Prince Czartoryskij) подпись: 27 de Novembre 1804. St.-Petersburg. B. Karasine. Тоже по-французски. Переводъ этихъ статей Фил. Вас. Каразина, съ приложеніемъ оригиналовъ помѣщенъ въ Русс. Стар. 1871 г. т. Ш, стр. 701—707—718. Переводъ помѣщенъ также въ газетѣ Погодина „Русскій" 1868 г. № 15.

„Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана, когда я занимался сербами въ 1804 году", съ примѣчаніемъ за подписью В. К. Русс Стар. 1871 г. т. Ш, стр. 718—719.

„Церковная запись" Каразина: отъ 8 декабря 1805 года. Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 54—55.

Описаніе снаряда для гонки вина изобрѣтеннаго ст. с. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: „Въ совѣтъ имп. моск. университета отъ почетнаго члена, Василія Каразина, покорнѣйшее представленіе, отъ 21-го февраля 1806 года". Подпись: В. К. Въ „Повременномъ изданіи о полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ и важнѣйшихъ предметахъ земледѣлія и торговли, издаваемой при московской губернской гимназіи" № 12, 1807 г. стр. 72—78.

„Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи москов. общества испытателей природы, 18-го сентября сего (1807) года, членомъ общества, ст. сов. и кав. В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы". Вѣстникъ Европы 1807 г. часть XXXV, октябрь, № 20; собственно рѣчь на стр. 241—247; къ рѣчи приложена „Записка представленныхъ окаменѣлостей и породъ" на стр. 248—250.

„Ѡмега. Послано чрезъ почту въ 1808-мъ году, предъ отъѣздомъ Его Величества въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи". Собственноручная надпись В. Н. Каразнна на оригиналѣ, хранящемся въ Имп. Публ Библ. См. Отчетъ Императорской Публичн. Библ. за 1878 г. стр. 24—26. Къ подлинику есть позднѣйшія собственноручныя приписки Каразина.

„Письмо къ императору Александру о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы". „1809 года, октября 4-го дня"; подпись: Василій Каразинъ. „Чтенія Общ. Ист." за 1863 г. т. Ш, Отд. Смѣси, стр. 123—130.

Письмо В. Н. Каразина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы. Подпись: Василій Каразинъ. Русская Старина 1871 г. т. III, стр. 335—336.

Mémoire lû à la Societé Impériale des Naturalistes (de Moscou) dans la séance du 15 mars 1810, par le membre ordinaire B. N. Karasinn. Kharhov. 1812. 8° 10 р. Переводъ этой статьи напечатанъ въ „Сынѣ Отечества" за 1817 г. № LII, ч. XLII, стр. 265—274, за подписью: Перев. П. Гвоздевъ, и называется: „Записка ординарнаго члена Имп. моск. общ.

естествоиспытателей, В. Н. Каразина". Эта же записка, написанная на русскомъ языкѣ въ 1812 году самимъ В. Н. Каразинымъ, помѣщена въ „Русс. Стар." за 1871 г. т. III, стр. 719—722 за подписью: В. Каразинъ и озаглавлена: „Записка, читанная въ императорскомъ моск. общ. естествоиспытателей дѣйствительнымъ членомъ онаго, В. Н. Каразинымъ, 15 марта 1810 года.

„Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества". Письмо одного помѣщика *** ской губерніи къ своему губернатору". Безъ подписи. Помѣчено: „Москва, апрѣля 11-го дня 1810 года". „Чтенія въ Общ. Ист." за 1861 годъ, т. III, Смѣсь, стр. 135—176.

Письмо къ доктору Реману 1810 года. (О постановкѣ просвѣщенія въ Россіи) „Русская Старина" 1875 г., апр. стр. 750—758

„Мысли о учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ россійской имперіи общества, подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній". Харьковъ, въ униврес. типографіи, 1811 г. 12°, 38 стр. Безъ подписи. Брошюра заключаетъ въ себѣ 1) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества" (3—14 стр.). 2) „Предначертаніе правилъ филотехническаго общества" (15—26 стр.) состоящ. изъ 24 §§ и въ приложеніи. 3) „ Письмо помѣщика Слободско-Украинской губерніи дѣйст. ст. сов. и кав., Григ. Ром. Шидловскаго, къ г. губернскому предводителю", за скрѣпою самого губ. предводителя А. Ѳ. Квитки.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ, 17 января и высочайше утвержденномъ 10-го марта сего 1811 года. Въ Харьковѣ, въ унив. типогр. (12° 36 стр.) 1811 г.". Безъ подписи. (Одобр. ценз. 24 апр. 1811 г.). Въ брошюрѣ помѣщены 1) „Предувѣдомленіе", 2) „Первоначальный актъ филотехническаго общества" (отъ лица учредителей за подписью 35 членовъ), 3) „Правила филотехническаго общества" 4) Хозяйственныя распоряженія общества", 5) „Высочайшій указъ" объ утвержденіи общества и 6) „Примѣчанія" Каразина.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года продолженіе первое". Въ Харьковѣ въ унив. типогр., 1811 года 12°. Стр. 40—89. Подпись: Василій Каразинъ. (Одобр. ценз. 24 сент. 1811). Въ брошюрѣ помѣщены: „Протоколъ засѣданія общества 10-го августа 1811 г." и приложенія: 1) „Слѣдствія опыта, учиненнаго надъ выпаривательнымъ снарядомъ селитры г. Каразина", 2) „Отчетъ за май, іюнь и іюль 1811 г." Каразина, 3) „Продолженіе списка членовъ общества", 4) Замѣтка о собраніи 16 августа и 5) Дополнительный списокъ членовъ Ф. Об.

„Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ", „говоренная въ Харьковѣ августа 18, 1811 г. въ публ. собр. фил. общ. Вас. Наз. Каразинымъ. Харьковъ 1811 г. 20 стр. На стр. 18—20 помѣщенъ отрывокъ

изъ рукописи: „Практическое защищеніе противу иностранцевъ установленной въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“. Та же рѣчь помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1811 г. № 20, октябрь, стр. 259—290. На стр. 286—290—отрывокъ изъ „Практич. защищенія“.

„Изъ Харькова“. Исторія основанія и утвержденія филотехническаго общества. Затѣмъ помѣщены: 1) „Первоначальный Актъ фил. общ.“, 2) „Правила фил. общ.“, 3) „Хозяйственныя распоряженія фил. общ.“ и 4) „Указъ“ о утвержденіи общества. „Вѣстникъ Европы“ 1811 г. № 20, октябрь, стр. 318—329.

„О филотехническомъ обществѣ въ Харьковѣ“ „Извѣщеніе изъ протоколовъ онаго послѣднихъ засѣданій въ Крещенскій съѣздъ сего 1812 года генваря 15, 17 и 20“. Въ журналѣ „Улей“ за 1812 годъ, ч. Ш, мѣсяцъ апрѣль, № XVI, стр. 319—327.

Письмо къ имп. Александру I 22 марта 1801 г., воспроизведенное „по памяти“ съ примѣчаніями за подписью: Б. К. 1812 годъ. Въ концѣ приписка В. Н. Каразина: „Было послано А. С. Шишкину изъ Харькова, 14 іюня 1812 г.“ „Русская Старина“ за 1874 г. т. IV, стр. 68—80.

„Рѣчь произнесенная въ печальномъ собраніи Харьковскаго университета послѣ погребенія экстраординарнаго профессора Авраама Яковлевича Калкау, ст. сов. В. Н. Каразинымъ“. Брошюра „Рѣчей“ за 1812 годъ, говоренныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Харьк. ун-та. (По указанію Г. П. Данилевскаго [„Украинская Старина“ Х. 1866, стр. 169], но въ указанной брошюрѣ рѣчи Каразина *нѣтъ*. Въ рукописяхъ проф. Рославскаго-Петровскаго объ этомъ сочиненіи значится такъ „*Рѣчь*, произнесенная *генваря въ 27 день* 1812 г. въ Печальномъ Собраніи И. Х. У. непосредственно послѣ погребенія екстраординарнаго профессора А. Я. Калкау. Х. 812, с. 3—7. Рукописи Росл.-Петр. находятся въ Арх. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун-тѣ).

„Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство“ („произнесена въ Харьковѣ 13-го января 1813 г., въ собраніи фил. общ. В. Н. Каразинымъ). Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 г., № 1, янв. ч. LXVII стр. 1—35. И отд. брош. съ подписью: Харьковъ. 1812“, 4°, 20 стр. (О послѣднемъ см. „Укр. Стар.“ Г. П. Д—скаго стр. 154).

„Справочникъ филотехническаго общества, цѣнъ стоящихъ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1813 года“, съ примѣчаніями за подписью: Василій Каразинъ. Въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ 1-го отдѣленія собственн. Его Имп. Вел. Канцеляріи“ Спб. 1878 г. стр. 413 -437.

„Объявленіе филотехническаго общества № 2-й; филотехническому обществу правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ за 1813 годъ, представленный 1-го января 1814 г., изъ столичнаго города Москвы“. Прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1814 г., № 8; въ 4°, стр. 1—22. Здѣсь кромѣ 1) „ Отчета за 1813 г.“ помѣщены 2) „Правила фил. общ. съ перемѣнами, по которому 17-го января 1812 г., на кои получено согласіе министра внутреннихъ дѣлъ, и 3) „Высочайшій указъ“ утвер-

дившій фил. общество. Въ примѣчаніи сказано: „Объясненіе № I-й издано въ Харьковѣ". * „Копія съ отчета фил. обществу правителя его дѣлъ В. Н. Каразина посланнаго обществу изъ столичн. города Москвы 1-го января 1814 г." помѣщена въ „Сборникѣ Ист. Мат. I-го Отд. Канц. Его Вел." Спб. 1878 г., стр. 446.

„Выписка изъ протокола собранія Филотехническаго Общества бывшаго въ Успенскій съѣздъ въ Харьковѣ, 19 августа 1814 года". Подпись: Василій Каразинъ. „Сборн. ист. мат. извлеч. изъ архива Соб. Его Имп. Вел. канцеляріи" издаваемый подъ редакціей Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 446—450.

„Филотехническому обществу правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ о происходившемъ послѣ успенскаго съѣзда прошлаго 1814 года" („Читано въ публичномъ собраніи въ Харьковѣ, въ крещенскій съѣздъ, 1-го января 1815 г."). Въ „Сынѣ Отечества" за 1815 г. № XI—XII, ч. 20-я, стр. 177—198 и 225—241. Тоже помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат." изд. подъ ред. Н. Дубровина, вып. второй, стр. 451—472; Спб. 1889 г.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго Общества 1815 года, генваря 16-го дня. Харьковъ". Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 450—451.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго общества 1815 года генваря 19-го. Харьковъ". Подп. Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 473—475.

„Списокъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, также и корреспондентовъ Филотехническаго общества, по старшинству ихъ вступленія и за исключеніемъ умершихъ, сдѣланный къ 16-му марта 1815 года". Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 476—489.

Письмо къ издателямъ—В. Каразина. Подъ письмомъ подпись: „іюля 25-го, 1815 г. С.-Петербургъ". Съ приложеніемъ протокола комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній филотехническаго общества касательно: „Облегченія продовольствія заграничныхъ войскъ и флота и объ умноженіи въ государствѣ селитры, посредствомъ новаго способа". Самый протоколъ за скрѣпою В. Н. Каразина, имѣетъ заглавіе: „Управляющему военнымъ министерствомъ, г. генералу отъ инфантеріи и кавалеру, князю Горчакову I-му" Въ „Сынѣ Отечества" 1815 г. ч. XXXII, стр. 221—241. Эти же документы напечатаны въ „Сборн. ист. мат. изв. изъ Арх. Е. И. В." выпускъ второй, стр. 493—503. Спб. 1889.

„Письмо къ графу А. А. А. (Аракчееву), относительно одного россійскаго историческаго анекдота" Помѣтка въ концѣ: „В. К.—12-го ноября, 1816 г. Село Кручикъ".—Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" на 1816 годъ, декабрь. Отд. I. Науки и искусства. Стр. 265—279.

„Харьковскія записки филотехническаго общества, 1816 г. августа 21-го числа". („Протоколы общества за послѣдній съѣздъ не доставленные прежде—„по болѣзни правителя дѣлъ"). Тамъ же, стр. 352—358.

„Изъ Кручика. Выписка изъ метеорологическихъ наблюденій". Въ „Харьковскихъ Извѣстіяхъ" 1817 г. до 43 №. Подъ первою выпиской: В. К.

„Ученое Извѣстіе" (получено изъ Кручика). Подпись В. К. „Харьковскія Извѣстія" 1817 г. № 15.

„Протоколъ послѣдняго собранія филотехническаго общества", 1817 г. января 16-го.—Послѣдняя подпись: „членъ и правитель дѣлъ Василій Каразинъ"). Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1817 г., ч. V, кн. I, ноябрь, стр. 122—127.

„Всеподданнѣйшій рапортъ статскаго совѣтника Василія Каразина". „Сентября дня 1817 года. Харьковъ". Съ приложеніемъ статьи: „О учрежденіи и успѣхахъ Филотехническаго общества" („Записка для моего Государя". Въ „Сборн. ист. мат. Собств. Е. И. В. канц." подъ редакц. Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 504—507.

„Филотехническому Обществу Правленія его дѣлъ Каразина Отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ 1817 г.", „Укр. Вѣстн." окт. стр. 75—93. Подпись: Василій Каразинъ, сентября 23, село Кручикъ.

Объявленіе объ изданіи актовъ филотехническаго общества, В. Н. Каразина. Въ „Харьковскихъ Извѣстіяхъ" за № 1817 г. № 38; „Сынѣ Отечества" 1817, ч. XLI, № 48, стр. 152, „Украинскомъ Вѣстникѣ" на 1817 г., стр. 256 и „Вѣстникѣ Европы" 1817 г. № 2-й, стр. 104.

„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россіи" „Василія Каразина". Въ „Духѣ Журналовъ" 1817 г. ч. XVIII, С.-Петербургъ, стр. 265—288. (Въ примѣчаніи: „Была назначена для торжественнаго собранія филотехническаго общества, сентября 18-го, въ Харьковѣ"... То же въ „Вѣстникѣ Европы" 1817 г. ч. XCV, стр. 199—214, съ примѣчаніемъ: „Сія рѣчь будетъ издана въ актахъ филотех. общества"... Съ тѣмъ же примѣчаніемъ въ „Сынѣ Отечества" 1817 г., № XLIV, стр. 201—222, и, наконецъ, въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" 1817 г., ноябрь, № 89 и 90, стр. 386—389 и 390—393.

„Выписка изъ письма къ г. слободско-украинскому гражданскому губернатору В. Г. Муратову, отъ 3-го ноября 1817 года". (Съ приложеніемъ письма къ „Издателю Сына Отечества"). Подпись: Василій Каразинъ. „Сынъ Оточества" 1817 г. № LI, стр. 215—227, ч. XLII. То же, самое (кромѣ письма къ издателю) помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат." изд. подъ ред. Н. Дубровина, выпускъ второй, стр. 508—512, (въ формѣ письма В. Г. Муратова къ В. Р. Марченку).

„Одна глава изъ рукописи". Подъ заглавіемъ—Примѣчаніе: „Сей отрывокъ принадлежитъ къ сочиненію, которое въ концѣ истекшаго 1816 года поднесено В. Н. Каразинымъ слободско-украинскому дворянскому собранію. Титулъ его есть слѣдующій: „Защищеніе противу иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россіи, подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ". Въ „Вѣстникѣ Европы" 1817 г. ч. XCI, № 2. стр. 104—134.

„Отвѣтъ на сію рецензію В. Каразина". Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1818 г. январь, стр. 20—35. (По поводу помѣщенной въ томъ же

выпускѣ „Украинскаго Вѣстника“ статьи, безъ подписи: „Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“.

„О возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка“. „Февраля „ “ дня 1818 года. Членъ разныхъ ученыхъ обществъ и правитэль дѣлъ филотехническаго Василій Каразинъ. Москва у кузнецкаго моста въ домѣ Бекерса“. (Оригиналъ записки въ Арх. М. Н. Пр. въ дѣлѣ подъ № 20,008, карт. № 296). Въ „Русс. Стар.“ 1873 г. февраль, стр. 228—234. Статья: В. Н. Каразинъ“.

„Письмо помѣщика Богодуховскаго уѣзда В. Н. К. объ обсадкѣ дорогъ деревьями“ „Мая 26-го 1818 г. Село Кручикъ“. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г. стр. 353—362.

Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ 1818 г. май, отд. I, стр. 121—143 и іюнь, стр. 246—253 напечатана „Записка о достопримѣчательностяхъ Москвы“ Н. М. Карамзина. Подъ заглавіемъ сноска: Писанная всеконечно Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, по случаю отбытія изъ С.-Петербурга въ сію столицу Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы. Я щастливо досталъ этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ полный и исправный списокъ, и прошу гг. издателей п мѣстить оный въ своемъ журналѣ, буде угодно съ моею личностію. Василій Каразинъ“. Съ примѣчаніемъ въ текстѣ за подписью: В. К.

„Къ Издателю“. (Предложеніе по инициіативѣ правительства собирать историческіе докуметы и матеріалы со всей Россіи) съ приложеніемъ статьи: „Россійскій Анекдотъ“. Помѣтка: Село Кручикъ 26 октября 1818 В. Каразинъ. Въ „Благонамѣренномъ“ ч. IV, 1818 г. декабрь. От. „Смѣси“, стр. 324—328—329.

„О имени Славянъ“. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Ун. часть двѣнадцатая, Москва 1818, стр. 79—86. В. Каразинъ.

„Чистая Правда, безъ малѣйшаго украшенія и увеличенія“ („Отрывокъ изъ дневной записки пріѣзжаго украинца, которая, можетъ быть, будетъ напечатана“) въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., ч. LVI, стр. 286—288, подпись В. К.

„Статистика Харьковской Губерніи“. Москва, 1819 г. Указаніе на это сочиненіе находимъ въ біограф. словарѣ, изд. подъ редакціей А. Половцова. Мы не пользовались этимъ произведеніемъ и не провѣрили справедливость указанія; въ „Словарѣ“ есть ошибки; можетъ быть это есть ошибочно названное „Статистическое описаніе Слоб.-Укр. Губ.“ М. 1820 г.

О Китаѣ—Рукопись И. И. Голикова, доставлена Каразинымъ издателю „Благонамѣреннаго“. Передъ статьей письмо къ издателю В. Н. Каразина. Заключительная NB ($1^1/_2$ страницы) и одно примѣчаніе за подписью В. К. Въ „Благонамѣренномъ“. Ч. V, 1819 г. мартъ, № VI, Отд. Прозы“, стр. 337—352.

„Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. С.-Петербургѣ, въ типогр. Греча 1819 г. Подпись подъ пре-

дисловіемъ: Василій Каразинъ. Октября 29-го; 1819 г. С.-Петербургъ. Отдѣльная брошюра, въ 8-ю д., 16 стр. Въ брошюрѣ кромѣ „Предисловія" помѣщенъ „Временный уставъ сельца Анашкина, съ деревнями" изъ 22 статей. Эта же статья помѣщена въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" за 1818 г. май „Смѣсь", стр. 234—241 г. подъ названіемъ „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями". Подпись: В. К.

„Филотехническому обществу—правителя дѣлъ его, Каразина, отчетъ за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года", Харьковъ, ун. тип. 1819 г., 40 стр. Подпись: Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. То же помѣщено въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" за 1819 г. ч. XIV, стр. 3—38, гдѣ не помѣщено одно „заключеніе", имѣющееся въ брошюрѣ.

„Языческій праздникъ въ Европѣ, въ XIX столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія" въ сноскѣ къ заглавію: „Изъ записокъ Украинца"... Подпись В. К. Въ „Сынѣ Отечества" 1820 г. № 5, „Смѣсь", стр. 238—240.

„Отрывокъ изъ дневной записки Украинца". Подпись В. К. „Сынъ Отечества" 1820 г. № 2, стр. 93—96. (Описаніе собранія Россійской Академіи).

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей. Три собственноручн. записки В. Н. Каразина, представлен. гр. Кочубею въ январѣ 1820 г. Русская Старина 1903 г. августъ стр. 457—465.

„Докладная записка министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубею, по поводу циркуляра попечителя Харьк. учебн. округа З. Я. Карнѣева отъ 25 янв. 1819 г. Подпись: „Апрѣля 16-го, 1820 года". „Сборникъ Харьк. Ист. Фил. Общ." кн. 8, 1896 г., стр. 31—37.

„Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи". Разсужденіе читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности 1-го марта 1820 года. Подпись: Василій Каразинъ. „Русская Старина" 1871 г. т. III, стр. 330—335. Это же сочиненіе было выпущено отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „О ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи". Спб., марта 3-го, 1820 года въ 4 д. л., 10 стр. Подпись: В. Каразинъ, цѣна 5 рублей.

Письмо къ Императору Акександру Павловичу отъ 21 апрѣля 1820 года. Подцись: „Вашего имп. вел. вѣрноподд. В. Каразинъ". „Русская Старина" 1870 г. т. II, стр. 568—571.

Письмо къ министру вн. дѣлъ гр. В. П. Кочубею. Подпись: „Каразина". Тамъ же, стр. 571—574.

Объяснительная записка В. Н. Каразина министру вн. дѣлъ графу Виктору Павловичу Кочубею 13 мая 1820 года.—Записка состоитъ изъ 7 тетрадей; примѣчанія подцисаны: В. К. Первыя четыре тетради помѣщены въ „Русс. Старинѣ" 1870 г. т. II, стр. 575—590 и 3 послѣднія въ „Русс. Старинѣ" 1871 г. т. III, стр. 16—38 за подписью: Василій Каразинъ. Записки составлялись съ апрѣля по ноябрь 1820 г.

Письмо графу В. П. Кочубею отъ 4-го іюня 1820 года по поводу либеральнаго и противоправительственнаго направленія русской литературы. Въ „Русской Старинѣ“ за 1899 г., май стр. 277—279.

„Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія Слободско-Украинской Губерніи на основаніи десятилѣтней сложности“ (1808—1817 гг.) на 7 листахъ (in folio), печатанныхъ въ Спб. въ типографіи Греча въ числѣ 600 экземпляровъ (какъ сказано внизу на послѣднемъ листѣ) съ помѣткою: мая 1-го дня, 1820. Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. И. Тимковскій. Въ выноскѣ къ заглавію этой таблицы сказано: „Принадлежитъ Статистическому обозрѣнію сей Губерніи, которое въ 1817 году было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ“.

„Еще нѣкоторыя замѣчанія о слободско-украинской губерніи“. Въ примѣчаніи къ оглавленію: „отрывокъ составляющій заключеніе рукописнаго Статистическаго Обозрѣнія сей Губерніи, которое въ сентябрѣ 1817 года было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздъ ея черезъ Харьковъ, и очень милостиво Ею принято: что видно было изъ полученнаго по сему предмету отзыву изъ Москвы. В. К.“ Статья не подписана. Въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и благотворенія“ 1820 г. № II, Спб. Отд. „Прозы“ стр. 129—141. Статья дѣлится на двѣ части: оборѣніе губерніи 1) „Въ философскомъ отношеніи“ и 2) „Въ отношеніи политическомъ и нравственномъ“.

„Объясненіе подробной таблицы обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской Губерніи, сравненіе выводимыхъ изъ нея перечней („результатовъ“) и подобными имъ, извлеченными изъ таковыхъ же обстоятельствъ прочихъ Губерній Россійской Имперіи и другихъ земель Европы“: Подпись: „С.-Петербургъ 26 ноября 1820 года“, съ примѣчаніемъ подъ чертой (стр. 21): „Въ рукописи, которая была назначена для публичнаго чтенія, въ тотъ самый день, столько достопамятный въ моей жизни, въ печати не перемѣнилъ я не единаго слова; даже очевидныя ошибки слова (по быстрому изложенію въ то время) не исправлены. Марта 20, 1829 года Москва. Василій Назарьевъ сынъ Каразинъ“. 21 стр. При „Объясненіи“ приложены 7 статистическихъ таблицъ изслѣд. Слободско-Украинской Губерніи, напечатанныхъ въ 1820 году въ тип. Греча. „Объясненіе“ съ „Таблицами“ помѣщены вмѣстѣ въ „Актахъ Филотехническаго Общества“ томъ VI. Москва, 1829 г. Въ Унив. Типогр.—На экземплярѣ, которымъ я пользовался (хранится въ Имп. Публ. Библ.), на 1-й страницѣ собственноручная надпись В. Н. Каразина: „Его Сіятельству Графу Виктору Павловичу Кочубею, которому извѣстны уже включенныя здѣсь таблицы, во время печатанія ихъ *въ 1820-мъ году*, хотя объясненіе къ нимъ тогда *не успѣло* быть изданнымъ, почтительнѣйше подноситъ издатель, всеусердно поздравляя Праздникомъ свѣтлаго воскресенія и—надѣясь, что удостоенъ бу-

детъ отзывомъ на письмо его отъ 13-го декабря прошедшаго года. Москва. За Арбатскими воротами, домъ Генералъ-Маiора Базилевича. Апрѣля 12-го дня 1829 года".

„Ода Богъ на латинскомъ языкѣ" критическiя замѣчанiя Каразина Передъ P. S. Подпись: Василiй Каразинъ. Въ „Соревнователѣ Просвѣщенiя и Благотворенiя" 1820 г. № II, стр. 198—213, отд. „Смѣси".

„О примѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ открытiяхъ, сдѣланныхъ внѣ Россiи". (Научныя новости по Географiи, Ботаникѣ, Химiи, Зоологiи и проч.) „Вступленiе" подписано: В. К. такъ и примѣчанiя. Съ приложенiемъ статей по техно-химiи члена-сотрудника филотехническаго общества Власова. Тамъ же, отд. „Ученыхъ Извѣстiй", стр. 214—223 (и статьи Власова стр. 224—238).

Письмо къ императору Николаю I. 18 сентября 1826 года съ примѣчанiями за подписью: В. К. „Русская Старина" 1870 г. т. II, стр. 561—568.

„О древностяхъ Слободско-Украинской Губернiи" въ скобкахъ: („списокъ съ письма Члена Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ В. Н. Каразина къ Г-ну Вице-Губернатору Слободско-Украинской Губернiи (управлявшему тогда оною) С. Ф. Паскевичу, декабря отъ 19-го 1827 года. Безъ подписи. „Историческiй, Статистическiй и Географическiй журналъ или современная исторiя свѣта" на 1829 г. Часть вторая, книжка третья, мѣсяцъ iюнь. „Смѣсь". Стр. 256—260.

„Нѣчто относительное къ метеорологiи" Василiя Каразина. Въ „Сынѣ Отечества" 1828 года, ч. CXVIII, стр. 177—187. Помѣтка: 1828 г., марта 7-го. Село Кручикъ.

Проэктъ изданiя „Отечественнаго Архива" (Письмо къ Погодину) 1828 г. Августъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1893 г. т. I, стр. 97—98.

„О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на большiя разстоянiя перевозить питательныя, цѣлебныя и въ рукодѣлiяхъ употребляемыя вещества изъ царствъ животныхъ и растенiй". „Записка, которая назначена для помѣщенiя въ журналѣ, а нынѣ напечатана только въ числѣ ста экземпляровъ". Москва. Въ Типографiи Н. Степанова. 1829. Подпись: „С. С. и К. Василiй Назарiевъ сынъ Каразинъ. Москва, дек. 17, 1828 года". 18 стр. in 8°.

„О средствѣ употреблять исландскiй мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ". Письмо къ Харьк. Гражд. Губернатору. Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. По описи дѣлъ 1828—1835 г. за № 27, листы 2-й и 3-й.

Критика „Перипла Понта Евксинскаго" Арріана. (Письмо къ А. Г. Тройницкому) „27 марта 1873 года". Въ „Русскомъ Архивѣ" 1894 г. т. I, стр. 561—562.

„О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненiя температуры". (Подпись: В. Каразинъ. Мая 8-го, 1837 г. Богодуховскiй уѣздъ). Въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенiя" 1837 г., ч. XVI, стр. 687—691.

„О заготовленiи дровъ" „Василiя Каразина". 23-го января, 1838 г. № 6, стр. 55—57.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ". В. К. 19-го Февраля. Въ „Харьк. Губ. Вѣд." 1838 г. № 9, стр. 81—82.

„О приготовленіи дерева на столярную работу" В. К. Въ „Харьк. Губ. Вѣд." 1838 г., № 10, стр. 93—94.

Частныя извѣщенія: о продажѣ акклиматизированныхъ растеній у В. И, Кристера. В. К.—Въ „Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 15. стр. 148.

„О цѣлебной водѣ въ дачахъ надъ Орелью". Василій Каразинъ. Въ Харьк. Г. Вѣд. 1838 г. № 38, стр. 337—338.

„О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи" „Василія Каразина". Въ „Харьк. Г. Вѣд." 1838 г. № 48, стр. 413—416 и № 51 стр. 428—432.

„О торгѣ за границу хлѣбными спиртами". В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд." 1838 г. № 50, стр. 421—425.

„Переходъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ—въ новое жилище". В. Каразина. Въ „Харьковск. Губ. Вѣд." Прибавленія 1839 г., № 34, стр. 233—234.

„Объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ" В. К. Въ „Харьк. Губ. Вѣд." 1839 г. № 1, стр. 1-я.

„О предвѣстіяхъ погоды". Василія Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд." 1839 г., № 12, стр. 67—71.

„Польскій вопросъ въ 1839 году". Харьковъ, 23-го февраля 1839 года. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Русской Старинѣ" за 1870 г., т. II, стр. 591—596.

„Нѣчто о кадастрѣ". В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд." 1839 г., № 45—стр. 295—296 и 47 № стр. 306—307.

„О химическихъ превращеніяхъ". В. Каразинъ. № 4, стр. 38. „Харьк. Губ. Вѣд." 1840 г.

„О кончинѣ праведника" (Мелетія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго). Василія Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд." 1840 г. № 9. Отдѣльное незанумерованное прибавленіе.

«Дополненіе къ статьѣ о нашихъ древностяхъ, напечатанной въ предъидущемъ №» (т. е. къ статьѣ Пассека: «О древностяхъ Харьковской Губерніи», помѣщенной въ 19 № Х. Г. Вѣд.). Перепечатанная съ прибавленіями статья Каразина «О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи», напечатанная въ «Историч. Стат. Географ. журн.» на 1829 г. Помѣтка: Маія 21 дня 1839. Харьковъ. В. Каразинъ. Прибавленіе къ «Харьк. Губ. Вѣд.» за 1839 г., № 20, стр. 127—130.

«О содержаніи рѣкъ въ городахъ В. К. Въ «Харьк. Губ. Вѣд. 1840 г. № 12, стр. 113. Подпись: В. К.

«О университетскомъ музыкальномъ вечерѣ». В. К. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840, № 15, стр. 140—141.

«О значеніи Харькова для полуденной Россіи». В. Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840 г. № 39, стр. 339—345; № 40, стр. 351—353, № 41, стр. 363—365.

«О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ». Василія Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1841 г. № 3, стр. 21—23.

„О сженіи угля съ разсчетомъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1841 г. № 8, стр. 66—69; № 9, стр. 74—77, № 10, стр. 82—84 и № 11 стр. 93—96.

„Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій“ В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г., № 20, стр. 187—189.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г. № 23, стр. 214—215.

Изъ Харькова. „О новомъ открытии въ Англіи, которое однако есть повтореніе россійскаго изобрѣтенія 1809 года“. За подписью: Василій Каразинъ, Харьковъ 10-го апрѣля 1842 года. Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. № 6. Ч. III, стр. 387—389.

„Арбузы“. В. К. Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1842 г. № 68 Фельетонъ „О сахарѣ арбузнаго сока“.

„Нѣсколько предложеній добраго гражданина“. Одесса. 1842 г. Подпись: В. К. Посвященіе: „Благодѣтельному гражданину и умному любителю своего отечества Козьмѣ Никитичу Кузину, Одесса, въ концѣ августа 1842 года“. 8°, 20 стр.—Въ брошюрѣ помѣщены: 1) „Мысли объ отопленіи или нагрѣваніи комнатъ парами“ съ подписью: Василій Каразинъ. Января 5-го, 1838 года, г. Харьковъ. 2) „О заготовленіи дровъ“ его-же, съ подписью В. К. 23-го января 1838 года. Харьковъ. Напечатано въ Харьковской газетѣ № 6. 3) „О приготовленіи дерева на столярную работу“ изъ 11-го № Харьковскихъ Вѣдомостей 1838 года, съ подписью В. К. Передъ статьями „Предувѣдомленіе“. В. Каразина.

„Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“. Помѣтка: „Магарачское казенное заведеніе. 28-го окт. 1842 г.“ Съ примѣчаніями помѣченными В. К. Въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., апрѣль, стр. 661—669.

„Взглядъ на украинскую старину“. В. Каразина. Въ „Молодикѣ“ на 1844 годъ. Харьковъ 1843 г. стр. 33—45. Подъ статьей помѣтка: Харьковъ 1842 г. Къ этой статьѣ тамъ же (стр. 225—229) приложены сообщенные въ редакцію В. Н. Каразинымъ 1) Рапортъ отъ 14 февраля 1732 года изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлгородскую канцелярію „Цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году“ 2) „Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ“ отъ 7 октября 1800 года. Въ томъ же выпускѣ „Молодика“ напечатаны: 1) „Подлинная бумага последней половины XVII вѣка“ о поставкѣ двухъ „шпиталень или богадѣлень“ по указу Өеодора Алексѣевича,—2) „Духовное завѣщаніе Ломѣковскаго“ отъ 1711 года, сообщенныя В. Н. Каразинымъ.

„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей погибшихъ въ 1812 году профессора Баузе“. Подпись: В. Каразинъ. О. Бодянскій указываетъ, что каталогъ этотъ написанъ рукою Василія Назаровича. Даты нѣтъ. (См. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1861 г. т. III, стр. 202—203—указанія О. Бодянскаго и К. Ф. Калайдовича). „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1862 г. т. III, стр. 45—79.

Въ пятомъ выпускѣ „Молодика“ И. Е. Бецкаго (не изданномъ) предполагалось помѣстить „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина“. См. о томъ „Молодикъ“ на 1844 г., Спб. Въ типогр. Жернакова, 1844 г. стр. 243.

Статья „Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ Указѣ 23-го мая, 1816 года, и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ“, напечатана впервые въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1860 года, томъ II, Смѣсь, стр. 218—227 за подписью: В. Каразинъ. Это же сочиненіе помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат. извлеч. изъ арх. собств. канц. Его Имп. Вел. выпускъ седьмой, изд. подъ редакціей Н. Дубровина Спб. 1895 г. съ указаніемъ въ заголовкѣ на принадлежность его „В. Н. Каразину“. Принадлежность Каразину этого произведенія опровергнута О. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ 1816 г. т. III, стр. 201—202), что подтверждается Г. П. Данилевскимъ („Украинская Старина“ Харьковъ, 1866 г. стр. 165—166). Содержаніе „Мнѣнія объ эстляндскихъ постановленіяхъ“, равно какъ и хронологическія данныя не соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ и времени дѣятельности В. Н. Каразина.

Частная переписка В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядкѣ (1798 -- 1842).

Къ кн. Вяземскому отъ 30-го августа 1798 года. Чтенія, 1866 г., смѣсь, стр. 31—32.

1801 г.

„Бумага къ 12-му декабря 1801 г.“, присланная изъ Москвы: „*сновидѣніе*“, въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

1802 г.

Къ Государю Александру I-му отъ 8 августа 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 13, стр. 79.

Къ нему же. Тамъ же, стр. 79—80.

Къ нему же — отъ 28-го октября 1802 г. черезъ министра народнаго просвѣщенія—Завадовскаго. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1872 г., ч. CLIX, стр. 72—73.

Къ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, отъ 4-го декабря 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 186—188.

1803 г.

Къ императору Александру 1-му. 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 194—195.

Къ Кочубею, 1803 г., январь. Тамъ же, стр. 190.

Къ нему же, отъ 29-го января 1803 г. Тамъ же, стр. 191—193.

Къ императору Александру I-му, 1803 г. февраль. Тамъ же, стр. 196—198.

Къ И. Ө. Тимковскому, отъ 24-го марта 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 233—236.

Къ губерн. предвод. дворянства—Донецъ-Захаржевскому, отъ 26-го марта 1803 г. Опытъ исторіи Харьковскаго ун—та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 100—101, 103.

Къ Н. Н. Новосильцеву отъ 10 іюня 1803 г. „Опытъ ист. Харьк. унив—та“ проф. Багалѣя, т. I, гл. II, стр. 107—112.

Къ Кочубею, отъ 14-го іюня 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 198—200.

Къ И. Ө. Тимковскому—отъ 2-го августа 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 383—384.

Къ государю Александру 1-му—отъ 16-го августа 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 273—278.

Къ нему же—отъ 23-го августа 1803 г. Тамъ же, стр. 470—471.

Къ нему же—отъ 12-го сентября 1803 г. Тамъ же, стр. 278.

Къ нему же—отъ.. 1803 г. Тамъ же, 474—476.

Къ И. Ө. Тимковскому—отъ 1-го октября 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 384—387.

Къ Шишкину—отъ 14-го октября 1803 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ч. CLIX, стр. 89.

1804 г.

Прошеніе Каразина, представленное кн. Чарторижскимъ императору Александру I-му въ ноябрѣ 1804 г. Русская Старина, 1903 годъ,—апрѣль, стр. 9—10, примѣчаніе (2).

1805 г.

Письмо въ Комитетъ Правленія Харьковскаго Ун—та, отъ 31-го марта 1805 г. Опытъ исторіи Харьков. унив-та проф. Д .И. Багалѣя, т. I, стр. 139—140.

1806 г.

Епископу Христофору Сулимѣ—отъ 29-го января 1806 г. Харьковскій Сборникъ 1887 г. стр. 59—60.

Митрополиту Амвросію—отъ 9-го февраля 1806 г. Тамъ же, стр. 57–58.

Епископу Христофору Сулимѣ отъ 10-го іюня 1806 г. Тамъ же, стр. 56.

1807 г.

Къ священнику Иванѣву — отъ 31-го іюня 1807 г. с. Анашкино. Харьковскій Сборникъ, 1887 г., стр. 63.

1809 г.

Къ госуд. Александру 1-му—отъ 4-го октября 1809 г. Ссылку на это письмо находимъ въ статьѣ „О невмѣшательствѣ въ дѣла Европы". Чтеніе, 1863 г., т. Ш, стр. 123 и 126.

1810 г.

Къ М. М. Сперанскому—отъ 18-го апрѣля 1810 г. Москва. Русская Старина, 1872 г., январь, стр. 82—83. Сообщ. Ф. К. То же, т. 108, стр. 31.

1813 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву, посланное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го декабря 1813 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ 1-го отд. канцеляріи Его Величества, вып. I-й, 1878 г., стр. 410—412. Также: Москва. Иллюстр. Газета, 1892, № 307 (сообщ. Бочаровымъ) и Южный Край, 1892 г. № 4070 – отъ 8-го ноября.

1814 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву—отъ 12-го января 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ). Послано черезъ министра внутрен. дѣлъ А. И. Горчакова.

Къ нему же—отъ 29 марта 1814 г. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).

Къ нему же—отъ 9 апрѣля 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).

1815 г.

Къ нему же—отъ 5 апрѣля 1815 г. С.-Петербургъ. Сборникъ историческ. матеріал. вып. II-й. Спб. 1889 г., стр. 489—491.

Къ князю Н. И. Салтыкову отъ... мая 1815 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, стр. 259.

1816 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву—отъ 14-го іюня 1816 г. Сборникъ историч. матер. вып. II-й. Спб. 1889, стр. 492—493.

1817 г.

Къ нему же—отъ 1-го января 1817 г. Н. Дубровинъ „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе имп. Александра I-го, стр. 178. Спб. 1883 г.

1818 г.

Къ В. Р. Марченку—отъ 11-го февраля 1818 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ, вып. II-й, стр. 514.

1819 г.

Его Благородію П. И. Головачеву, Ахтырскому Г-ну землемѣру—отъ 6-го іюня 1819 г. Вольное. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филотехническаго Общества, кн. 3, стр. 311. Харьковъ. 1891 г.

Собственноручное прошеніе статскаго совѣтника Василія Каразина въ С.-Петербургскую цензуру—отъ 29 октября 1819 г. Русская Старина, 1901 г., январь, стр. 244.

Къ Кочубею въ концѣ октября (1820 г.) Ист. Вѣстн. 1900 г. апрѣль, стр. 1049.

2 письма къ кн. Вяземскому отъ 2 іюня 1821 г. Тамъ же, стр. 1052—1053.

1827 г.

Письмо ст. совѣтника В. Каразина къ дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Гавриловичу Муратову—отъ 3-го марта 1827 г. Съ примѣч. Кар—на. С. Кручикъ. Русская Старина, 1902 г. апрѣль, стр. 224.

1829 г.

Къ А. А. Долгорукому—отъ 6-го іюля 1829 г. Богодуховъ. Русская Старина, 1903 г. апрѣль стр. 7—8.

Къ нему же—отъ 8-го іюля 1829 г. Кручикъ. Тамъ же, стр. 9—11.

1830 г.

Къ М. П. Погодину—1830 г. (о средствахъ противъ холеры). Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, кн. III, стр. 216.

1831 г.

Къ А. Х. Бенкендорфу - отъ 13-го ноября 1831 года Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 13.

Къ нему же - отъ 15-го ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 13—14.

Объясненіе Каразинымъ своихъ дѣйствій по растратѣ университетскихъ суммъ (покупка коллекціи Аделунга)—отъ 20-го ноября 1831 г. Русская Старина, 1903 г. апрѣль. стр. 14—16.

Къ С. Н. Муханову—отъ 20 и 21 ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 16—17.

Къ императору Николаю 1-му — отъ 31 декабря 1831 г. Тамъ же. стр. 21—24.

1837 г.

Къ А. Г. Тройницкому—1837 года. Русскій Архивъ, 1894 г., т. I стр. 563.

1839 г.

Къ Бенкендорфу - отъ 15 іюля 1839 г.—для Великой княгини Маріи Николаевны. Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 24 25.

Къ нему же—отъ 26 сентября 1839 г. Тамъ же, стр. 25 26.

Къ нему же - отъ 15 ноября 1839 г. Тамъ же, стр. 26—27.

1842 г.

Къ Погодину (о Молодикѣ) 1842 г. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина", кн. VII, стр. 136.

Къ нему же—1842 г. То же, кн. VI, Спб. 1892 г., стр. 67—68.

Къ Е. И. Колтуновскому отъ 15 апрѣля 1842 г. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III, стр. 340. Харьковъ, 1891 года.

Къ нему же—отъ 28 апрѣля 1842 г. Тамъ же.

Къ нему же—безъ даты (послѣ 28 апрѣля). Тамъ же.

„Письмо къ издателю" Молодика—Бецкому—отъ 2-го мая 1842 г. Харьковъ. Молодикъ на 1844 г., стр. 229—230. Харьковъ, 1843 г.

Къ М. П. Погодину—отъ 23 мая 1842 г. Впервые: Москвитянинъ, 1843 г. № 2, стр. 628—629, потомъ въ другихъ изданіяхъ.

Въ настоящемъ обзорѣ источниковъ и пособій отсутствуютъ указанія на *неизданныя* письма В. Н. Каразина, не имѣющія научнаго характера; соотвѣтствующія указанія на нихъ, равно какъ и на неизданные документы оффиціальнаго характера, сдѣланы подъ текстомъ сочиненія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCI.

1905 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.